

● Orientalia

Russian
State University
for the Humanities

Orientalia:
Papers of the Oriental Institute

Issue II

A. A. Kovalev

Pre-Sargonic Mesopotamia:
The Earliest Phases of History

Moscow
2002

Российский
государственный гуманитарный
университет

Orientalia:
Труды Института восточных культур

Выпуск 2

А. А. Ковалев

Месопотамия до Саргона Аккадского.
Древнейшие этапы истории

Москва
2002

**ББК 63.3(0)31
К56**

**ORIENTALIA: Труды Института восточных культур.
Выпуск 2**

Под редакцией И. С. Смирнова

Художник Михаил Гуров

ISBN 5-7281-0643-9

© Ковалев А. А., 2002
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2002

МЕСОПОТАМИЯ ДО САРГОНА АККАДСКОГО. ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ

Благодарности

Написание данной работы было бы невозможно или, по крайней мере, сильно затруднено без помощи, ценных замечаний и моральной поддержки коллег и товарищей автора. Это директор ИВК РГГУ И. С. Смирнов, который настоятельно рекомендовал «довести ее до ума» и дал ряд методических советов; шумерологи Н. Козлова (С.-Петербург) и Е. Визирова (ИВК РГГУ), которые помогли разобраться автору-нелингвисту в тонкостях шумерского языка и не утонуть в море новейшей специальной литературы; семитолог и ассириолог А. Коган (ИВК РГГУ) и многие другие.

Введение

Настоящая книга создавалась в первую очередь как учебное пособие, в котором автор, учитывая собственный опыт чтения в РГГУ курса истории древнего Востока (в рамках курса всеобщей истории; с 1994), а также курса истории древней Месопотамии (в рамках специализированной учебной программы ИВК РГГУ; с 1998) и ощущая возникший по ряду причин за последние годы пробел в российской историографии древней Месопотамии, счел необходимым — до появления оригинальных отечественных исследований — опереться на авторитет и достижения передовой мировой науки, иными словами дать студентам-историкам и филологам возможность познакомиться с данными новейших западных публикаций.

Кому адресована данная работа

Изучение древнейших этапов человеческой истории всегда было одной из интереснейших — и, вместе с тем, одной из труднейших, отраслей исторической науки. Это, естественно, относится к малоизученным цивилизациям, не оставившим после себя письменных памятников (или оставившие немногочисленные, плохо поддающиеся расшифровке надписи; например, цивилизация долины Инда). Однако в почти такой же степени это относится и к хорошо до-

кументированным культурам древности, таким как шумеро-аккадская, составляющая предмет этой работы: получение объективной информации из имеющихся в нашем распоряжении письменных источников сопряжено с многочисленными и разнообразными трудностями своего рода. Здесь играет роль ряд объективных и субъективных факторов. К первым относится степень изученности конкретных древних языков (так, аккадский язык, будучи членом семитской языковой семьи, изучен довольно хорошо; относительно изолированный шумерский известен хуже, что часто создает проблемы при интерпретации письменных памятников; хаттский, на котором говорило древнейшее известное нам культурное население Малой Азии, практически неизвестен), характер основной массы доступных текстов (например, подавляющее большинство клинописных и «протоклинописных» документов из Месопотамии представлено хозяйственной отчетностью, а не историческими хрониками, как хотелось бы историкам), их сохранность и многое другое. Последние включают наше понимание приоритетов (интересов, ценностей) древних писцов, ангажированность (или, если угодно, «партийность») тех или иных исследователей и даже то, что можно назвать «модой» в науке.¹

Несмотря на все эти и многие другие проблемы, в течение последних десятилетий наблюдается (в особенности, за рубежом) бурное развитие дисциплин, связанных с изучением древнего Двуречья — ассириологии, шумерологии, археологии со смежными областями знания, «Near Eastern Studies» в разных аспектах и т. д. Исследование древности всё более приобретает междисциплинарный характер — в ряде случаев этот процесс зашел настолько далеко, что книги, посвященные отдельным аспектам истории напоминают скорее естественнонаучные работы. Помимо лингвистики, к которой мы еще не раз вернемся, всё более заметную роль здесь играют (палео)ботаника, (палео)зоология, математика (или, по крайней мере, изучение древних систем счисления), астрономия, геология, почвоведение и т. п. Это развитие науки сопровождается лавинообразной публикацией источников, отчетов о раскопках, монографий, статей, словарей древних языков и прочих работ. Подавляю-

¹ Состояние источниковой базы ассириологии и связанных с ней проблем науки описано в дважды издававшейся у нас книге: А. Л. *Оппенхейм*. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации, М., 1990 (2-е издание). См., в особенности, Введение и Главу V. Попытка популярного (и, возможно, несколько вульгарного) изложения этой тематики предпринята автором данной работы в статье «Из курса лекций по истории Древнего Востока» (Вестник РГГУ. Вып. 4, Кн. I, 2000, с. 35—56).

щее большинство этих трудов выходит на Западе, что, несмотря на падение «железного занавеса», создает определенные трудности для отечественных специалистов, в особенности, — будущих, то есть студентов и аспирантов.

Таким образом, если перенести этот круг проблем в практическую плоскость, то есть рассмотреть их применительно к нашим сегодняшним условиям, можно заметить следующее: (1) важнейшие библиотеки Москвы и С.-Петербурга (уже не говоря о библиотеках более низкого ранга) содержат весьма незначительную часть того, что опубликовано — особенно в последнее время — за рубежом по интересующей нас тематике; (2) к сожалению, знание студентами иностранных языков часто оставляет желать лучшего, что особенно относится к немецкому, который в значительной степени продолжает оставаться языком науки; (3) при всей своей ценности, имеющиеся учебные пособия, научная и научно-популярная литература на русском уже не отражают современного состояния ассириологии и смежных дисциплин.

Остановимся на последнем моменте подробнее. С одной стороны, необходимо отметить, что отечественные труды, посвященные истории и культуре древнего Двуречья, в основном являются плодом труда научной школы И. М. Дьяконова — крупнейшего востоковеда, историка и лингвиста, ученого-универсала с мировым именем. Он относится к той небольшой группе ученых, труды которых в той или иной степени сохраняют свою актуальность на протяжении многих десятилетий. Надо к тому же иметь в виду, что новейшие взгляды и концепции совершенно необязательно являются верными: в науке были случаи возвращения к старому толкованию материала. С другой стороны, накопление новых данных, развитие традиционных и современных методов и дисциплин (особенно лингвистики) дает мощный импульс для всё более интенсивного развития науки о Древнем Востоке. Это, безусловно, надо учитывать и отражать не только в научной деятельности, но и в преподавании.

Говоря о преподавании, перейдем к еще более конкретной сфере — история Древнего Востока (точнее — Месопотамии) в РГГУ. В нашем случае история рассматриваемого региона в интересующую нас эпоху изучается на двух уровнях.

Во-первых, она входит в состав курса «Всеобщая история», в рамках которого преподается на I курсе во многих подразделениях РГГУ (ИФФ, ЦМБ, ФИПП и т. д.). Учитывая реальные задачи общего курса, детализированное изложение месопотамской тематики нецелесообразно. Кроме того, оно просто невозможно ввиду незначительного количества отпущенных часов. Поэтому материал преподносится в сжатом виде. Сведения, излагаемые на лекциях, навыки,

вырабатываемые на семинарах по истории Древнего Востока, проблематика, выносимая на аттестацию, — всё это составляет некий приемлемый минимум знаний по древнему Ближнему Востоку, достаточный для студента, не собирающегося специализироваться в данной области. Рекомендуемая здесь отечественная литература включает учебник под редакцией В. И. Кузицина,² первые две книги из дьяконовского трехтомника «История древнего мира»,³ основательный двухтомный труд «История древнего Востока»,⁴ ряд отечественных и переводных монографий и научно-популярных работ,⁵ хрестоматии по древней истории⁶ и методические материалы (в том числе выпущенные в РГУ, например, рабочая тетрадь «Древняя Вавилония по Законам Хаммурапи», составленная старшим преподавателем Кафедры всеобщей истории РГУ А. А. Борзуновым). К хрестоматиям примыкают отдельные публикации источников, число которых в России довольно незначительно.⁷ Говоря о

² История Древнего Востока: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История»/ А. А. Вигасин, М. А. Дандамаев, М. В. Крюков и др.; Под ред. В. И. Кузицина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2001. Вполне подойдут и предыдущие издания этого пособия.

³ История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы издательства, 1989.

⁴ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. Под ред. И. М. Дьяконова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983 (далее — ИДВ I); Ч. II. Передняя Азия. Египет. Под ред. чл.-корр. РАН Г. М. Бонгард-Левина, 1988. В первой части этой работы содержится неплохой историографический обзор, освещающий важнейшие этапы развития ассириологии.

⁵ Например, И. М. Дьяконов. Люди города Ура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990; Он же. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994; М. А. Дандамаев. Вавилонские писцы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983; А. А. Оппенгейм. Древняя Месопотамия (см. выше); А. Вулли. Ур Халдеев. М.: Издательство восточной литературы, 1961, а также целый ряд других — по большей части относительно старых — публикаций.

⁶ Такие как Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие, в 2-х частях. Ч. I/ Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980; Хрестоматия по истории Древнего Востока. Составление и комментарий А. А. Вигасина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

⁷ В целом публикация источников поставлена у нас не так уж плохо, однако источников конкретно по истории и культуре древней Месопотамии опубликовано немного. Так, Эпос о Гильгамеше в переводе И. М. Дьяконова и с его комментариями (М.-Л., 1961) представлял собой к моменту выхода из печати значительное событие в науке. Однако в настоящее время существуют новые, более точные переводы эпоса, сделанные с учетом недавно обнаруженных фрагментов поэмы. К тому же, насколько нам известно, дьяконовский перевод не переиздавался и потому не слишком доступен. Среди относительно новых отечественных публикаций источников можно назвать сборник: От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., ком-

достаточности этого минимума, мы также учитываем общую учебную нагрузку и возрастные особенности первокурсников — в своем большинстве это вчерашние школьники.

Во-вторых, месопотамская древность в самых разных аспектах изучается в рамках специализации «История и филология Древнего Востока», существующей с 1997 г. при Институте восточных культур РГГУ. Здесь обучение студентов проводится на принципиально ином уровне. Перечислим важнейшие отличия специализации от общих исторических курсов:

- дисциплины специализации углубленно изучаются студентами на протяжении всех пяти лет учебы (если говорить конкретно о месопотамской истории, то на ее изучение отводится три семестра);
- проводится интенсивное обучение древневосточным языкам (шумерский, аккадский, арамейский, древнееврейский и др.), без чего невозможна серьезная работа с источниками, причем для преподавания шумерского даже приглашаются специалисты из С.-Петербурга;
- помимо того, что источники изучаются на языке оригинала (шумерский, аккадский) в клинописной графике, иногда ведется работа с реальными «носителями» текстов в виде глиняных табличек, рельефов и т. п., для чего были организованы походы в музеи, включая Эрмитаж, а в одном случае — даже поездка в Ирак;
- усилиями преподавателей и студентов специализации (в особенности, ее куратора Л. Е. Когана) в ИВК собрана значительная библиотека классических и, что особенно важно, *новейших* зарубежных работ по лингвистике, истории и культуре изучаемого региона; сюда входят многочисленные публикации источников, монографии, словари и грамматики древних языков (шумерский, аккадский, хеттский и др.), сборники статей, журналы, а также картографические и иллюстративные материалы. Подчеркнем особо, что данная работа создавалась в первую очередь на материалах этой библиотеки.

Понятно, что студенты специализации, имеющие самый непосредственный доступ к источникам (информация «из первых рук»),

мент., словарь В. К. Афанасьевой. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. Антология содержит эпические произведения, мифы, надписи правителей, хвалебные гимны, молитвы, пословицы и притчи древнего Шумера, переведенные с учетом зарубежного опыта в этой области. Кириллическая система передачи шумерских слов в комментариях представляется нам неудачной, однако ее можно признать допустимой если учесть, что издание рассчитано на широкую аудиторию.

нуждаются в гораздо более подробном изложении истории, освещаемой ими. Это лишь один из аспектов особенностей дисциплин, изучаемых в рамках специализированного курса. Поскольку в ходе обучения подразумевается работа студентов с источниками на нескольких древневосточных языках и на арабском, а также (ввиду важности этого аспекта мы здесь повторяемся) регулярное и углубленное изучение всех этих языков как таковых (грамматика, морфология, лексика, графика и т. п.), понятно, что их учебная нагрузка чрезвычайно велика. Порой в «сетке» расписания просто нет свободных клеток, и некоторым студентам физически не удается посещать *все* лекции; приходится выбирать важнейшие — в зависимости от конкретной специализации и интересов того или иного учащегося. Отсюда необходимость учебного курса, который достаточно основательно, и с учетом новейших данных, излагал бы историю древней Месопотамии. Такая книга могла бы в известной степени заменить реальные занятия. (Естественно, это не означает, что пропуск занятий поощряется.)

Исходя из сказанного выше, ясно, что данный курс рассчитан прежде всего на студентов, специализирующихся на истории и филологии древнего Ближнего Востока. Он рассчитан именно на их уровень знаний, их владение материалом. Однако у работы есть и второй адресат. Это студенты-историки, обучающиеся на разных факультетах и кафедрах РГГУ. Студент, проявляющий интерес к Древнему Востоку, получит представление о древнейшей истории Двуречья и о связанной с ней проблематике, найдет ссылки на источники и литературу (в том числе новейшую), которые позволят ему при желании углубить знания по этому кругу вопросов. В некотором роде это работа «на вырост» — она требует от первокурсника, да и вообще от любого читателя, определенного уровня и достаточной суммы знаний, порой побуждая выходить за рамки уже известного.

При чтении данной работы может возникнуть отчасти справедливое впечатление, что она перегружена «филологией», т. е. различными лингвистическими деталями, на первый взгляд ненужными. Здесь много шумерских и аккадских слов и фраз, названий, имен собственных и т. п. Избавившись от них, можно было бы сделать текст более «гладким», читабельным. Однако все эти элементы представляют собой, на наш взгляд, неплохие «иллюстрации» к тексту. Выше уже говорилось о все возрастающей важности междисциплинарного подхода к изучению истории. На первом плане здесь находится именно лингвистика. В особенности это относится к древней истории. Если издавна культивируемое в ученых кругах знание классических греческого и латинского языков сыграло важ-

нейшую, но не исключительную роль при реконструкции античной истории (здесь у историков были и другие «зацепки» — прилично сохранившиеся античные сооружения и прочие артефакты, своего рода «историческая память» населения Европы, включая хотя бы тот факт, что латынь и греческий никогда не были полностью забыты и т. д.), то владение языками древней Месопотамии заняло не меньше, чем исключительное место при постижении истории Двуречья, являясь *почти единственным* его инструментом. Помимо древних текстов, в распоряжении ассириологов не остается почти ничего — влажная почва Южного Ирака почти не сохраняет глинобитных зданий, составлявших основную массу всех месопотамских сооружений, уже не говоря о деревянных и тростниковых домах и предметах, аккадский (и, тем более, шумерский) были начисто забыты несколько тысячелетий назад, библейские упоминания о Двуречье многочисленны, но весьма неполны и неточны, воспоминания о доисламском населении и его традициях почти полностью утрачены. Вот почему расшифровка клинописи и древних языков региона впервые бросила сколько-нибудь яркий свет на историю Месопотамии. Здесь надо также иметь в виду, что наше знание аккадского и, тем более шумерского, не идет ни в какое сравнение со знанием латыни и греческого. Так, в классической филологии в какой-то степени известны те пласты и явления языка, которые в принципе недоступны, быть может за редкими исключениями, в клинописных документах из-за жанровых особенностей последних, а также из-за особенностей самой клинописи: диалектизмы, вульгаризмы, просторечные формы, особенности выговора и т. п. (эту информацию дают пьесы Плавта и Теренция, граффити малограмотных простолюдинов, что было бы невозможно в Месопотамии, само буквенное, то есть полностью фонетическое письмо греков и латинян и некоторые другие источники). Поэтому — будь то в силу недостаточного знания языков, будь то из-за особенностей клинописной графики (что особенно актуально для «протоклинописи») — интерпретация месопотамских текстов часто бывает затруднена, что повышает значение тщательного лингвистического анализа. Иногда наше знание о каком-либо историческом факте основано на одной разбитой строке в клинописном документе. Если такая строка интерпретирована неверно, можно предполагать, что этого события (или человека) не было вовсе. Материал имен и названий весьма важен как сам по себе, так и потому, что на Древнем Востоке имя представляло собой целую фразу, обращенную к тому или иному богу (правителю, храму), выражающую надежду и т. п., что дает нам новые возможности для реконструкции — пусть далеко не полной — образа мысли и эмоционального склада древнейших обитателей этих мест. Эта же особенность по-

рой позволяет установить время жизни носителя имени. Кроме того, имена собственные иногда бывают единственными источниками информации по тому или иному аспекту (см. ниже раздел о религии), что делает их точное толкование особенно важным. Наконец, даже сама форма знаков (особенно самых архаичных), изображавших конкретные предметы, содержит важную информацию о материальном, а иногда и духовном мире древнейших жителей Двуречья. Завершая рассуждение о «филологическом» компоненте данной работы, заметим, что он в немалой степени позволяет читателю бросить беглый взгляд на кухню историка, увидеть как тот работает, на чем строит свои заключения и возводит свои реконструкции.

Транслитерация, транскрипция и перевод

Транслитерация шумерских слов и фраз обычно дается разрядкой (в отличие от аккадской и прочей семитской, которая набирается курсивом; прочие иностранные термины также даются курсивом). В данном случае, чисто по техническим причинам, мы используем для шумерского обычный прямой шрифт: например, eš₂-dam. Индексы шумерских знаков даются единообразно — подстрочными цифрами (в соответствии с распространенной в последнее время практикой; ср. PSD⁸): gir₂-su, а не gir-su; nam-dam-še₃ tuk, а не nam-dam-šè tuk. Некоторые тонкости шумерского произношения в транслитерации не учтены: например, вместо более точных ġir₂-su^{ki} и ur-saġ, дается gir₂-su^{ki} и ur-sag.⁹ Эти детали принимаются в расчет лишь при рассмотрении чисто фонетических явлений — в этом случае шумерские слова, слоги и фонемы даются обычным прямым шрифтом в наклонных скобках: например, /mah/, /ġalga/.

В соответствии с новейшими тенденциями, транслитерация отдельных знаков несколько отличается от привычных форм: ses вместо šeš, absu вместо abzu (ср. Bauer. Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte).¹⁰ Идеограммы (или «логограммы»), а также слова, произношение которых неясно, даются малыми прописными с подстрочными индексами: uruh_x(KUSU₂.MUS₂).

⁸ A. Sjöberg. The Sumerian Dictionary of the University Museum of the University of Pennsylvania. Philadelphia, 1984...

⁹ Это относится и к русской передаче шумерских имен и названий: например, вместо более точных форм *Нгирсу* и *Нгатумду(э)*, здесь употребляются упрощенные — и более распространенные в литературе — *Гирсу* и *Гатумду(э)*.

¹⁰ J. Bauer. Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte // Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1. 1998. Freiburg, Schweiz: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998.

В целях упрощения набора также не используется знак *ḥ*, что представляется нам простительным недочетом: в шумерском существование этой фонемы не доказано, а в аккадском нет придыхательного *h* и ларингала *ḥ*, поэтому обычное *h* в аккадских словоформах нельзя ни с чем перепутать — оно обозначает увулярное *ḥ*.

При переводе шумерских названий и фраз часто соблюдается буквальный порядок слов оригинала, например: *ib-ku₆-ku₂*, т. е. «(здание) Иб, (в котором) рыбу поедают». Это делается для того, чтобы читающий мог при желании сопоставить оригинал с переводом и даже правильно определить значения индивидуальных знаков.

Терминология

Мы всячески старались избегать широких обобщений и терминологии, которая могла бы вызвать неверные ассоциации. Так, термины «рабовладение», «рабовладельческий», «город-государство» и т. п., столь характерные для отечественной, главным образом марксистской, историографии, относятся скорее к эпохе классической древности (Греция, Рим), чем к рассматриваемому периоду и региону. Об этом будет несколько подробнее сказано при обсуждении соответствующей тематики.

Надо также иметь в виду, что многие термины, иногда употребляемые и в литературе, и в данной работе («царь», «[великий] визирь» и т. п.) в той или иной степени условны. Более того, точное значение и функции многих профессий, социальных категорий и даже индивидуальных предметов до сих пор не до конца ясны, а подчас вызывают ожесточенные споры. Как видно, несмотря на заметный прогресс в области шумерологии, ассириологии и смежных дисциплин, кое-что остается неизменным — полностью однозначное толкование древних памятников невозможно. Сближение же заведомо разнородных явлений, обладающих схожими чертами, а также модернизация недопустимы.

Часть I

География и население древней Месопотамии.
Древние языки. Краткая история
изучения

СЦЕНА И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
(ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ПРИРОДНАЯ СРЕДА ДВУРЕЧЬЯ,
НАСЕЛЕНИЕ)

Название

Слово «Месопотамия» — греческого происхождения (*Μεσοποταμία*, букв. «Междуречье»), хотя в качестве регулярно употребляемого термина оно начинает использоваться как название римской провинции. Арабское название *mā' baḥna-n-nahrāyn(i)* (букв.: «то, что между двумя реками»), надо полагать, является калькой греческого. Для обозначения значительной части северной Месопотамии между Тигром и Евфратом к югу от хребта Джебель Синджар (или просто Синджар) арабы также употребляют слово *jazīra*, буквально «остров» (не следует путать с *jazīratu-l-'arab*: «остров арабов», т.е. Аравийский полуостров). Древние жители Двуречья — шумеры и аккадцы — не имели общего названия для «Месопотамии» в нашем понимании.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее и, по возможности, в хронологической последовательности. От древнейшего населения Месопотамии (носители гипотетических «прототигридского» и «протоевфратского» субстратов и, может быть, некоторых других языков) до нас дошел ряд лексических заимствований в шумерский и многие топонимы, ни один из которых, впрочем, не может быть отнесен ко всей стране в целом. Шумеры называли юг Двуречья *kalam* (переводится как «[наша] Страна», «*the Land*»). Несколько позднее появляются обозначения *ki-en-gi(r)* и *ki-ugi*, которые принято переводить соответственно «Шумер» и «Аккад» (аккадские эквиваленты: *Šumerum* и *māt Akkadim*). Первое из этих слов относится к южной части Нижней Месопотамии, хотя первоначально оно, возможно было лишь названием окрестностей города Нишпура (шумерский Нибру) в центре этой области.¹¹ Второй термин обозначает ее северную часть. Точный перевод обоих шумерских терминов пока что неизвестен. Форма *ki-en-gi* иногда толкуется как «страна князя» (< **ki-eg̃i*),¹² а иногда как «страна шумерского языка» (< **ki-eme-*

¹¹ W. H. Ph. Römer. Die Sumerologie: Einführung in die Forschung und Bibliographie in Auswahl. 2., erw. Aufl. Münster: Ugarit-Verlag. 1999. S. 9.

¹² Ibidem.

gir),¹³ но подобные интерпретации не слишком убедительны. Название *ki-urġ* остается загадкой. Что касается соответствующих аккадских названий, то *Šumerum* может быть искажением диалектной формы слова *ki-en-gi*, а *māt Akkadim*, буквально «страна Аккада», восходит к названию города Аккаде — столицы Саргонидов.

Еще более позднего происхождения термины «Вавилония» и «Ассирия», которые вошли в употребление в течение II тыс. до н. э. в связи с политическим возвышением этих областей и стали обозначать соответственно Нижнюю и Верхнюю Месопотамию. «Вавилония» обязана своим происхождением городу Вавилону, аккадское название которого (*Bāb-ilim*) означает «Врата бога», хотя, судя по последним данным, мы имеем дело с народной этимологией, т. е. попыткой интерпретировать местный топоним неизвестного происхождения **babilla*. Надо сказать, что термин «Вавилония» довольно часто употребляется в литературе, особенно западной, применительно к древнейшим шумерским государствам, находившимся на этой территории еще до возникновения (или, по крайней мере, сколько-нибудь значительного возвышения) собственно Вавилона. Такой подход представляется нам не совсем правильным.

«Ассирия» восходит к названию города Ашшур в среднем, или скорее верхнем, течении р. Тигр, покровителем которого был одноименный бог. По мнению многих ученых, этот топоним — семитского происхождения и связан с корнем **šr*, передающим понятие святости. Первоначально название Ашшур относилось лишь к городу и его округе, но затем, по мере того, как этот центр расширял свое влияние, приобретая статус страны, примерно с середины XIV в. до н. э. стало всё чаще использоваться выражение «страна Ашшур(а)» (акк. *māt Aššur*), откуда и происходит название «Ассирия». Любопытно, что название «Сирия», относящееся к территории примерно совпадающей с Сирийской Арабской Республикой, является усеченной формой слова «Ассирия». Надо полагать, это связано с тем, что значительные части этой территории были долгое время подвластны Ассирии. Кроме того, многие арамеи, населявшие эти земли, пребывали в твердой уверенности, что они — потомки ассирийцев. Часть арамеев отстаивает это убеждение по сей день (например, айсоры, что собственно, значит «ассирийцы» и некоторые жители иракского Курдистана). Отчасти они правы, так как позд-

¹³ J. N. Postgate. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London—New York: Routledge. 1996. P. 38.

нейшее арамейское (по языку) население Ирака, Сирии и сопредельных областей восходит не только к тем арамеям-кочевникам, что некогда появились на западных рубежах Месопотамии, но и к жителям Ассирийской державы, в основном сельским.

Наконец, название «Ирак» (араб. *‘irāq*), которое в основном охватывает территорию древней Нижней и Верхней Месопотамии, стало применяться к этим землям в исламское время. Оно означает «берег».

В завершение этой темы скажем о названиях рек, всегда игравших огромную роль в жизни региона, — «Тигр» и «Евфрат». Античные наименования *Tigris* и *Euphrates* восходят к древним именам: шумеры называли свои реки *Idigna* и *Buranu*, а аккадцы — *Idiglat* (или *Idiqlat*) и *Purattu*. Являются ли «шумерские» гидронимы действительно таковыми или же это древние, субстратные названия, точно неизвестно. Современные жители этих мест, арабы, называют Тигр *Dijla(t)*, а Евфрат — *‘al-Furāt(u)*. Эти названия они получили «в наследство» от ассирийцев и вавилонян.

География: рельеф, реки, климат.

Растительный и животный мир

Исторически Месопотамия занимает всю территорию современного Ирака и прилегающие области Турции и Сирии. Иногда регион рассматривается как южный «рог» так называемого Плодородного полумесяца — изогнутой полосы пригодных для возделывания земель, включающей восточный берег Средиземного моря, предгорья Тавра и Загроса и бассейн Тигра и Евфрата.

Таким образом, Месопотамия в современном понимании представляет собой довольно неоднородный в разных отношениях регион. При всем многообразии условий здесь довольно четко выделяются две главные зоны: север и юг, отделенные друг от друга пересеченным ландшафтом, в результате чего сообщение между ними возможно почти исключительно по главным рекам, Тигру и Евфрату. Эти области отличаются прежде всего рельефом. Последний во многом определяет многие другие природные и хозяйственные факторы, что оказывает самое непосредственное влияние на историческое развитие в данном регионе.

Северная (Верхняя) Месопотамия представляет собой неоднородную по рельефу и ландшафту местность, где равнина — временами довольно холмистая и со значительными участками вышед-

ших наружу известняковых разломов — переходит в предгорья Тавра и Загроса. Иногда вдоль рек встречаются территории с плодородной почвой; здесь образовались своего рода миниатюрные аллювиальные долины, где речная вода активно используется для земледелия. Однако в целом неровный рельеф Северной Месопотамии препятствует проведению сколько-нибудь значительных каналов, если не считать немногочисленных, хотя и грандиозных ирригационных проектов ассирийских и персидских (Сасаниды) царей, относящихся к более позднему времени, чем то, что мы здесь рассматриваем. Поэтому земледелие Верхней Месопотамии сильно зависело от дождей. По данным Беринга и Вирта,¹⁴ изогиета (линия, связывающая участки с одинаковым уровнем осадков), к северу от которой возможно культивирование ячменя без дополнительных источников воды, проходит к югу от Ниневии и Арбелы и к северу от Ашшура. Кроме того, обнаружены следы древних вади, свидетельствующие о большей обводненности этих мест в древности. Ученые также неоднократно высказывали предположения, что ныне безлесные предгорные равнины были в прошлом покрыты относительно густыми лесами, а ручьи, источники и скважины попадались на территории Северного Ирака гораздо чаще. Однако эти предположения пока что не нашли твердых доказательств. Косвенным подтверждением достаточного уровня осадков (или существования дополнительных источников воды) служит целая череда древних теллей Джазиры, к югу от хребта Джебель Синджар — под ними скрываются значительные поселения III и II тыс. до н. э. Из этих холмов пока что раскопан лишь Тель-Римах. Сейчас Джазира не отличается густым населением. Поскольку рельеф Верхней Месопотамии мешал созданию достаточно мощных оросительных систем, наряду с земледелием значительную роль играло скотоводство, в частности отгонное («яйлажное»), когда летом скот пасли на горных пастбищах, а зимой — на равнине. Определенное хозяйственное значение имела также охота. Однако уже на довольно ранних стадиях истории все эти занятия были существенно дополнены — и где-то даже оттеснены на второй план — торговлей. Развитие последней определялось прежде всего географическим положением региона, через который проходили важнейшие торговые пути. Они связывали регионы различной хозяйственной специализации: земледельческий и ремесленный Юг (в историческую эпоху — Шумер, а

¹⁴ Приводится по: *J. N. Postgate*, *Op. cit.* P. 11—13.

в последствии Вавилония, где выращивались зерновые культуры, прежде всего ячмень, вырабатывались хлеб и пиво, а также разнообразные ремесленные изделия, особенно ткани), Малую Азию (древнейшая идентифицируемая культура представлена здесь государствами хаттов, которых примерно с XVIII в. до н. э. сменили хетты; отсюда вывозились в первую очередь руды металлов — свинца, серебра и, со второй половины II тыс. до н. э., железа), Иранское нагорье и прилегающие области (где обитало множество племен неясной языковой принадлежности, например предки кутиев и касситов, здесь находились оловянные рудники Западного и Южного Афганистана, лазуритовые копи Бадахшана). Последнее направление в конечном счете вело к предгорным культурам Средней Азии и даже к Индии, откуда вывозилось золото (хотя известно, что торговля с цивилизацией долины Инда велась также из Шумера морским путем; ее перевалочным пунктом был о. Бахрейн в Персидском заливе). Особого размаха верхнемесопотамская посредническая торговля достигла в Староассирийский период (XX—XVII/XVI вв. до н. э.), когда ею заправляли купцы города Ашшура — впоследствии центра Ассирийской державы. Однако эти процессы уже выходят за хронологические рамки данной работы. Вернемся ненадолго к географии.

Всё многообразие, наблюдаемое на севере Двуречья, можно условно разделить на три природно-географических региона или зоны. Будем при этом «двигаться» с северо-запада на юго-восток:

1) «северная зона» — к югу от верхнего течения Тигра; это гористо-холмистая местность, покрытая в древности кустарниками;

2) «средняя зона», которую с севера на юг пересекают притоки Евфрата (Белих и Западный Хабур); это холмистая, степная и относительно неплохо орошенная местность — к югу от гряды Синджар расположены участки, пригодные в некоторой степени для земледелия и скотоводства;

3) «южная зона» — пустынная местность к югу от хребта Синджар, продолжающаяся вплоть до условной границы Нижней Месопотамии.

Южнее, в Нижнем Двуречье мы наблюдаем совсем другую картину. Первое бросающееся в глаза отличие — чрезвычайно ровный рельеф местности. Последнее обстоятельство, в сочетании с самой жесткой необходимостью контролировать течение и разливы Тигра и Евфрата (от этого зависели не только урожаи, но и безопасность приречного населения, сама возможность жить в непредсказуемой

речной долине; недаром именно здесь возник сюжет о всемирном потопе, заимствованный впоследствии авторами Библии),¹⁵ привело к быстрому возникновению разветвленной сети оросительных и отводных каналов, шлюзов и водохранилищ (ирригация южного аллювия описана подробнее в специальном разделе — см. ниже). Начиная со второй половины IV тыс. до н. э. именно каналы и регулярный уход за ними обеспечивают функционирование главной хозяйственной отрасли южан — земледелия. Полученное в результате обилие воды и плодородного ила позволило древним земледельцам выращивать чрезвычайно обильные по тем временам урожаи.

Основной зерновой культурой был ячмень, преобладание которого было не в последнюю очередь связано с довольно ранним засолением земель — в отличие от пшеницы, которая также выращивалась здесь, ячмень можно выращивать на умеренно засоленных почвах. Из технических культур был широко распространен кунжут (он же — знаменитый сезам, или «симсим»), масло которого употреблялось для самых разных нужд, в том числе и в пищу. Выращивалось несколько разновидностей бобовых, а также лук, чеснок и травы, которыми приправляли довольно пресную и однообразную пищу — ячменные лепешки и нечто вроде каши. Из ячменя изготавливалось множество сортов пива разной крепости и качества. Сравнивая Месопотамию с Восточным Средиземноморьем, А. Л. Оппенгейм назвал ее «страной ячменя, пива и сезамового масла» в отличие от территорий к западу, где был «культурный круг» пшеницы, вина и оливкового масла». ¹⁶ Из фруктовых деревьев важнейшую роль играла финиковая пальма — источник весьма калорийных и хорошо поддающихся хранению плодов. В скотоводстве важнейшую роль играло разведение овец — в основном, ради шерсти. Держали также коз, крупный рогатый скот и птицу, но мясо употреблялось большинством населения очень редко, почти исключительно во время сезонных праздников (о некоторых аспектах хозяйственной дея-

¹⁵ Одно или несколько наводнений вероятно было особенно страшным. Для жителей речной долины оно и было всемирным потопом, разрушив всё, из чего состоял их мир. Вот строки из древнейшей, шумерской, версии легенды: «Потоп пронесется *надо всем миром*, / Дабы семя человечества уничтожить./ Окончательное решение, слово божьего собрания.../ Решение, реченные Аном, Энлилем, Нинхурсаг, / Царственность, ее прерывание.../ <...>/ Все злобные бури, все ураганы, все они собрались вместе./ Потоп свирепствует *надо всем миром*./ Семь дней. Семь ночей. / Когда потоп бушевал над Страною, / Злобный ветер высокой волною швырял огромное судно» (приводится по: От начала начал..., С. 296—297).

¹⁶ А. Л. Оппенгейм, *Op. cit.* С. 35.

тельности населения Нижней Месопотамии будет подробнее сказано ниже).

Всё это имеет непосредственное отношение к нижнемесопотамскому ландшафту: в значительной степени он определяется масштабом человеческой деятельности. В соответствии с этим, на Юге можно выделить по крайней мере четыре типа местности:

1) «культивированный аллювий» — заселенные долины рек и каналов, превращенные человеком в ячменные и пшеничные поля, в рощи финиковых пальм и огороды. Географически эти области находились в нижнем и среднем течении Евфрата и в долине впадающей в Тигр Диялы (древний Турнат). Своего рода шупальца или рога южного аллювия протянулись на северо-запад по долинам Евфрата и Тигра, соответственно до городов Мари и Ашшур, которые можно рассматривать как северные аванпосты шумеро-аккадской культуры;

2) «некультивированный аллювий»: в естественных условиях на берегах крупных рек и в долинах, покрытых илом, произрастали настоящие дебри — ивы, тополя, лакрица, густые кустарники. Здесь водились дикие кабаны, крупные представители кошачьих, почти вымерший ныне месопотамский олень и некоторые другие животные. В отдалении от речных русел, на засоленных участках росли чаши тамариска;

3) болота и лиманы сосредоточены в основном на крайнем Юге, ближе к Персидскому заливу. Они неизбежно образуются в естественных условиях (или при отсутствии должного уровня ирригации и мелиорации) на ровной местности в долинах крупных рек. В настоящее время здесь водится водный буйвол, которого завезли в Ирак относительно недавно. Несмотря на его отсутствие в древности, болота Нижней Месопотамии представляли собой важный пищевой ресурс: там было огромное количество разнообразной рыбы, болотной птицы, черепах и прочей живности.¹⁷ Важен и произра-

¹⁷ Приведем источник времен III династии Ура: «145 птиц *риги*; 29 птиц *у-аз*; 16 птиц *у*; 126 водных птиц; 18 „птиц приданого“; 176 уток; 60 утят; 12 ласточек; 11 441 птиц *ум*; 705 птиц *гамгам*; 30 птиц *уби*; 86 птиц *дадар*; 20 цапель; 466 птиц *эси*; ... [12 прочих видов птиц] ...; 18 413 мелких птиц; 2617 копченых птиц; 180 ворон; 391 утиное яйцо; 152 298 яиц мелких птиц; 2186 морских черепах; 2714 яиц морских черепах; 300 [сухопутных] черепах./ Всего 197 873 — итоговый счет, совокупных поставок. Принял Нин-унумун-ки-аг./ С пятого месяца тридцатого года [правления царя] Шульги по второй месяц тридцать третьего года Шульги, т. е. [в течение] 35 месяцев» (цитируется по: *D. I. Owen. Of Birds, Eggs and Turtles // ZA 71, 1981, P. 30—31*). Если в эпоху несомненного преобладания в экономике земледелия

стающий на болотах тростник — с древнейших времен и по сей день его разные виды используются здесь в строительстве, для изготовления мебели, плетения циновок и корзин и т. п.;

4) пустыни, находившиеся между Тигром и Евфратом в местах недоступных для воды, т. е. там, куда не доходила вода рек и каналов и не было по близости болот. Подобные участки существуют в Ираке по сей день. Они образуют широкую полосу, которая по своей (извиняемся за тавтологию) пустынности ничуть не уступает «настоящим», большим пустыням, находящимся за тысячи километров от речных долин. Помимо скудной флоры, эти пустыни располагают собственной фауной — шакалы, гиены, орлы, львы, газели, а в древности также и онагры.

Все эти «зоны» находились в почти непрерывном движении, поскольку менялся не только ареал человеческой деятельности, но и само течение рек: известно, что Евфрат менял свое главное русло по крайней мере четыре раза. Соответственно перекраивалась и сеть каналов; там где отступал человек, надвигались болота и пустыни. В связи с этим нельзя забывать и о таком факторе, как засоление почвы, происходившее в результате несовершенства древней техники ирригации и приводившее к появлению значительных участков земли, полностью или частично негодных для культивации.

Климатические условия на Юге гораздо жестче северных — почти полное отсутствие осадков (что, помимо частых наводнений, придавало оросительным работам исключительное значение, поскольку без них не было бы не только богатых, но вообще *любых* урожаев) усугубляется сильными перепадами температур, чрезвычайно высоких днем и довольно низких ночью (особенно зимой). Эти отличия, определив особенности хозяйственной деятельности Севера и Юга, повлияли и на особенности социального развития этих регионов. Подстегиваемые природой южане были вынуждены непрерывно поддерживать в порядке оросительные системы. Прорытие и регулярная расчистка каналов, строительство дамб, шлюзов и водохранилищ требовало огромных затрат общественного труда. (Не будем забывать, что даже в крупных центрах население древнего Двуречья было довольно малочисленно по современным меркам и что оно располагало лишь самыми примитивными средствами труда.) Этот труд, в свою очередь, требовал хорошей орга-

поступали столь крупные партии добычи с болот, то надо полагать, что в более ранние периоды роль «болотных» пищевых ресурсов была еще выше.

низации, что способствовало ускоренному формированию верхушки общества, занятой исключительно этим. Так появилась администрация в своих разных проявлениях — вождь-жрец, учетчик (несколько позже ставший писцом), бригадир, надзиратель (впоследствии воин и «полицейский»). Вся эта структура была сосредоточена вокруг комплекса храм-дворец, который стал ядром города и «малого государства» («города-государства», «номового государства»). Жизнь такого государства так или иначе была теснейшим образом связана всё с той ирригационной системой и с заботами об урожае. В этом и во всем остальном жителям города покровительствовал его «реальный» (в их глазах) правитель — городской бог. Последнего за отсутствием замещал вождь-жрец (*umun*, **ewen*, *en*): на Юге светская власть была традиционно связана с духовной и редко претендовала на самостоятельность. Отсюда нижнемесопотамская политическая раздробленность — каждый город мыслился как территория конкретного божества (вернее, его «большой семьи»), и объединение даже двух или трех городов в некое единое образование южане долгое время просто не могли вообразить. Бог-покровитель Нишпура Энлиль долгое время был скорее мировым судьей, разрешавшим территориальные и прочие споры между граничившими государствами,¹⁸ нежели верховным правителем.

На Севере ирригация, равно как земледелие и храм с его сложной структурой, не играла сколько-нибудь значительной роли. Государство формировалось здесь под влиянием других факторов — возможно, сильно выраженных племенных устоев. Власть светского вождя-самодержца была намного сильнее, чем у южных правителей.¹⁹ Прежде всего, это относится к традиции города Киша на севере Нижней Месопотамии (впоследствии выражение *lugal Kiški*, «лугаль Киша», стало означать «царь вселенной»).

Впрочем, говоря о природных факторах, мы сильно удалились от данного предмета. Завершая тему климата, заметим, что при оценке его влияния на различные аспекты жизни древнего Двуречья ученые в основном исходят из его современного состояния. Каким он был в рассматриваемую эпоху остается только гадать. Об этом часто ведутся дискуссии, но однозначных сведений крайне

¹⁸ Здесь надо заметить, что ранние шумерские государства располагались на плодородных землях, в основном — вдоль долины Евфрата, сплошной полосой. Свободных территорий между ними почти никогда не было.

¹⁹ Подробнее об этом см. в статье: *P. Steinkeller*. Mesopotamia in the Third Millennium B.C. // *The Anchor Bible Dictionary*, Vol. 4 (K—N). P. 724ff.

мало. Можно с уверенностью утверждать только то, что он отличался от наблюдаемого ныне. Уже говорилось о предположительно большей обводненности Верхней Месопотамии. Есть основания предполагать, что степные районы на Юге и на Севере некогда представляли собой лесостепь (указания на это можно найти в некоторых текстах). Однако полной и точной картины у специалистов пока что нет. С несколько меньшей уверенностью можно допустить, что в послеледниковый период отличия между современным и древним климатом Ирака, будучи заметными, всё же не носили радикального характера. В любом случае, при оценке влияния климатических факторов необходимо соблюдать известную осторожность.

Затронув тему лесов на территории Двуречья, имеет смысл обратиться к природным ресурсам в целом. Доступ к некоторому количеству древесины, а также камня был в основном у жителей Верхней Месопотамии. Что касается Юга, то даже если ситуация с лесами здесь была лучше, чем теперь, то хозяйственная деятельность человека быстро свела гипотетические заросли на нет — люди вырубали деревья, а козы «позаботились» о кустарниках. В остальном Нижняя Месопотамия также беднее Верхней, уже не говоря о Малой Азии или Иранском нагорье. Южный Ирак не располагает ни запасами камня, ни залежами руд. Из использовавшихся в древности ресурсов здесь были в изобилии доступны лишь глина и тростник. Кое-где в Месопотамии встречается природный асфальт (в особенности, в окрестностях города Хит на среднем Евфрате). Нефть — важнейшая природная ценность современности — в рассматриваемую эпоху применения не находила. Недостаток ресурсов, с одной стороны, сильно препятствовал развитию цивилизации, но с другой — несомненно стимулировал развитие международной торговли (а порой и грабежа более слабых соседей). Межрегиональный обмен товарами существует с палеолита, но наибольший размах торговля приобретает в момент возникновения городской культуры, верхушка которой начинает испытывать потребности, выходящие за рамки повседневных нужд. В условиях же Месопотамии каменные здания и статуи, медное оружие, украшения из металла и драгоценных камней, высококачественные ткани и виноградное вино означали необходимость обращения ко внешним ресурсам. Наиболее яркие примеры этой торговли (индийское золото и бадахшанский лазурит в могильниках Ура, разветвленная сеть ашшурских торговых факторий в Северной Месопо-

тамии, Сирии и Малой Азии) относятся не к самым архаичным временам. Однако международный обмен был несомненно налажен уже ко времени создания первых городов на юге месопотамского аллювия.

Скажем еще немного о рельефе. Он является одним из наиболее заметных параметров, отличающих Нижнюю Месопотамию от Верхней. Неоднократно высказывавшиеся соображения о влиянии рельефа на формирование государств и величину их территории (многочисленные естественные преграды способствуют политической раздробленности, а их отсутствие — наоборот) здесь «не срабатывают». Некоторый — возможно лишь воображаемый — парадокс Месопотамии состоит в том, что почти идеально ровный Юг первоначально был ареной далеко не всегда мирного сосуществования множества небольших шумерских государств («городов-государств», «номов»), тогда как Север, с его холмами, горными хребтами, неудобными для переправы берегами Тигра, оврагами и т. п., часто становился инициатором политического объединения всего Двуречья, а порой — и прилегающих территорий.

Древнее население и языки Месопотамии

Как и во многих других случаях, языковая принадлежность древнейших народов Двуречья неизвестна. О некоторых группах древнего населения уже упоминалось в связи с месопотамской топонимикой. Говоря о динамике этого неизвестного населения, надо отметить, что Юг, давший самые ранние (возможно на всей планете) «ростки» цивилизации, был заселен позже Севера. По всей видимости, основным направлением, по которому двигались племена, проникавшие в долину Тигра и Евфрата, было с севера на юг. Жители гор и предгорий Тавра и Загроса спускались в долину и постепенно осваивали ее, совершенствуя приемы земледелия, ирригации и керамического производства. Этот процесс достаточно четко прослеживается по крайней мере с середины VII тыс. до н. э. в виде смены ряда археологических культур — Умм-Дабагия, Хассуна, Халаф. Языковая принадлежность их представителей неясна. Выдвигаемые гипотезы о том, что они были носителями прасемитского (праиндоевропейского и т. п.) языка всё еще не находят окончательного подтверждения.

В середине V тыс. до н. э. на Юге, практически «на пустом месте», возникает Убейдская культура — прямая предшественница шу-

мерской. Это, впрочем, не означает, что убейдцы были шумерами (в старой литературе их иногда именуют «протошумерийцами»). Происхождение шумеров — древнейших известных нам жителей Нижней Месопотамии — до сих пор не поддается однозначному объяснению. Несмотря на то, что письменные памятники на их языке более или менее поддаются пониманию, классификация самого языка чрезвычайно затруднительна. Ни одна из попыток причислить шумеров к какой-либо языковой семье не может быть признана достаточно серьезной (а гипотез высказывалось огромное количество; с кем только ни пытались «породнить» шумеров — и с тюрками,²⁰ и с малайцами, и с носителями тибето-бирманских языков). Тем не менее, шумерский язык с его явно несемитской и неиндоевропейской грамматикой не имеет достаточного количества общих черт с каким-либо иным языком, так чтобы можно было говорить об их родстве. «Безопаснее» всего считать шумерский язык изолированным. Проблема прародины шумеров также не решена. Некоторые особенности шумерской культуры дают основания предполагать, что они являются в Месопотамии пришлым элементом. Это, в первую очередь, мореходное искусство шумеров, которое может свидетельствовать об их переселении в Двуречье морским путем и их привычка строить высокие храмы-зиккураты (точности ради, надо заметить, что само слово *зиккурат* — аккадское), которая, по мнению некоторых ученых, восходит к обычаю воздвигать святилища на вершинах гор (а гор, как известно, в Месопотамии нет). Шумеры-мореходы оставили «в наследство» народам Западной Азии и само название профессии моряка: шумерское слово ma_2-lah_5 (буквально «тот, кто ходит на лодке») перешло в аккадский язык (*malāhu*), ныне оно звучит в еврейском и арабском языках (в обоих случаях *mallāḥ*).

С другой стороны, в шумерском языке существует значительное количество достаточно старых заимствований из семитских языков (например, название чеснока — *sum* из аккадского *šūtu(m)*), что может указывать на долгое совместное проживание шумеров и семитов. Поскольку, на основании новейших научных данных, можно предполагать, что последние жили в районе так называемого Плодородного полумесяца (Месопотамия и Восточное Средиземноморье),

²⁰ Сопоставление шумерского *dingir* «бог» (III тыс. до н. э.) с тюркским *tengri* «небо» (самое раннее — I тыс. н. э.) и некоторые другие «пары» подобного рода не выдерживают серьезной критики.

рье, в особенности, Палестина), то напрашивается вывод, что и шумеры, в языке которых имеется значительное количество семитизмов, обитали где-то неподалеку. Если это так, то их культура формировалась примерно в этом же регионе, и пришельцами их считать нельзя. Здесь необходимо впрочем, оговориться, что лингвистические данные, о которых шла речь, не являются окончательными и требуют тщательной проверки. Поэтому вопрос о прародине шумеров можно во многом считать открытым.

Помимо семитизмов (это не самый древний, но самый «проверяемый» компонент шумерской лексики), в шумерском встречается целый пласт субстратной лексики, что особенно существенно — культурной. Среди этих слов важное место занимают названия профессий: «гончар», «кузнец» и т. п. (подробнее см. ниже). Это безусловно говорит как о достаточно высоком культурном уровне дошумерского населения Нижней Месопотамии, так и о его влиянии на шумеров. Наши сведения о субстратах региона крайне неполны. В Двуречье выделяются по крайней мере два субстратных языка — прототигридский («банановый») и протоевфратский, названия которых указывают на примерный ареал их распространения, соответственно вдоль долин Тигра и Евфрата. Эпитет «банановый» связан с тем, что большинство слов этого субстрата имеет облик, схожий с английским словом *banana*, т. е. «банан». К нему относятся имена ряда божеств (видимо, главного бога Киша, воителя Забабы [za-ba₄-ba₄], лагашской «Бау» [d^hba-U₂], если ее имя читать как «Баба» [d^hba-ba₆]) и некоторые топонимы. Впоследствии — если интерпретация ученых верна — «банановый» субстрат неожиданно всплывает в XVIII—XVII вв. до н. э. в именах гиксосских правителей Египта. Его точная принадлежность до сих пор остается загадкой.

Вторым древнейшим идентифицированным этносом Двуречья были семиты (мы бегло упоминали их выше). Они появляются в Северной Месопотамии на рубеже IV и III тыс. до н. э., если не раньше. Семитские этносы составляют большую семью языков, куда входят такие ныне существующие народы, как арабы, евреи, большая часть эфиопских народностей, айсоры (или ассирийцы), а также ряд малых народов — например жители острова Сокотра, которые говорят на отдельном языке, входящем, тем не менее, в семитскую семью. Существовали и другие, ныне вымершие семитские народы — амореи, финикийцы, жители города Угарита на восточном побережье Средиземного моря. Семиты же, пришедшие в древнейшую эпоху на берега Тигра и Евфрата стали называться

аккадцами, а их язык — аккадским или восточносемитским. Впоследствии аккадский язык разбился на два довольно значительно отличавшихся друг от друга диалекта — северный (или ассирийский) и южный (или вавилонский). Этот язык перестал существовать еще до начала нашей эры и известен нам благодаря расшифровке клинописной системы письма и сопоставлению написанных на нем текстов с другими семитскими языками, которые издавна были известны европейским ученым: древнееврейским, арамейским и арабским. Что касается шумерского языка, то заметим здесь кратко, что он известен нам не только хуже аккадского, но и исключительно благодаря аккадскому: если бы аккадские писцы не составляли для себя обширные словари и грамматики (конечно, это не были грамматики в полном, современном смысле слова, тем не менее, на основании разного рода списков и школьных упражнений, мы можем судить о структуре шумерской фразы) шумерского языка, до нас не дошло бы ни одного шумерского слова. Надо добавить, что сохранились следы раннего присутствия в Месопотамии семитов, не относящихся к аккадцам. Поскольку лингвистический материал, имеющий к ним отношение, очень скуден, в литературе их условно называют «ранними семитами» (Early Semites). Сказать об этой группе что-нибудь более определенное пока затруднительно.

Шумеры и семиты долгое время сосуществовали — первые занимали юг, а последние — север Месопотамии. В некоторых районах население было смешанное, шумеро-аккадское. Интересно, что имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают основания говорить о каких-либо проявлениях национализма или этнической вражды со стороны той или другой групп населения.²¹ Веро-

²¹ Исключением является своеобразный «культурный национализм» (в отличие от этнического), который оседлые горожане и земледельцы проявляли по отношению к кочевникам и в целом, к народам, стоявшим на более низкой ступени развития. Ярким примером является отношение к завоевателям кутиям, которые пришли в Двуречье с Иранского нагорья (XXII в. до н. э.). Осуждение всего «племени кутиев» связано с тем, они были в глазах «черноголовых» не более, чем неотесанными бандитами, грабившими города и села страны Шумера и Аккада. В надписи-поэме, составленной от лица шумерского царя Утухенгалы о вожде кутиев говорится так: «Жалящий змей гор, насильник против богов, унесший *лугальство* (т. е. «царство», мыслимое не только как власть, но и как некая божественная эманация) Шумера в горы, наполнивший Шумер враждой, отнимавший супругу у супруга, отнимавший дитя у родителей, возбуждавший вражду и распрю в Стране». Подобные проявления наблюдаются и в отношении оседлых земледельцев и горожан Месопотамии к степнякам-кочевникам, чей неприглядный образ нашел отражение в шумерских легендах о божественной Марту. Впрочем, презрение и недоверие были здесь взаимны.

ятно так было потому, что в то время люди еще не мыслили такими большими категориями, как «нации» или одноязычные этнические массивы: и дружили между собой, и враждовали более мелкие единицы — племена, номы, территориальные общины. Все жители Нижней Месопотамии называли себя одинаково «черноголовыми» (по-шумерски *sag-ge₆-ga*, а по-аккадски *šalmāt qaqqadim*) независимо от того языка, на котором говорил каждый. Можно считать, что выражение «черноголовые» было в известном смысле синонимом слова «люди». Со временем, однако, «черноголовые» семиты продвинулись на крайний юг Двуречья, потеснив и ассимилировав «черноголовых» шумеров. Конечным результатом этой экспансии было исчезновение шумеров с исторической арены — к началу II тыс. до н. э. шумерский фактически стал мертвым языком. Его место занял аккадский. Едва ли все шумеры были уничтожены физически. Скорее всего, многие из них слились с аккадцами и их потомки стали считать своим родным языком аккадский, хотя шумерский язык не был забыт — он сохранился как язык религии, науки и культуры. Шумерский был для древней Месопотамии тем же, что латынь для средневековой Европы и арабский для мусульманского Востока — как в Средние века, так и по сей день. Любопытно, что шумерский продолжали изучать в вавилонских школах вплоть до I в. до н. э., то есть спустя восемнадцать-девятнадцать веков с того момента, когда исчезли последние люди, для которых шумерский был родным языком.

Кроме шумеров и аккадцев на территории Месопотамии появлялись и другие народы: амореи, хурриты, касситы, арамеи, эламиты и некоторые другие. Однако именно шумеры и аккадцы играли определяющую роль в истории Двуречья с конца IV тыс. до н. э. и до первой половины I тыс. до н. э., ознаменованного сильным преобладанием арамейского элемента, за которым последовало завоевание Вавилонии (539 г. до н. э.) и всей Передней Азии персами. Шумеро-аккадская цивилизация внесла основной вклад в формирование культуры Месопотамии, а во многих отношениях — и всего Ближнего Востока.

Здесь хотелось бы вкратце сказать о соотношении шумерского и аккадского элементов в истории и культуре Двуречья. Этот вопрос представляет собой проблему огромной важности и подход к нему менялся по мере накопления наших сведений о древнейшем населении Месопотамии. Согласно традиционному (и во многом верному) взгляду, культурный приоритет на Ближнем Востоке, да и, по-

хоже, что на нашей планете в целом, принадлежит шумерам. Яркой иллюстрацией этой концепции может служить знаменитая книга Сэмюэла Н. Крамера «История начинается в Шумере» (последнее русское издание книги вышло в 1991 году). Идея о культурном «первородстве» шумеров основана на том, что именно шумеры передали народам древней Передней Азии свою письменность, систему мифологии и религии, а также научные знания. С этим трудно поспорить, однако, «заодно» было принято считать шумеров также и пионерами материальной культуры: изобретателями передовых форм земледелия, ирригации и архитектуры, первыми ремесленниками, гончарами и металлургами. Последние археологические и лингвистические исследования показывают, что это не так, поскольку совершенная материальная культура, включая рациональную ирригацию, металлургию, развитую архитектуру и применение достаточно совершенных орудий труда существовала задолго до появления шумеров (VII—V тыс. до н. э.) и не только в Месопотамии. Подводя итог, можно сказать, что на берегах Евфрата и Тигра в IV—III тыс. до н. э. встретились два больших этнических массива (шумеры и аккадцы), обладавшие примерно одинаковым развитием материальной культуры. Тем не менее, шумеры (в первую очередь, благодаря наличию у них письма) оказались учителями аккадцев, а в последствии и других народов, в области культуры духовной.

Экскурс 1. Археологическое освоение региона.

Зарождение и развитие ассириологии и смежных дисциплин

Природные особенности Двуречья, о которых сказано выше, во многом определили не только ход истории и основные тенденции развития региона, но и его исследование. Благодаря этим факторам, а также специфике основного строительного материала (кирпич-сырец), Месопотамия, в отличие, например, от Египта, тщательней «скрывает» свои древности — на поверхности видны лишь глиняные (араб. *телль*) и зольные (араб. *ишан*) холмы. Под ними находятся тысячелетние культурные наслоения. Дж. Н. Постгейт назвал ландшафт Нижней Месопотамии «палимпсестом человеческой истории».²² Прочсть этот «палимпсест» под силу лишь искусственному современному специалисту-археологу, располагающему не только необходимыми знаниями и навыками, но и соответствующим оборудованием. В странах христианской культуры основным

²² J. N. Postgate, Op. cit. P. 13: This is a palimpsest of human history on the plains...

источником знаний о древних цивилизациях Ближнего Востока всегда была Библия и, в меньшей степени, труды античных историков и географов (Геродот, Страбон и др.). В отношении Египта эти сведения визуально подтверждались стоявшими на поверхности импозантными остатками древности — великими пирамидами, храмами, стелами и различными развалинами, часто покрытыми письменами. В Двуречье же всего этого не было. Зная о том, что в долине Тигра и Евфрата некогда существовала великая цивилизация,²³ люди нового времени долго не могли найти никаких ее следов. Где же находился Вавилон, этот «молот всей земли» и «ужас между народами» (50 Иер. 23)? Где искать Ашшур, «жезл гнева» Господня (10 Ис. 5), Им же истребленный, или Ниневию, «город великий» (1 Иона 1)? Все они находились под холмами, о чем догадались далеко не сразу.

Первые находки, связанные с зарождением ассириологии, были сделаны не в Месопотамии, а в Персии. Еще в XVII в. европейские путешественники обращали внимание на развалины Персеполья — столицы персидской династии Ахеменидов (559—331 до н. э.). Персеполь не погребен под землей и вполне удобен для исследования. Первые попавшие в Европу зарисовки клинообразных знаков были сделаны итальянским купцом Пьетро дела Валле (1621). Он верно определил направление письма (слева направо) и назвал эти знаки «буквами», но дальше не продвинулся. Датчанин Карстен Нибур изучал персепольские надписи в 1765. Он скопировал значительное их количество и правильно определил, что они составлены на трех разных языках: в одном случае отдельный знак передает букву, в другом слог, а в третьем — целое слово. На этой стадии исследования расшифровка не удалась. Осозаемых результатов впервые добился в 1802 г. немецкий преподаватель классических языков

²³ Библия упоминает главные реки Двуречья, страну под названием Сенаар (т. е. Месопотамию; возможно это слово связано с топонимом «Шумер»), названия городов (Ур Халдейский [11 Быт. 28, 31; 15 Быт. 7], Вавилон с его знаменитой башней [11 Быт. 9; 4 Цар.; 1 Пар.; 2 Пар.; Ездр.; Ис. и пр.; в Новом Завете как символ греха — «блудница Вавилонская»], Ассур, т. е. Ашшур [Ис. и др.], Ниневию [Иона] и т. д.), имена вавилонских и ассирийских царей (Амрафел, т. е., вероятно, Хаммурапи; [14 Быт. 9], Феглаффеласар, т. е. Тиглатпаласар [15 4 Цар. 29; 16 Цар. 7, 10], Салманасар [18 4 Цар. 9], Сеннахирим, т. е. Синаххериб [18 4 Цар. 13; 32 2 Пар. 1; 36 Ис. 1], Беродах Валадан, т. е. Мардук-апла-иддин [20 4 Цар. 12], Навуходоносор [24 4 Цар. 1; 36 2 Пар. 6] и многие другие), а также различные эпизоды древней истории, например, осаду городов Иудеи и Израиля ассирийскими и вавилонскими войсками, переселение народов, практиковавшееся ассирийцами, вавилонский плен евреев и т. п. (4 Цар.).

Г. Ф. Гротенфенд. Опираясь на логику расположения знаков и знание истории — в частности, последовательности правления Ахеменидской династии и титулатуры перс. царей, — он сначала разгадал две короткие надписи, а затем, используя язык «Авесты» (священное писание зороастрийцев), прочел их по-персидски, правильно расшифровал 9 знаков персидского «алфавита». Полная расшифровка персидской клинописи была осуществлена к середине 1830-х гг. англичанином Г. К. Роулинсоном, французом Э. Бюрнуфом, норвежцем К. Лассеном и рядом других ученых. Значительная роль в расшифровке всех видов клинописи сыграла Бехистунская надпись Дария I на отвесной скале в западном Иране, которую Роулинсон с огромным трудом и риском для жизни копировал в течение 1835—47 (лично и с помощью мальчика-курда). Подобно многим персепольским надписям, Бехистунская составлена на трех языках. Располагая ко времени окончательной ее публикации знанием персидского письма, можно было взяться за оставшиеся две части надписи, несомненно схожие по содержанию. Знаки второго ряда надписи (100 с небольшим) читались, но еще не поддавались полной интерпретации. Они были идентифицированы как эламские, и эламский язык был постепенно расшифрован в течение последующих десятилетий (хотя знания о нем очень неполны по сей день). Нижний ряд Бехистунской трилинговки был интерпретирован достаточно быстро — его знаки почти совпадали с письменами, только что обнаруженными при раскопках в Хорсабаде (древний Дур-Шаррукин), Нимруде (Кальху; в Библии — Калах) и Кундджике (Ниневия), т. е. городах древней Ассирии. Поскольку они были раскопаны раньше остальных, письменность и передаваемый ею язык стали называть «ассирийскими». Эта традиция порой проявляется и сейчас. Так, подробнейший словарь аккадского, издаваемый до сих пор в Чикаго, носит название «The Chicago Assyrian Dictionary» (принятое сокращение — CAD), несмотря на то, что в нем охвачены все периоды и диалекты аккадского языка. Отсюда и название науки *ассириологии*, которое со временем стало расширительно переноситься на прочие «клинописные» языки и культуры. Если рассматривать ассириологию, как совокупность дисциплин, охватывающих все цивилизации древности, использовавшие клинописную, изначально месопотамскую, систему письма, то сфера ее охвата весьма велика:

Язык и его принадлежность (языковая семья)	Государственные образования и датировка
Шумерский (неизв.)	Шумер. города-гос-ва Ю. Месопотамии (ок. 3000—2310); город-гос-во Лагаш (XXII в.); «Царство Шумера и Аккада» (иначе: III династия Ура; ок. 2110—2003)
Аккадский; его разл. диалекты (восг.-сем.)	Держава Саргонидов (иначе: династия Аккаде; 2310—2250); город-гос-во Ашшур (XX—XVI вв.); Ассирия в средне- (XV — кон. XI вв.) и новоассир. (X — кон. VII вв.) периоды; Вавилония в старо- (XIX — нач. XVI вв.), средне- (XVI—XII вв.), ново- (VII—VI вв.) и поздевав. (от господства персов до римского времени; VI в. до н. э. — I в. н. э.) периоды.
Хурритский (хурритско-урарт.)	Разл. города-гос-ва С. Сирии, С. Месопотамии и Малой Азии (кон. III — II тыс.); гос-во Митанни в С.-З. Месопотамии (XVI—XIII вв.).
Урартский (хурритско.-урарт.)	Города-гос-ва Армян. нагорья (племена «Уруатри»; XIII—X вв.); гос-во Мусасир; гос-во Урарту (иначе: Ванское царство; IX — нач. VI вв.).
Хаттский язык (неизв.; возм., абхазо-адыгск.)	Города-гос-ва Малой Азии (Хаттуса, Бурусханда и др.; III тыс. — XVIII/XVII в.)
Хеттский, лувийский и палайский (индо-европ.)	Хеттское гос-во (XVIII — нач. XII вв.); разл. города-гос-ва и княжества Малой Азии и Сирии (Табал, Каркемиш и пр.; XII—VIII вв.).
Эламский (возм., дравид.)	Города-гос-ва Сузы, Аван и Симашки (Ю.-З. Иран; ок. 2500 — ок. 1500); Эламское царство (ок. XV—VI вв.).

Каким образом удалось расшифровать аккадскую («ассирийскую») клинопись, которая намного сложнее персидского алфавитно-слогового письма? Во-первых, удачное прочтение персидской части Бехистунской надписи дало ученым имена собственные и названия — Дарий, Персия, Виштаспа (Гистасп), Аршама, Ахеменид, Ахурамазда, Элам, Вавилония, Ассирия и т. д. Эти же имена должны были находиться в аккадской части надписи, причем в слоговом написании, т. к. иностранные (персидские) имена невозможно передать идеограммами. Их наличие предоставило в распоряжение ученых ряд слоговых знаков аккадской клинописи (например, знаки *da*, *ri* в имени «Дарий» и т. д.), что облегчило расшифровку всех

остальных. Во-вторых, анализ известных исторических фактов и ассиро-вавилонских имен собственных привел ученых к выводу, что ассирийский язык — семитский. Семитские же языки — древнееврейский, арамейский, сирийский, арабский и другие — были хорошо известны. В частности, хорошее знание древнееврейского языка было распространено благодаря усилиям ученых-богословов, изучавших Св. Писание на языке оригинала. Принадлежность аккадского языка к семитской семье сильно облегчило расшифровку ассирийских и вавилонских надписей. Ученым, тем не менее, предстояло преодолеть ряд трудностей. С одной стороны, аккадский язык значительно «вуалировался» сложной системой письма, благодаря чему часто не было понятно, какое звучание скрывается за мешаниной идеограмм, детерминативов и слогов (подробнее см. ниже). С другой стороны, в аккадском языке имеется огромный слой лексики несемитского (часто вообще неизвестного) происхождения, поддающийся интерпретации лишь на основании контекста. Однако благодаря обширным знаниям и упорству ранних ассириологов, а также их сотрудничеству, эти трудности были в основном преодолены.

Первые шаги ассириологии столкнулись с известным скепсисом читающей публики. Например, утверждалось, что ассириологи не читают древние тексты в прямом смысле, а «гадают» по ним. Чтобы развеять эти сомнения в 1857 был проведен эксперимент. Четыре крупных специалиста по клинописи, оказавшиеся тогда в Лондоне — англичане Г. Роулинсон и У. Фокс-Тальбот, ирландец Э. Хинкс и француз Ж. Опперт — получили прорисовки одного и того же недавно обнаруженного текста (военная летопись ассирийского царя Тиглатпаласара I; XII в. до н. э.), содержание которого никак не могло быть им известно заранее. Полученные переводы почти полностью совпали. Стало ясно, что ассириология имеет статус настоящей науки. Поэтому 1857 считается годом ее рождения. Дальнейшее накопление лингвистического материала способствовало уточнению и углублению знаний об аккадском языке. В 1889 немецкий ученый Ф. Делич издал первую научную грамматику этого языка, а в 1896 — первый аккадский словарь (если не считать рукописного словаря В. С. Голенищева — см. ниже).

Регулярное археологическое освоение Месопотамии началось несколько раньше, чем была прочитана клинопись и продолжается по сей день. В 1820 англичанин К. Дж. Рич предпринял попытку раскопать в окрестностях г. Мосула древнюю Ниневию. Вскоре Рич

умер от холеры, а всё, что ему удалось найти — несколько десятков глиняных табличек с пока еще непонятными письменами, цилиндр с такими же знаками и несколько других предметов — поместилось в один ящик, отправленный в Британский музей. Этого оказалось достаточно, чтобы пробудить активный интерес к дальнейшему исследованию в этих местах. В 1842 в районе Мосула появляется французский консул Э. Ботта, который в поисках Ниневии начал раскопки холма Куюнджик (под который она действительно находилась), но не найдя там ничего достойного внимания, перенес свои работы в Хорсабад, в результате чего была раскопана резиденция Саргона II Дур-Шаррукин. Ниневия была раскопана несколько позже (конец 1840х — начало 50х) англичанином О. Г. Лэйярдом и ассирийцем (айсором) Х. Рассамом. Лэйярд также раскопал холм Нимруд (древний Калах, или Кальху). С этих пор раскопки в Двуречье проводятся всё интенсивнее и к ним подключается всё большее количество участников из разных стран. Отличительными чертами этого первого, «романтического» периода месопотамской археологии являются отсутствие научной методики раскопок, сильный элемент кладоискательства, невнимательное отношение к находкам «невзрачного» вида (а ведь среди них было много клинописных табличек, которые, с точки зрения историка, ценнее любого клада) и довольно небрежное обращение с находками. В результате всего этого древние города не столько раскапывались, сколько разрушались. Со временем положение дел менялось к лучшему: раскопки приобретали всё более научный характер (хотя в подлинную науку ближневосточная археология превратилась лишь в 1920—30е гг.), большее внимание уделялось поиску и коллекционированию текстов, принимались меры по сохранению обнаруженных памятников. Если с 40х по 80е гг. XIX в. археологи работали в Месопотамии исключительно с памятниками ассиро-вавилонской культуры, то 80е и 90е принесли ученым важное открытие: французская экспедиция Э. де Сарзека раскопала холм Телло, или древний город Гирсу (столицу государства Лагаш) — один из центров шумерской цивилизации. В Лагаше, помимо разнообразных и интересных находок, было обнаружено огромное количество текстов (как царских надписей, так и повседневной хозяйственной документации), написанных исключительно по-шумерски знаками архаической формы, которые были на много столетий древнее всего, обнаруженного ранее. Эта находка связана с развитием шумероло-

гии, важной составной части ассириологии в «широком» смысле, о чем следует сказать особо.

Еще при исследовании ряда табличек из Ниневии ученые обратили внимание на ряд текстов, которые не поддавались прочтению. Э. Хинкс предположил, что они составлены на языке, отличном от ассиро-вавилонского и притом более древнем. Он также считал, что к этому языку восходят идеограммы, которыми изобилуют ассиро-вавилонские таблички. Были также найдены литературные тексты на этом языке с подстрочным ассирийским переводом, словари и т. д. Вновь обнаруженный язык назвали «аккадским». Таким образом, некоторое время в ассириологии термины «аккадский» и «ассиро-вавилонский» ошибочно применялись к совершенно разным языкам, тогда как на самом деле ассирийский и вавилонский являются диалектами аккадского языка. Впоследствии «аккадский» стали называть «сумерийским» или «сумирским», что, после уточнения клинописного чтения этого слова, дало современное название «шумерский» (о термине «Шумер» см. выше). Первые успехи в прочтении шумерских текстов вызвали еще более интенсивную критику, чем это было при расшифровке ассирийских надписей до 1857. Некоторые ученые, в частности француз Галеви, утверждали, что никакого шумерского языка не существует, а непонятные тексты представляют собой особую «тайнопись вавилонских жрецов». Однако найденный де Сарзекон Лагаш с его многочисленными шумерскими письменными памятниками (при полном отсутствии аккадских) положил конец подобным сомнениям. Шумерский язык, предшествовавший аккадскому, был (в известной степени, закономерно) открыт и дешифрован позже него. Трудности, связанные с интерпретацией шумерских текстов — иного рода, чем в случае с аккадскими. Практически единственным источником знаний о шумерском языке были и остаются аккадские тексты: шумеро-аккадские словники, списки знаков и «грамматики». Роль шумерского языка в древнем Двуречье можно сравнить с местом, которое занимала латынь в Европе средневекового периода и начала Нового времени или с положением арабского языка в странах ислама. Однако, поскольку с XIX—XVIII вв. до н. э. (если не раньше) он перестал существовать как разговорный язык, возникла необходимость в составлении пособий, которые позволили бы аккадскому писцу освоить его словарный состав и грамматические формы. Подобные филологические тексты, естественно, не отличаются систематичностью, глубиной и точностью современных научных грамматик и

словарей. Поэтому мы вынуждены смотреть на шумерский язык как бы глазами аккадских грамотеев древности, воспринимая его через призму аккадского. К тому же, согласно наиболее серьезным лингвистическим исследованиям, шумерский язык пока невозможно причислить к какой-либо языковой семье. Следовательно, его изолированность не дает ученым возможности применить сравнительно-исторический метод при его изучении (как это было с аккадским языком, в изучении которого помогло его сравнение с прочими семит. языками). Хотя первые сколько-нибудь надежные грамматики шумерского языка появились лишь в 20е гг. XX в. и позже (А. Пёбель [1923], А. Даймель [1924], А. Фалькенштейн [1949—50]), интенсивная работа по изучению шумерских текстов велась уже с конца XIX в. Здесь особые заслуги принадлежат французу Ф. Тюро-Данжэну, которого считают основателем шумерологии. В России шумерологией занимался М. В. Никольский (см. ниже). На протяжении всего XX в. шумерология бурно развивалась, однако, несмотря на это, нельзя считать, что шумерский поддается однозначной и полной интерпретации. Фонетический облик, многие грамматические явления и слова этого языка до сих пор темны, и переводы с шумерского, сделанные разными специалистами иногда сильно разнятся.

Кладоискательский интерес, двигавший исследователями на заре ассириологии не был их единственным мотивом даже в ту «дикую» эпоху. Был и другой — желание увидеть великие города, описанные в Библии, лично прикоснуться к библейской истории. По мере прочтения вновь обнаруженных аккадских, а затем и шумерских, текстов и сопоставления их со сведениями из Библии и других источников, становилось ясно, что Св. Писание содержит множество ранее не выявленных точных сведений по истории Ассирии и Вавилонии. Кроме того, стало очевидно, что многие библейские мотивы имеют параллели в шумерских и аккадских письменных памятниках (например, сюжет о всемирном потопе, который можно найти в аккадском эпосе о Гильгамеше и более старых шумерских текстах). Поэтому клинописные источники всё активнее привлекались как материал для проверки библейских данных, а Библия, в свою очередь, стала изучаться с учетом вновь полученных данных. Влияние библеистики на формирование и первоначальное развитие ассириологии было определяющим: кадры ассириологов пополнялись главным образом за счет выпускников теологических факультетов, поскольку, во-первых, ассириология долгое время ос-

тавалась частью библейской критики и, во-вторых, богословские факультеты давали превосходную подготовку по семитским языкам и общей семитологии, которая была тогда базой для интерпретации аккадского языка.

С библейской критикой также связано зарождение ряда школ ассириологической мысли. Наиболее известное течение — «панвавилонизм», возникший в Германии на рубеже XIX и XX вв. и первоначально опиравшийся на протестантское богословие. Характерная черта этого направления — преувеличение (и даже прославление) всемирной роли вавилонской цивилизации. В той или иной степени «панвавилонизмом» были увлечены почти все довоенные немецкие ассириологи. Виднейшими представителями этой школы были Ф. Делич, Г. Винклер, П. Иензен, А. Иеремиас. Впрочем, увлечение нелепыми и фантастичными культурно-историческими построениями, не мешало каждому из этих исследователей быть настоящими корифеями в своих областях науки. Так, А. Иеремиас был знатоком вавилонской религии, а П. Иензен положил начало строго лингвистическому изучению аккадских эпических произведений. В полемике с протестантами стала развиваться и католическая ассириология: католики готовили своих ученых в стенах орденов, откуда вышел ряд крупных ассириологов, покончивших с «панвавилонизмом». Это, в частности, Ф. Куглер, который произвел критический анализ работ Винклера, Иензена и прочих «панвавилонистов». Он положил начало научному изучению вавилонской астрономии. К этому же кругу относится А. Даймель — создатель учебника шумерского языка и свода шумерских идеограмм в нескольких томах, который до сих пор используется как едва ли не единственный шумерский словарь. Даймель также основал журнал «Orientalia», одно из важнейших ассириологических изданий мира, дающее полную библиографию работ по ассириологии, включая издаваемые в России.

Ассириология в России. Русские исследователи появлялись в Двуречье намного реже своих западных коллег. Однако это не мешало отечественной науке внести весомый вклад в развитие ассириологии. Первыми русскими ассириологами стали профессиональные египтологи — В. С. Голенищев (1856—1947) и Б. А. Тураев (1868—1920). В. С. Голенищев собрал коллекцию египетских и Переднеазиатских древностей (свыше 6 тыс. предметов), которая хранится ныне в Музее изобразительных искусств им. Пушкина (Москва). Он также обогатил ассириологию источниками для изучения ассирийского языка и составил подробнейший клинописный сло-

варь («Опыт графически расположенного ассирийского словаря», 1888), где в дополнение ко внешней форме клинописного знака и всем известным в то время его чтениям приводились источники, где он встречается. Надо отметить, что В. С. Голенищев переписал всю книгу для литографского издания от руки. В 1891 В. С. Голенищев издал т. н. «кашпадокийские таблички» — документы, найденные в Малой Азии (ассирийская торговая колония Каниш). Заслуга В. С. Голенищева в том, что он верно определил язык, скрывавшийся под еще нерасшифрованной староассирийской клинописью, как один из диалектов аккадского. Он также внес вклад в развитие урартологии, издав в 1901 надпись урартского царя Русы II. Б. А. Тураев был человеком широчайшей эрудиции и огромной работоспособности (прожив 52 года, он опубликовал около 500 трудов). Среди его работ — классический двухтомный курс «История древнего Востока». В своих трудах Б. А. Тураев избегал узости взглядов, характерных для модного тогда «панвавилонизма» и подвергал представителей этого течения жесткой критике. Одной из заслуг этого ученого стало сохранение для России коллекции В. С. Голенищева, а также изучение и публикация ее материалов. Говоря о коллекциях, нельзя не упомянуть Н. П. Лихачева (1862—1936) — собирателя книг, рукописей, надписей и прочих текстов разных эпох и самого различного происхождения, впоследствии академика, организатора и руководителя Музея палеографии. Благодаря его уникальной коллекции, где были, помимо прочего, и шумерские глиняные таблички стала возможна плодотворная работа отца русской ассириологии — М. В. Никольского (1848—1917). В течение 10 лет М. В. Никольский изучал хозяйств. документы из архива г. Лагаша. Результатом стала во многих отношениях до сих пор образцовая публикация: «Документы хозяйственной отчетности древней эпохи Халдеи», I, II, 1908, 1915. Значение и объем проделанной им работы становятся понятны, если учесть, что он читал тексты на шумерском языке, который не всегда поддается правильной интерпретации до сих пор, а также то, что его французские коллеги и современники, располагавшие около 1500 подобных табличек (Лувр), опубликовали лишь 51 из них, тогда как публикация М. В. Никольского охватывает 855 текстов. К тому же, если французы ограничились лишь механическим копированием текстов, русский ученый привел их в строгую систему, снабдил описанием, подробнейшим комментарием, списками имен собственных, городов, местностей, рек, каналов, храмов и т. п. Ему удалось опре-

делить несколько десятков профессий древнего Шумера, установить характер наиболее часто выполняемых работ. Еще в 1880 он правильно определил природу нескольких «странных» на вид табличек, указав, что это древнейшая форма шумерского письма (т. н. шумерские «иероглифы» Протописьменного периода). Многие другие ученые того времени (в т. ч. авторитетный француз Менап) считали эти документы грубой подделкой. М. В. Никольский много ездил по Закавказью, раскапывая холмы и копируя надписи урартских царей. Благодаря его публикациям — «Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России» и «Клинообразные надписи Закавказья» — стало ясно, что государство Урарту играло достаточно важную роль на древнем Ближнем Востоке, а ученые получили богатый материал для изучения урартской цивилизации. М. В. Никольский выступал не только как археолог и издатель документов, но и как автор исторических трудов: например, «Древний Вавилон» (М., 1914), «Саргон, царь ассирийский» (СПб., 1881) и др. М. В. Никольский не оставил после себя учеников-ассириологов. Его сын, Н. М. Никольский, написал ряд работ по ассириологии, но он пользовался источниками из вторых рук. Преподавание аккадского языка начал в Санкт-Петербурге академик П. К. Коковцов (1861—1942), который не был, однако, ассириологом-профессионалом (имел труды в области семитологии: еврейская и еврейско-арабская филология, арамейские надписи и пр.). Родоначальником традиции преемственности в отечественной ассириологии можно считать В. К. Шилейко (1891—1930). Этот необычный универсал был одновременно первоклассным поэтом-переводчиком, знатоком, аккадского языка и литературы, шумерологом и даже хеттологом (при том, что настоящий стимул для развития хеттология получила лишь в 1906, в результате раскопок Г. Винклера у деревни Богазкёй в Турции, а характер хеттского языка как индоевропейского был верно определен Б. Грозным только в 1915, причем это вызвало большое недоверие в научном мире). В. К. Шилейко был в какой-то степени учеником П. К. Коковцова, но основным объемом своих знаний в ассириологии он обязан самообразованию. Ученик В. К. Шилейко А. П. Рифтин (1900—1944) вновь учредил преподавание ассириологии уже в Ленинграде в 1933. Он и его ученики создали научную базу современной отечественной ассириологии.

Современная ассириология: некоторые тенденции и проблемы. Зародившись во Франции и Англии, пройдя школу немецкой науки и «переболев» немецким панвавилонизмом, ассириология распространена ныне во всех развитых странах мира и в самом

Ираке, на месте зарождения ассиро-вавилонской культуры. Германия по-прежнему остается одним из важных центров ассириологии. Среди немецких ученых выделяется В. фон Зоден, составивший авторитетнейший «Аккадский словарь» (*Akkadisches Handwörterbuch*, 1965—1981) и грамматику аккадского языка (*Grundriss der akkadischen Grammatik*, 1952; переработанное издание вышло в 1995). Однако главный центр западной ассириологии переместился в США, где большую роль в создании местной ассириологической школы сыграл учитель фон Зодена — бежавший от нацистов Б. Ландсбергер. Крупнейшими американскими ассириологами являются и другие выходцы из Европы — А. Л. Оппенхейм, А. Пёбель (Германия), Т. Якобсен (Норвегия), И. Е. Гельб (Польша), А. Гётце и т. д. А. Л. Оппенхейм и его ученики стали издавать в Чикаго 30-томный словарь аккадского языка (*The Chicago Assyrian Dictionary*), публикация томов которого продолжается по сей день. В настоящее время кафедры ассириологии (часто это формулируется как *Near Eastern Studies*) существуют почти во всех университетах США. Менее крупные центры ассириологии есть также в Европе (Англия, Франция, Нидерланды и некоторые другие страны, в частности, Чехия), Израиле и арабских странах (Багдад и др.).

С точки зрения ассириологии вообще и шумерологии в особенности чрезвычайно важна работа Берлинско—Лос-Анджелесской группы по исследованию древнейших текстов из Урука (*Archaische Texte aus Uruk: ATU*). В России сходной тематикой занимался А. Вайман, некоторые интерпретации которого сейчас выглядят спорными. В его рамках проводится публикация и интерпретация текстов Протописьменного периода, изучение знаков протоклинописи и древнейших систем счисления (их было несколько). Группа ATU сформировалась в начале 1980-х. В ее состав входят Х. Ниссен, П. Дамеров, Р. Энглунд и ряд других ученых.

Современная российская ассириология представлена, в основном, Санкт-Петербургской школой. Это прежде всего, пользовавшийся непререкаемым всемирным авторитетом ученый-универсал И. М. Дьяконов (шумерский, аккадский и другие языки, история и культура Месопотамии и Передней Азии; многие работы издавались за рубежом) и его коллеги: В. А. Якобсон (клинописное право), М. А. Дандамаев (социальные отношения в поздней Вавилонии; книга Дандамаева «Рабство в Вавилонии» была переведена на английский и издана на Западе), Н. В. Козырева (социально-экономическая жизнь Двуречья Старовавилонской эпохи), И. Т. Канева

(шумерский язык), В. К. Афанасьева (культура Месопотамии, шумерская литература) и ряд других ученых. В последние годы ассириология развивается и в Москве (напр., в Российском государственном гуманитарном университете: Л. Е. Коган, С. В. Лёзов).

Ассириология возникла как вспомогательная дисциплина, материалы которой использовались для подтверждения библейских текстов. Связь ассириологии с библеистикой не утрачена и сейчас, когда они стали самостоятельными науками. Теперь уже ассириология часто приходит на помощь библеистике, помогая интерпретировать не вполне понятные отрывки Св. Писания или внести определенные уточнения. В качестве примера можно привести эпизод из 4-й кн. Царств: «И послал царь Ассирийский Тартана и Рабсариса и Рабсака из Лакхиса к царю Езекии с большим войском в Иерусалим» (18 4 Цар. 17). Из этого и следующих отрывков создается впечатление, что упоминаются имена ассирийских военачальников. Однако теперь из ассирийских текстов известно, что это названия высших должностей при ассирийском дворе: *тартану* или *туртанну* означает «(верховный) полководец», *раб ша реши* — «старший над (придворными) евнухами», *раб шакэ* — «главный виночерпий».

Несмотря на то, что в настоящее время ассириология представляет собой зрелую и динамично развивающуюся науку, она сталкивается со множеством проблем. Одной из практически непреодолимых «объективных» трудностей ассириологии стал непомерный объем накопившихся данных. Специалисты просто физически не успевают обрабатывать постоянно пополняющийся материал (прежде всего — вновь находимые и публикуемые тексты). Это побуждает многих ученых сужать поле своих изысканий. В послевоенную эпоху гениальных универсалов типа Ф. Тюрло-Данжена или В. К. Шилейко почти не осталось. На это звание могут претендовать Б. Ландсбергер, А. Л. Оппенгейм, И. М. Дьяконов и, возможно, еще считанные единицы. В целом же возобладала тенденция к узкой специализации (примеры: шумерский эпос и поэзия, словарные тексты, вавилонская магия или фармакология, искусство; при этом, как правило, берется один конкретный период и регион). На Западе господствует филолого-фактографическое направление, а в России, по крайней мере, до недавнего времени, методология исторического материализма вызвала сильный перекосяк в сторону изучения социально-экономических явлений, интерпретируемых с точки зрения марксизма (на научном жаргоне — «соцэк»). Оба направления, безусловно, необходимы для понимания истории и должны, по воз-

возможности, развиваться в комплексе. Кроме того, некоторые ранее модные теории не до конца изжили себя. Так, в работах американского шумеролога С. Н. Крамера — в частности, в популярной книге «История начинается в Шумере» — видны следы панвавилонизма, принявшего облик «паншумеризма».

Тем не менее, плодотворная работа в самых разных областях ассириологии, ведущаяся при сотрудничестве ассириологов с библеистами, археологами, лингвистами, специалистами в области древней геологии, зоологии и ботаники и т. д., говорит о том, что ведутся поиски решения этих и многих других проблем. Междисциплинарный подход безусловно является одним из способов их преодоления, что особенно актуально именно для древнейших периодов истории Двуречья, о которых здесь идет речь.

Вопросы по Введению и Части I

1. В чем состоит важность лингвистики и других неисторических дисциплин при изучении древнейших этапов истории?
2. Что означает название «Месопотамия»?
3. Территорию какого современного государства (современных государств) занимала древняя Месопотамия?
4. На какие две крупные части делится Двуречье в соответствии с природно-географическими факторами?
5. Каковы особенности климата, рельефа и географического положения Верхней Месопотамии, определяющие характер ее экономики в древности?
6. Назвать основные природно-географические зоны Северного Двуречья.
7. Почему создание оросительных систем было жизненно необходимо для древних земледельцев Нижней Месопотамии?
8. Каково влияние упорядоченной ирригации на формирование социальных структур?
9. Перечислить основные типы ландшафта в Нижней Месопотамии? Чем определялся характер местности южного аллювия и прилегающих областей?
10. Назвать основные земледельческие культуры Южного Двуречья. Какие из них можно считать характерными «культурами специализации»?
11. Дать краткую сравнительную характеристику Севера и Юга Месопотамии.
12. Какие два народа сыграли определяющую роль в истории и культуре древней Месопотамии?
13. Почему наука, изучающая Месопотамию стала называться «ассириологией»?
14. Какова связь между библеистикой и ассириологией?
15. Назвать несколько ученых, сыгравших определяющую роль в становлении и развитии ассириологии.
16. Каковы основные проблемы современной ассириологии и возможные пути их разрешения?

Часть II

Архаическая Месопотамия

*Древнейшие поселения на территории Двуречья
и Протописьменный период*

Краткая предыстория

Проблема происхождения древнейших городских центров юга Месопотамии остается во многом нерешенной. Тем не менее, ясно, что малые государства («города-государства», «номы»), которые наверняка можно считать шумерскими, не выросли в мановение ока на пустом месте — они, вне всякого сомнения, использовали богатейший опыт своих предшественников. Обсуждение древнейших земледельческих и скотоводческих культур Ближнего Востока в целом и Месопотамии в частности, равно как и прочие аспекты так называемой «неолитической революции» остаются за рамками данной работы — они составляют материал для отдельного серьезного исследования.

Древнейшие скотоводческо-земледельческие культуры на территории собственно Месопотамии впервые появляются на севере, земли которого, в силу вышеописанных природных условий, было освоить намного легче, чем южные.

Культуры севера Месопотамии, постепенно расширяющие сферу своего влияния на юг представлены следующим рядом, из которого выбивается лишь Убейд, который, скорее всего не связан своим происхождением со всеми предыдущими:

Умм Дабагия (середина VII тыс. — около 6000 до н. э.);

Хассуна (6000—5250);

Самарра (5500—5300?);

Халаф (5500—4700);

Убейд (4500—3500).

Особое место в этом ряду занимает последняя позиция, Убейд, о чем будет сказано отдельно. Влияние всех вышеперечисленных культур на шумерскую неочевидно. Тем не менее, их отдельные черты проявляются и на юге Месопотамии. Например, Т-образные постройки (зернохранилища) Самаррской культуры, центр которой локализуется примерно в 100 км к северу от Багдада, сильно напоминают по общему плану позднейшие шумерские храмы.²⁴ Однако, что именно стоит за этим фактом, в настоящее время определить крайне трудно. Хотя ни одна из этих культур не является прямым предком убейдской и шумерской культур, они, по всей видимости, внесли свой вклад в формирование последних.

²⁴ C. C. Lamberg-Karlovsky, J. A. Sabloff. *Ancient Civilizations: The Near East and Mesoamerica*. Menlo Park: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc.. 1979, P. 100.

Убейд

Убейдская культура получила свое название по небольшому холму Эль-Убейд в семи километрах от древнего Ура, к югу от Багдада. Хотя ее корни до сих пор неясны, именно она является непосредственной предшественницей шумерской. К концу своего существования Убейдская культура вышла за рамки Нижней Месопотамии, заняв берега Тигра и Евфрата и сменив культуру Халафа в центре и на севере Двуречья. Ее северо-западные «аванпосты» достигли даже Северной Сирии и Киликии (Малая Азия). Если об этнической и языковой принадлежности ее носителей мы не имеем четкого представления, то ее материальная база и большинство институтов были безусловно унаследованы пришлыми (?) шумерами. Ее значение также в том, что именно в это время происходит значительный рост населения, унификация культурного облика Нижней Месопотамии, создание иерархии крупных и мелких поселений («городов» и «деревень»), концентрация власти в руках жречества и храмов, налаживание развитой ирригации и широкомасштабной межрегиональной торговли и т. п. В это время была подготовлена т. н. «городская революция», или лавинообразный рост крупных поселений, последовавший непосредственно после Убейдского периода и отметивший зарождение собственно шумерской цивилизации.

Весьма убедительным примером преемственности между Убейдом и шумерской культурой Протописьменного периода служит так называемый храм из Эреду (Эриду[г]). Остатки небольшого древнейшего здания — по всей видимости, действительно храма — на этом месте (слой Эреду XVII или XVI) датируются временем от 5000²⁵ до 4500²⁶ до н. э. Над ним, точно на этом же месте, находятся 10—11 сменяющих друг друга слоев, верхний из которых представляет собой остатки намного более обширного и наверняка шумерского храма периода Урук, или первой фазы Протописьменного периода (3000 до н. э.). Особенно важно то, что эти слои следуют друг за другом без каких-либо промежуточных, что говорит о непрерывности местной традиции.

О хронологии

Хронологические рамки рассматриваемой эпохи — это, по крайней мере, конец IV — начало второй половины III тыс. до н. э. Приводи-

²⁵ J. N. Postgate. Op. cit. P. 25.

²⁶ C. Lamberg-Karlovsky, J. Sabloff. Op. cit. P. 110.

мая ниже таблица показывает приблизительную хронологию всего временного отрезка, рассматриваемого в данной работе в понимании отечественных (прежде всего И. М. Дьяконов) и зарубежных специалистов. Заметим, что, во-первых, никакие из этих дат не следует воспринимать буквально (т. е. с точностью до года) и, во-вторых, давая свою хронологию этих периодов, И. М. Дьяконов уточнял, что эти даты, скорее всего, следует «отодвигать» вглубь, в сторону удревления. Возможно последующие находки позволят выработать более точную (и, что столь же важно, единую) систему датировки рассматриваемых периодов.

Традиционная отечественная хронология	Хронология по Постгейту
Протописьменный период (3000—2750): ПП I (3000—2850) ПП II (2850—2750)	Протописьменный период (4000—3000): Урук (4000—3200) Джемдет-Наср (3200—3000)
Раннединастич. период (2750—2315): РД I (2750—2615) РД II (2615—2500) РД III (2500—2315)	Досаргоновский период (3000—2350): РД I (3000—2750) РД II (2750—2600) РД III (2600—2350)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

«Протописьменным» период называется потому, что в это время зафиксировано систематическое употребление первой (греч. *протос*) системы письма — определенного набора знаков, напоминающих по форме пиктографию и передающих, главным образом, конкретные слова и понятия.

Экскурс 2. Возникновение и развитие письма: схематичный очерк

Итак, если не считать Египта, где письмо возникает примерно в то же время, что и в Двуречье (конец IV тыс. до н. э.; кто является здесь абсолютным «чемпионом» установить довольно трудно), древнейшие попытки зафиксировать на письме какую-то информацию стали последовательно применяться в Месопотамии. Что касается изолированных находок подобных — возможно более ранних — знаков в других местах, например, на Балканах, их пока что невозможно объяснить и

вписать в сколько-нибудь убедительную систему. Здесь представляется уместным сделать некоторое отступление и дать некий обобщенный очерк эволюции и типологии различных систем письма в их отношении к месопотамской письменности, которую ряд видных ученых считают их прямой или косвенной прародительницей.

Новейшие исследования в области развития форм, предшествующих клинописи и наиболее ранних ее стадий можно суммировать в виде следующей схемы (приводится по Р. Энглаунду):²⁷

1. Период ранних «токенов» (*tokens*)

Примерно до 3400 до н. э. глиняные счетные значки примитивной формы («счетные фишки», «токены» — см. Илл. 1) использовались почти по всему Ближнему Востоку в хозяйстве для фиксации поступающих товаров — главным образом зерна и продуктов животноводства.²⁸ Каждой отдельной сделке соответствовал отдельный набор таких счетных «фишек» (*counters*), который помещался в кожаном мешке или ином контейнере из нестойкого материала. Счетные «фишки», символизировавшие конкретные объекты (животных, людей, сосуды и т. п.), вероятно соответствуют стадии, когда подсчет производился на основе буквального соответствия «один предмет—один „токен“». «Фишки» более крупного размера видимо обозначали более крупные количества или емкости товаров и потому едва ли представляли собой элементы метрологической системы (числа, меры и пр.), как считает ряд специалистов.

2. Период глиняных конвертов

Около 3400—3300 до н. э. счетные «фишки» геометрической формы (теперь они были более дифференцированы идеографически и

²⁷ R. K. Englund. Texts from the Late Uruk Period // Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdybastische Zeit. Annäherungen 1. Freiburg, Schweiz: Vandenhoeck & Ruprecht. 1998. P. 214—215.

²⁸ Заслуга тщательного изучения «токенов» принадлежит Д. Шмандт-Бессерат (D. Schmandt-Besserat) — ученице директора Восточного отдела Луврского музея П. Амье. Надо отметить, что многие специалисты в корне не согласны с некоторыми ее выводами: например, с тем, что уже древнейшие группы «токенов» являлись примером рациональной и последовательной межрегиональной системы учета. Древнейшие «простые токены» без узоров и отверстий (терминология Д. Шмандт-Бессерат: *plain tokens*) обнаружены при раскопках ряда мест в Передней Азии. Они датируются примерно 8000 до н. э. Их функция до конца неясна. «Сложные токены» с отверстиями и/или узорами (по терминологии Д. Шмандт-Бессерат, *complex tokens*), сильно напоминающие некоторые знаки позднейшей урукской протокинописи, появляются в IV тыс. до н. э. В данном случае, речь идет именно о второй разновидности «токенов».

представляли эволюционировавшие архаические цифры) стали запечатываться в глиняных конвертах. На конвертах ставились оттиски цилиндрических печатей. Каждый глиняный конверт со своим содержимым представлял отдельную операцию, совершаемую главным образом с зерном и продуктами животноводства, производимых в пределах местных хозяйств. На внешней поверхности конверта иногда оставляли оттиски «токенов», которые один к одному соответствовали содержимому. Наиболее важные центры распространения этих конвертов — Урук и Сузы (Элам; современный юго-западный Иран).

3. Период ранних «численных табличек» (*numerical tablets*)

Около 3300—3250 до н. э. появляются плоские таблички округлой формы, иногда с печатями. На табличках оставляли оттиски «токенов», пишущих инструментов (стилей), вырезанных по образцу последних, а иногда — просто отпечатки пальцев. В отличие от позднейших периодов, в Уруке и Сузах знаки для чисел выдавливались стилем с круглым, а не прямым и заостренным концом. Границы между отдельными группами знаков обозначались вдавливанием в глину боковой стороны «круглого» стиля, а не острым краем позднейшего «идеографического» стиля.²⁹ Расположение оттисков возможно указывает на формирование ранней системы счисления. В конце этой фазы имел место последний непосредственный контакт между северной Месопотамией (а также Сирией) и югом Двуречья.

4. Период поздних «численных табличек»

Около 3250—3200 до н. э. входят в употребление плоские прямоугольные таблички, на которые стилем наносились числа. Здесь уже применялась стандартизированная метрологическая структура. Определенная последовательность чисел, а также печати официальных лиц, относившиеся к конкретным группам административных задач (выпас скота, хранение зерна) сигнализировали о том, какая система счисления применяется в каждом случае, а следовательно и о том, что является объектом (объектами) операции.

²⁹ R. Englund. Op. cit. P. 51.

5. Период «численно-идеографических табличек»
(*numero-ideographic tablets*)

Около 3200 до н. э.: это также плоские прямоугольные таблички с печатями. Помимо чисел, здесь появляются самые первые идеограммы: группа чисел сопровождается одним, максимум двумя пиктограммами. Последние представляют объекты операций: овец, коз, шерсть, молочные продукты и т. п. Последовательность чисел и печати ответственных лиц говорят о присутствии разных систем счисления, а также об операциях с полями и зерном. На данной фазе в последний раз засвидетельствованы прямые контакты между Эламом и Нижней Месопотамией.

6. Период ранней протоклинописи (*proto-cuneiform*)

Около 3200—3100 до н. э. (Урук IVa): плоские прямоугольные таблички без печатей с учетными записями и полным набором идеограмм, которые наносились стилем. Помимо уже известных объектов операций, знаки теперь обозначают множество других предметов: людей, должности, типы операций. В первые годы данного периода был выработан набор из примерно 900 пиктографических идеограмм (в терминологии Р. Энглунда, *picto-ideogram repertory*),³⁰ а также развитые средства счета, где были задействованы пять основных систем счисления. Параллельно с учетными записями развивается жанр лексических списков, из которых каноническую форму приобрел лишь список профессий. На этой фазе многозначность идеограмм весьма вероятна, но не доказана в силу недостаточного числа текстов и нашего неадекватного знания языков, на которых говорили в Нижней Месопотамии начала III тыс. до н. э. Эта ранняя фаза идеографического письма засвидетельствована только в Уруке.

7. Период развитой протоклинописи

Около 3100—3000 до н. э. (Урук III). Для этого периода характерны совершенствование и абстрагирование ранней протоклинописи, что подразумевало оформление системы отсчета времени. Это также сопровождалось систематизацией сложного учета и дюжины с лишним лексических списков, отражавших все стороны архаичной администрации и первое применение письма для фиксации, услов-

³⁰ Ibidem, P. 215.

но говоря, литературных произведений. Многозначность идеограмм на этой стадии весьма вероятна, но опять-таки недоказуема. Развитая протоклинопись, обслуживавшая нужды сложной административно-хозяйственной системы (рыболовство, животноводство и обработка продуктов этих отраслей, управление полями, земледелие, хранение и обработка зерна, организация труда), зафиксирована на всей территории Нижней Месопотамии. Одновременно с ней в Сузиане (современный Хузестан в Иране) применялась собственная система письма, именуемая протоэламской.

8. Период поздней протоклинописи

Около 2800—2700 до н. э. (РД I). На этой стадии впервые засвидетельствовано применение многозначных протоклинописных идеограмм для записи шумерских слов в именах собственных. По-прежнему используются — хотя в упрощенном виде — архаичные системы счисления. Продолжается переписывание и распространение лексических списков, однако новые уже не создаются. Большинство табличек этой фазы слеплены небрежно, а знаки на них скорее написаны стилем, чем выдавлены.

9. Развитая шумерская (шумеро-аккадская клинопись)

Рассмотрим в общих чертах развитую шумеро-аккадскую клинопись и ее место среди прочих систем письма. О клинописи уже упоминалось выше, в связи с расшифровкой этой системы письма. Само название связано с внешней формой знаков, напоминающих клинья. Ко внутренней структуре письма оно никак не относится и даже может сбивать с толку неискушенного читателя. Дело в том, что существует несколько разновидностей клинописи, и не все из них принадлежат к одному типу письма, если рассматривать его с точки зрения внутренней типологии.

В целом, эволюцию большинства известных систем письма можно представить — так, как ее видели И. М. Дьяконов и И. Е. Гельб — следующим образом:

И. М. Дьяконов	И. Е. Гельб
<i>I. Предыстория письма</i> Предметное письмо. Рисуночное идеографическое письмо слаборазвитых народов.	<i>I. Предшественники письма, или предписьменности (forerunners of writing).</i> «Пиктографические» и предметные системы различной степени систематизации (рисунки североамериканских индейцев, перуанское «письмо» кипу, системы майя и ацтеков).

И. М. Дьяконов	И. Е. Гельб
<p>II. Слов.-слог. системы шумерская египетская письмо майя (вслед за Ю. В. Кнорозовым, хотя и с большей осторожностью)</p>	<p>II. Словесно-слоговые системы</p> <ul style="list-style-type: none"> • шумерская (Месопотамия; 3100 до н.э. — 75 н.э.) • протоэламская (Ю.-З. Иран; 3000—2200 до н.э.) • протониндская (долина Инда; середина — вторая половина III тыс. до н.э.) • китайская (Китай; 1300 до н.э. по настоящее время) • египетская (долина Нила; 3000 до н.э. — 400 н.э.) • критская (Крит и часть материковой Греции; 2000—1200 до н.э.) • хеттская/лувийская «иероглифическая» (Малая Азия и Сирия; 1500—777 до н.э.)
<p>III. Слоговое письмо клинописные системы индийское письмо (деванагари и родственные системы)</p>	<p>III. Слоговое письмо</p> <ul style="list-style-type: none"> • клинописные силлабарии (эламский, хурритский, урартский, хаттский, лувийский и палайский) • западносемитские силлабарии (угаритский, финикийский, [прото]палестинский, арамейский и южноаравийский «алфавиты») • эгейские силлабарии (кипрский, кипро-минойский, фестский) • японский силлабарий (хирагана и катакана)
<p>IV. Алфавит западносемитские (финикийск., арамейский и т. д.) и их производные (арабский)³¹ греческий алфавит и его производные латинский алфавит и его производные</p>	<p>IV. Алфавит</p> <ul style="list-style-type: none"> • греческий алфавит и его производные • латинский алфавит и его производные • все семитские алфавиты с использованием <i>matres lectionis</i> и огласовок • эфиопский алфавит • индийские алфавиты

Вышеприведенная таблица в целом верна, но нуждается в некоторых уточнениях. В момент написания работ, по которым она составлена,³² «токены» еще не попали в центр внимания исследователей и конкретная роль этого типа предписменности в формировании шумерского письма. С другой стороны, «токены» вписываются в понятие «предметное письмо». Надо также заметить, что в качестве ранней стадии словесно-слогового письма, видимо, бытовало письмо чисто *словесное*, где каждый знак-рисунок (или символ) передавал какое-то отдельное слово или понятие. Связь такого письма

³¹ «Если мы не заблуждаемся, то выражение согласных на письме было открыто в мире всего *один раз* — в западносемитском консонантном письме, которое позже полностью развилось в совершенное звуковое письмо в виде греческого алфавита, родоначальника всех западных алфавитных систем» (И. Фридрих. История письма. М., 1979, С. 46—47).

³² Классификация И. М. Дьяконова взята из его предисловия к книге: И. Фридрих. Ор. cit. Вторая работа: И. Е. Гельб. Опыт изучения письма. М., 1982 (оригинал вышел в 1967).

с каким-либо конкретным языком чисто условна — она скорее всего ограничивалась бы порядком знаков, ничем более не выдавая грамматической структуры фразы, уже не говоря о фонетическом облике слов (т. е. носители языков с разным порядком слов по-разному расставляли бы знаки в строке: определяемое-определение/определение-определяемое, подлежащее-сказуемое-дополнение/подлежащее-дополнение-сказуемое и т. д.). Однако в нашем конкретном случае в Нижней Месопотамии фиксированный порядок знаков в строке (и даже сама сколько-нибудь четко выделяемая строка) отсутствует. Таким образом, особенность словесного письма (иначе предписьменности, шумерской «иероглифической» письменности и т. п.) в том, что ее можно «прочитать» практически на любом языке: так, сочетание схематических рисунков НОГА-4-ТЕМНЫЙ-ОВЦА надо, скорее всего, понимать как «Привел/привела четырех темных/черных овец», однако при этом совершенно не ясны ни структура фразы, ни грамматические показатели ее составляющих, ни конкретные лексические единицы («привел» вполне можно заменить на «пригнал» или «принес»). Здесь употребляются исключительно словесные знаки, т. е. знаки, передающие слова (логограммы) или, скорее, понятия (идеограммы), и не дающие никакой информации об их звучании.

Постепенно эволюционировала как внешняя форма, так и внутренняя структура этого письма. С одной стороны, глина, как основной материал для письма, диктовала клинообразную форму знаков: рисовать на ней трудно, и постепенно прямые и кривые линии превращались в упрощенные и схематичные комбинации прямых линий, которые наносились на глину уже не заостренной палочкой, как рисунки, а тростниковым стилем с плоским (треугольным или прямоугольным в сечении) концом, в силу чего приобретали вид клиньев — вертикальных, горизонтальных и угловых. С другой стороны, по мере усложнения содержания древнейших текстов, появилась необходимость передавать абстрактные понятия или просто слова, которые практически невозможно выразить рисунком. Выход был найден с помощью т. н. «ребусного написания»: для передачи сложного понятия рисовали конкретный предмет, обозначавшийся словом, звучание которого точно или приблизительно совпадало с этим понятием. Например, в русском языке понятие «вязкость» можно передать сочетанием рисунков ВЯЗ и КОСТЬ (недостатки подобной передачи очевидны, но в рассматриваемую эпоху у писца не было выбора). Благодаря «ребусному напи-

санию» известно, что, по крайней мере, значительная часть древнейших документов из Южной Месопотамии (Урук, Джемдет-Наср и др.) написана по-шумерски: понятия «тростник» и «возвращать» (шумерское [gi]), «темный», «пшеница» и «болезнь» (шумерское [gig/b]) и некоторые другие передаются одними и теми же знаками, а звучание этих слов совпадает именно в шумерском. Со временем знак gi (и ему подобные) стал употребляться не только для передачи понятий «тростник» и «возвращать», но и вообще всегда, когда требовалось передать звукосочетание [gi]. Так появились фонетические — в данном случае слоговые — знаки (их появление и более широкое применение называется фонетизацией письма). Таким образом, развитое шумерское письмо представляет собой *словесно-слоговую* систему, способную передавать (хотя и непоследовательно) конкретные фонетические, грамматические и морфологические черты шумерского языка. Сначала фонетические знаки использовались для передачи разного рода грамматических элементов (суффиксы, префиксы, местоимения и т. п.), выражавших отношения между субъектом и объектом; последние по-прежнему обозначались идеограммами. Иными словами, «корни» писались идеограммами, а «окончания» и т. п. — слоговыми знаками. Продолжим абстрактный пример на материале русского языка: теперь фраза о четырех овцах могла быть записана так — *при-НОГА-ла 4-ре ТЕМНЫЙ-ых ОВЦА-еи*, т. е. «привела/пригнала 4 темных/черных овцы» (корень-идеограмма обозначен здесь прописными буквами, а вспомогательные элементы прописным курсивом). Как видно, полной однозначности здесь по-прежнему нет, но фразу уже гораздо легче прочесть и интерпретировать, исходя из явлений конкретного языка. Наряду с идеограммами, к числу которых принадлежат и цифры, эта система содержит некоторые другие виды словесных знаков. Важнейшими из них являются детерминативы — классификаторы, ставившиеся, как правило перед словом, к которому они относились (примеры: город-АШШУР, дерево [= деревянный предмет]-МОТЫГА, человек [= название профессии]-ПИСЕЦ, человек [= национальная принадлежность]-АМОРЕЙ). Шумерская клинопись была заимствована без принципиальных изменений аккадцами. Однако, в силу самого различия этих языков, письмо подверглось усложнению: к шумерским чтениям знаков прибавились аккадские. Так, шумерский знак ГОРА передает значения «гора/горы» и «(чужая) страна» (оба звучат *kur*). По-аккадски «гора» звучит *šadû*, а «страна» — *mātu*. В результате, в аккадском языке начертание знака ГОРА передает

те же значения, что и в шумерском, а также шумерские и аккадские слоговые чтения (*kur, šad, šat, mad, mat* и др.; в общей сложности — более 20 чтений). В ходе развития аккадского языка, клинопись претерпевала различные изменения — в зависимости от диалекта и эпохи употреблялся тот или иной набор знаков (полный «абстрактный» набор клинописных знаков — около 600, но они никогда не употреблялись все сразу в какой-либо конкретный период в определенной местности), и, естественно, менялась их форма. Все эти изменения, однако, не носили принципиального характера: в аккадском языке клинопись всегда оставалась словесно-слоговым письмом. Надо отметить, что аккадские идеограммы были по преимуществу (если не исключительно) шумерограммами, т. е. шумерскими словами или даже застывшими фрагментами шумерских фраз, передававшими аккадское звучание. Этот «консерватизм» аккадской писцовой школы вызван, по крайней мере, двумя обстоятельствами: (1) сильно укоренившейся традицией, согласно которой знание идеограмм всячески поощрялось и считалось знаком учености и культуры; (2) экономией места на табличке, которую, в ущерб однозначности, обеспечивали идеограммы. Аккадцы передали клинопись соседним народам: у вавилонян клинопись заимствовали эламиты, хурриты и хетты, у ассирийцев — урарты. Если хетты писали в принципе так же, как аккадцы (хеттская клинопись подверглась дальнейшему структурному усложнению — к шумерограммам прибавились аккадограммы, т. е. застывшие аккадские слова, читаемые по-хеттски), то хурриты и эламиты практически избавились от идеограмм и писали почти исключительно слоговыми знаками.³³

Таким образом, хурритская и эламская клинопись по своей внутренней структуре представляют уже следующий этап развития письменности — *слоговое письмо*. Все упомянутые системы генетически связаны между собой и входят в сферу, изучаемую ассириологией. Заметим, что ни в одной из этих систем (за очень редкими исключениями), идеограммы, слоговые знаки, детерминативы, ак-

³³ Заметим, что переход к слоговому письму теоретически произошел еще в шумерское время, в эпоху полного господства предыдущей системы. Для передачи «женского» диалекта *эмесаль*, на котором говорили богини и некоторые другие персонажи шумерских поэтических произведений, использовались почти исключительно фонетические знаки (поскольку здесь было существенно подчеркнуть отличие *звучания* такой речи от стандартного языка — *эмегира*). Однако использование только слоговых знаков было ограничено исключительно этой сферой.

кадские, шумерские или хеттские слова ничем не отличаются друг от друга по своему внешнему виду — все они состоят из написанных в одну строку групп клиньев, причем слова пишутся без пробела. Четкие отличия появляются лишь в системах транслитерации и транскрипции, разработанных современными учеными. Транслитерация — система передачи написания древнего текста, где латинскими буквами с добавлением специальных диакритик для передачи различных звуков, отсутствующих в латинском или английском языке, передается каждый знак оригинала: (а) идеограммы прописными или малыми прописными буквами; (б) детерминативы малыми надстрочными; (в) слоговые знаки строчными курсивными через дефис (в шумерских текстах — разрядкой). Примеры: *a-na LUGAL EN-ja* «царю, господину моему» (где «царь» и «господин» передаются идеограммами, а предлог «к», «для» и суффикс-местоимение «мой» — слоговыми знаками); *a-na KÁ.DINGIR.RA^{ki} šu-up-ra-am* «в Вавилон (ко мне) отправь» (где «Вавилон» пишется идеограммой с добавлением детерминатива «местность» после названия). Транскрипция — система точной передачи звучания текста безотносительно написания (передается латинским алфавитом с добавлением диакритик для передачи долготы гласных и пр.; как правило, курсивом). Пример: *ana šarri bēlija* (это фонетическая передача первого примера — *a-na LUGAL EN-ja* «царю господину моему»).

Упомянем еще два вида «клинописи» — угаритскую и персидскую. Первая применялась в XIV—XIII вв. до н. э. в г. Угарите (совр. Рас аш-Шамра в С.-З. Сирии) и являлась особым видом алфавита (следующая ступень развития письма), внешний вид которого, был, тем не менее, инспирирован месопотамской клинописью. Вторая, вероятно, была искусственно создана по инициативе Дария I (VI—V вв. до н. э.) и связана с месопотамскими системами лишь некоторым поверхностным внешним сходством. По своей внутренней структуре персидская клинопись — причудливая смесь слогового и алфавитного письма с добавлением нескольких идеограмм. Тем не менее, не являясь прямым потомком ассиро-вавилонской клинописи, она сыграла важную роль в становлении ассириологии. Конкретные примеры прочих слоговых систем приведены в таблице.

Следующей — и последней — стадией развития письма стал *алфавит*. Не вдаваясь в подробности, скажем, что письменности, приведшие к его появлению возникли в Восточном Средиземноморье в середине II тыс. до н. э. или несколько позже. Это уже упоминавшийся угаритский и финикийский «алфавиты». Сюда же отно-

сится арамейское письмо, очень похожее на финикийское и возникшее примерно в то же время. В настоящее время существуют две типологические интерпретации систем этого типа: их рассматривают либо как (а) консонантный алфавит (т. е. алфавит, располагающий лишь знаками для обозначения согласных и полугласных), либо как (б) особый «урезанный» силлабарий, где знаки построены исключительно по формуле СОГЛАСНЫЙ + ЛЮБОЙ ГЛАСНЫЙ/НОЛЬ ГЛАСНОГО (И. Е. Гельб), без многообразия, присущего шумерской системе: CV, VC, CVC³⁴ и т. д. В любом случае, ясно, что такое «сокращенное» письмо должно содержать намного меньше знаков, чем полноценное слоговое письмо и, тем более, любая словесно-слоговая система. К тому же, в случае финикийского письма, эти 22 знака имели простую линейную форму, так что на их заучивание хватало одного-двух дней; долгие годы, уходящие в шумерской *эдубе* (школе) на овладение всеми тонкостями клинописи не идут ни в какое сравнение с этим. Западносемитские системы письма совершили настоящую революцию: став широко доступным средством передачи информации, они в той или иной форме распространились со временем по всей Передней Азии и подготовили почву для создания полностью алфавитного письма, располагающего отдельными знаками почти для всех звуков человеческой речи — согласных и гласных.

Следующий шаг в сторону полной передачи фонетического строя речи на письме народы Востока и Запада сделали по-разному. Семитские народы (евреи, арамеи, арабы) разработали систему огласовок — специальных значков в виде точек, черточек и т. п., ставившихся в *некоторых случаях* над и под согласными для обозначения гласных. Интересно, что если следовать теории И. Е. Гельба, то отрывок одного и того же древнееврейского (сирийского, арабского) текста с огласовками и без таковых являет собой пример разных стадий развития письма: в первом случае это «истинный» алфавит, а во втором — силлабарий СОГЛАСНЫЙ + ЛЮБОЙ ГЛАСНЫЙ/НОЛЬ ГЛАСНОГО. На Западе финикийское письмо было заимствовано греками, которые также дали алфавиту знаки для гласных, но с большей последовательностью: это были самостоятельные буквы, которые писали в строку и *регулярно*, а не в зависимости от случая, как в семитских системах.

³⁴ CV = СОГЛАСНЫЙ + ГЛАСНЫЙ (ba), VC = ГЛАСНЫЙ + СОГЛАСНЫЙ (ab), CVC = СОГЛАСНЫЙ + ГЛАСНЫЙ + СОГЛАСНЫЙ (bab) и т. д.

Финикийское письмо дало начало греческому, которое, в своих разных вариантах, породило латиницу (из западногреческого или этрусского, которое, опять-таки, восходит к западногреческому), кириллицу (из восточногреческого с добавочными знаками для шипящих и т. п.) и производные алфавиты. Арамейское письмо развилось в сирийское и арабское; оно также в конечном счете «ответственно» за возникновение множества письменностей Индии и Южной Азии. Таким образом, за исключением сферы действия китайской иероглифической традиции, эти системы письма охватывают весь мир.

Следующим шагом в сторону точности передачи речи на письме является фонетическая транскрипция — если кириллица передает русскую речь приблизительно, а латиница вообще почти не передает английскую речь в любом ее варианте, то транскрипция обеспечивает максимальную точность передачи звуков на бумаге (мы не говорим здесь о звукозаписи).

Завершая тему типологии письма, заметим, что «в природе» ни одна из вышеназванных систем не является, так сказать, чистой. Даже наше, казалось бы полностью алфавитное, письмо содержит некоторое количество идеограмм. Прежде всего это цифры: символ 7 носители разных языков прочтут совершенно по-разному, но его смысл они поймут одинаково. Есть также символы типа \$, № и некоторые другие более специализированные, которые также являются по сути идеограммами.

Если типологическая эволюция письма более или менее ясна (хотя и здесь есть ряд неясных моментов, о которых до сих пор ведутся дискуссии), то конкретное историческое развитие индивидуальных систем письма часто остается тайной. Говоря в этой связи о шумерской клинописи (и протоклинописи), надо отметить, что ее важность состоит не только в том, что она оказала непосредственное влияние на многие сферы жизни и культуры Месопотамской периферии (эламиты, хурриты, хетты) и служила во многих отношениях средством международного общения (например, дипломатическая переписка из архива в Эль-Амарне в Египте). Ряд ученых предполагает, что древнейшая, пиктографическая форма шумерского письма могла оказать косвенное влияние на жителей архаического Египта и даже Китая, явив им пример для создания собственных систем письма. Если предположить, что это так, то в лице шумерской протописьменности мы имеем дело с «прародительницей», пусть косвенной, всех письменностей Земли.

ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ ПЕРИОД (УРУК И ДЖЕМДЕТ-НАСР)

Промежуток времени, о котором сейчас пойдет речь именуется Протописьменным периодом. Он (точнее его отдельные фазы и локальные варианты) носит также и другие названия — период Урука, период Джемдет-Насра и т. д. Конкретные исторические события этой эпохи неизвестны: характер имеющихся в нашем распоряжении источников (археологические находки и простейшие, в основном учетные, записи) позволяет говорить лишь о процессах, структуре шумерской экономики и, в какой-то степени, — общества. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению наиболее известных аспектов жизни архаической Нижней Месопотамии, мы приведем краткую общую характеристику данной эпохи и ее фаз.

Первая фаза Протописьменного периода (ПП I или Урук; между 4000—3200 и 3000—2850 до н. э.)

Одним из важнейших источников по Протописьменному и Раннединастическому (как, впрочем и нескольким последующим) периодам является шумерский царский список — документ, составленный намного позже описываемых событий. Хотя он относится к гораздо более обширному отрезку времени, чем описываемая фаза, можно привести его местами сокращенный текст ниже.

Царский список³⁵

[После того, как царственность (*nam-lugal*) низошла с небес, Эреду стал местом царственности...]

Цари до потопа

А-лу-лим (из города) Нунки (Эреду) (правил) 28 800 лет
А-ла[л]-гар (из города) Нунки (Эреду) (правил) 36 000 лет
Эн-ме-эн-лу-ан-на (из города) Бад-тибира (правил) 43 200 лет
Эн-ме-эн-галь-ан-на (из города) Бад-тибира (правил) 28 800 лет
Думузу-«пастырь» (из города) Бад-тибира (правил) 36 600 лет
Эн-Сиб-зи-ан-на (из города) Ларак (правил) 28 800 лет
Эн-ме-эн-дур-ан-на (из города) Зимбир/Сиппар (правил) 21 000 лет
И/Убартуту (из города) Шуруппак (правил) 18 600 лет

Всего 8 царей, 5 городов, 241 200 лет.

Затем был потоп. После него была вновь ниспослана свыше царственность.

³⁵ Приводится с некоторыми изменениями по книге: Л. Вулли. Ур халдеев. Москва: Издательство восточной литературы. 1961. С. 251—254.

Цари после потопа*I династия Киша*

Га-ур 1200 лет	Ка-лу-му-му 840 лет
Гул-ла-Нидаба-ан-на 9600 лет	Ка-га-ги-иб 900 лет
?	А-таб 600 лет
?	А-таб-ба 840 лет
Ба...	Ар-пи-ум 720 лет
Этана-пастух 1500 лет	Мес-за... 140 лет
Ба-ли-их, сын Этаны 400 лет	Ти-из-кар 306 лет
Эн-ме-нун-на 660 лет	Иль-ку-у 900 лет
Ме-лам-киш 900 лет	Иль-га-са-ду-ум 1200 лет
Бар-саль-нун-на 1200 лет	Эн-ме-эн-бара-ге-си 900 лет
?	Аг-га 625 лет
Га-ли-бу-ум 360 лет	

Всего 23 царя, 24 510 лет.

Город Киш был поражен оружием, царственность его перешла в Эану (Урук).

I династия Урука

Мес-ки-аг-га-ше-эр 342 года	Утуль-каламма 15 лет
Эн-мер-кар 420 лет	Лабашер 9 лет
Лугальбанда-пастух 1200 лет	Эннуннаданна 8 лет
Думузи-рыбак 100 летхе-де 36 лет
Бильгамес (Гильгамеш) 126 лет	Ме-лам-ан-на 6 лет
Урнунгаль, сын Гильгамеша 30 лет	Лугалькиага 36 лет

Всего 12 царей, 2310 лет.

[Город Унуг был поражен оружием, царственность его перешла в город Урим (Ур)].

I династия Ура

Мес-ан-не-пад-да 80 лет
(А-ан-не-пад-да ? лет)
Мес-ки-аг-Нанна 36 лет
Эдулу 25 лет
Балулу 36 лет

Всего 4 царя (должно быть 5), 177 лет.

Династия Авана

Всего 3 царя, 350 лет.

II династия Киша

Су... 201 год	Шуэ 360 лет
Да-да-сиг (?)	Гашубнунна 180 лет
Ма-ма-гал-ла 360 лет	И-би-ни... 290 лет
Ка-аль-бу... 195 лет	Лугаль-му 360 лет

Всего 8 царей, 3195 лет.

Династия Хамази

Хат/даниш 360 лет

Всего один царь, 360 лет.

II династия Урука

Эншакушана

Лугалькингенешдуду

Лугалькисальси

Всего царствование длилось 120 лет. Династия правила 480 лет.

II династия Ура

Всего 4 царя, 108 лет.

Династия Адаба

Лугальаннемунду 90 лет

Всего один царь, 90 лет.

Династия Мари

Всего 6 царей, 136 лет.

III династия Киша

Город Мари был поражен оружием, царственность его перешла в Киш. В Кише Ку-Баба, корчмарка, та которая укрепила основы Киша, стала «царем» и царствовала 100 лет...

Династия Акшака

Унзи 30 лет

Ундалулу (Ундадибдиб) 6 лет

Урур (Зузу) 6 лет

Пузур-Сумукан 20 лет

Ишуэль 24 года

Гимил-Суэн (Шу-Суэн) 7 лет

(I) династия Лагаша

Ур-Нанше 30 лет

Акургаль

Энанатум I

Энанатум I

Энметена

Энанатум II

Энентарзи(д)

Лугальанда

Уруинимгина (Урукагина)

Династия Агаде (Аккада) и т. д.

[Некоторые из вариантов (изводов) «Царского списка» продолжают до I вавилонской династии включительно]

Как видно хотя бы из сроков правления первых упомянутых здесь царей, они не имеют никакого отношения к реальности. Имена легендарных (полулегендарных?) правителей, таких как Этана, кото-

рый ломал крылья ветру и поднимался на небо на орле, не зафиксированы нигде кроме мифов и не подлежат даже приблизительной датировке. Поэтому данные Царского списка начинают «работать» по-настоящему только тогда, когда они подтверждаются другими источниками, прежде всего надписями и прочими письменными свидетельствами. Подобную перепроверку можно осуществить только начиная с Раннединастического периода.

Источники, которые датируются непосредственно Протописьменным периодом включают следующие группы: археологические находки (остатки зданий и прочих сооружений, орудий, костяки людей и животных и т. п.); древнейшие письменные памятники (документы хозяйственной отчетности, а несколько позже и древнейшие «словари» и «тетради», т. е. тематические списки знаков и упражнения начинающих писцов); печати и их оттиски, дающие определенную информацию о структуре общества (см. Илл. 2 и 4).

ПП I прослеживается по археологическим слоям городища Варки (Нижняя Месопотамия) IVa и IVb, а возможно и с более ранних слоев (VI, V). В этих слоях обнаружены развалины храмового комплекса Э-Аны, представленного остатками «Красного здания» (в зарубежной литературе — *the Red Temple*) с колоннадой и двором, в котором находилось некое возвышение, именуемое И. М. Дьяконовым «эстрадой» и возможно служившее для заседания совета старейшин. Как и в Эреду, постройки Варки (древний Урук, по-шумерски Унуг; в Библии — Эрех) расположены непосредственно над убейдскими, что вновь говорит о непрерывной преемственности между этими двумя культурами. В архиве Э-Аны найдены расходные записи с изображением предметов расходования: ячменя, эмера, пшеницы, шерсти, кунжутного масла, овец и другого скота разного возраста и пород, рыбы и т. п. В документах указывалось количество израсходованного и объекты, на которые были израсходованы данные предметы или лица, которым они были выданы. Как видно, месопотамская мода скрупулезно записывать все расходы (полного абсурда она достигла во времена III Династии Ура — по крайней мере, так кажется на основании имеющихся в нашем распоряжении данных) зародилась в древнем Уруке начала III тысячелетия до н. э., если не раньше. Здесь же были обнаружены печати и их оттиски — не менее ценный материал для историка.

Уже самые древние знаки на урукских табличках имеют вид развитой, устоявшейся системы письма, что позволяет предположить наличие письма-предшественника, из которого оно развилось.

Какую реальность отражали эти древнейшие из известных записей нашей планеты? Приведем для наглядности позаимствованный из работы Р. Энглунда³⁶ список самых распространенных знаков, засвидетельствованных от 1000 до 100 раз (перевод также дается по Энглунду):

Знак	Значение	Частота
EN _a	главный. администратор (вождь-жрец)	996
ŠE _a	ячмень	496
BA	рацион	495
AN	(бог) Ан ?	485
NUN _a	(бог) Энки ?	456
PAP _a	надсмотрщик ?	409
SAL	рабыня	388
GI	поставка ?	368
SANGA _a	счетовод	365
GAL _a	большой (человек)	353
E _{2a}	дом, хозяйство	335
UDU _a	мелкий скот	330
ŠU	рука, расписка	298
U ₄	день	286
TUG _{2a}	сверток ткани	268
BAR	?	265
BU _a	змея ?	265
ŠITA _a	чиновник	252
A	вода	250
AB _a	крупное хозяйство	242
ŠU ₂	головной убор ?	238
DU	нога ?	237
PA _a	надзиратель ?	236
KI _a	место	229
SAG	голова (= человек)	224
ME _a	вид ткани ?	223
GU ₇	порция	220
MUŠ _{3a}	Инанна ?	219
GAR	рацион зерна	212
NAM ₂	звание чиновника	209
AB ₂	корова	202

³⁶ R. Englund. Op. cit. P. 70—71.

TUR	маленький (человек)	197
DUG _c	горшок со сливочным маслом	196
IB _a	дом, хозяйство ?	195
UNUG _a	Урук	190
NE _a	красный, рыжий ?	186
SI	рог ?	183
DUG _a	сосуд с пивом	181
HI	яйцо ?	180
SUHUR	сушеная рыба	179
KU _{6a}	свежая рыба	176
TE	какой-то чиновник	162
GA _a	горшок/ведро с молоком	155
ERIM _a	пленник ?	153
MA	связка (фруктов)	151
KU _{3a}	полмеры масла	146
ZATU753	?	132
SU _a	кожа	131
APIN _a	плут	115
MAS	козленок мужского пола	115
GAN ₂	поле	114
KUR _a	раб	113
DA _a	?	111
MUŠEN	птица	110
GU ₄	бык	108
ŠUBUR	свинья	106
ZATU752	печать ?	106
ŠE ₃	навоз ?	105
NI _a	сосуд со сливочным маслом	104
SIG _{2b}	шерсть	104

Обозначения знаков даются здесь в соответствии с соглашениями Берлинско—Лос-Анджелесской группы (ATU). Так, в поздней, «классической клинописи» имеется лишь один знак DUG (сосуд), но в архаическом Уруке их было несколько: как видно на примере таблицы, знак DUG_a передавал сосуд с пивом, а DUG_c — с маслом. Тексты этой, как впрочем и более поздней, фазы Урука исследованы далеко не полностью; видимо серьезное изучение данного периода еще впереди.

Таким образом, в течение первого этапа Протописьменного периода, в Южной Месопотамии появляется общество с достаточно

разветвленной структурой, о которой мы знаем в первую очередь благодаря материалам из храмового комплекса Э-Аны в Уруке (название e₂-an-na буквально означает «дом [бога] неба» или «храм небес», этот храм был посвящен богу неба Ану и его дочери, а по другим версиям — супруге, богине Инан(н)е или Иннин, которую аккадцы называли Иштар). Налицо верховный жрец, имевший также функции правителя-администратора — ewen, или en; знатные люди — nin, nam₂; простые общинники, которых, наверное, именовали просто «черноголовыми» (sag-ge₆-ga); а также рабы — ered (urdu) и рабыни — ge₆e₂ (последние, как видно по частотности употребления знака SAL [см. таблицу выше] упоминаются в текстах чаще, видимо их было больше). Существовала довольно сложная система рангов храмового персонала (это видно по различным нормам вознаграждения, причитавшимся храмовым служащим и работникам). Была уже и армия — первый этап Протописьменного периода стал свидетелем первых войн (на печатях мы часто видим связанных и избиваемых в присутствии начальника пленников). Шумерское войско этой эпохи было еще очень малочисленным и как попало вооруженным, но, тем не менее, есть основания полагать, что оно было обучено и имело свою систему рангов. Иными словами, зарождается регулярная армия. Считается, что военные походы были направлены в это время в основном за пределы Нижней Месопотамии. Надо думать, что отправлялись на север и восток за камнем, древесиной, металлами и рабами. Между «черноголовыми» Южной Месопотамии в эту эпоху царил относительный мир — по крайней мере, стенами города не обносились.

Помимо качественных перемен происходили и чисто количественные: лавинообразный рост населения и числа поселений, в том числе крупных. По всей видимости, этот процесс начался еще во времена позднего Убейда, но его кульминация приходится на ПП I. Ниже приводится таблица, иллюстрирующая его:

Дата	Деревни	Малые города (towns)	Мелкие гор. центры	Крупные города (cities)
3500 до н.э.	17	3	1 (?)	0
3200	112	10	1	0
2900	124	20	20	1

Исследованием демографических процессов периода Урука занимались Роберт Адамс и Ханс Ниссен, из книги которых и позаим-

ствована вышеприведенная таблица.³⁷ Адамсу так же принадлежат соображения по поводу того, какое поселение следует считать «деревней», а какое — уже «городом». Так, «деревней» (*village*) является поселение площадью от 0,1 до 6,0 га, «небольшим городом» (*town*) — от 6,1 до 25 га, а мелкие и крупные «городские центры» (*urban centers*) должны иметь площадь 50 га и больше.³⁸ Как видно, за основу здесь берется площадь населенного пункта. Данный метод не лишен недостатков, поскольку определить плотность населения, исходя из имеющихся данных, представляется весьма проблематичным.

Вторая фаза Протописьменного периода III II (период Джемдет-Насра)

Как и в случае с III I основными источниками здесь служат учетные записи дворцово-храмовой администрации. Они становятся более основательными и разнообразными. Помимо записей о продовольственных выдачах появляются списки профессий, записи о выдачах участков земли и некоторые другие виды письменных памятников, включая даже некое подобие литературных произведений. Археологические комплексы этой поры представлены не только Уруком (Э-ана в это время переживает расцвет, застроенная площадь занимает около 9 га, на месте развалившихся древних храмов, которые были построены из сырцового кирпича, воздвигается т. н. Белый храм, посвященный богу неба Ану), но и другими городами. На севере Нижней Месопотамии, недалеко от древнего Киша, в это время процветал город на месте современного поселения Джемдет-Наср, по которому эта фаза иногда и называется. Город был покинут жителями в конце III II. Благодаря этому, с одной стороны, его древнее название неизвестно, а с другой — археологическое изучение сильно облегчено вследствие отсутствия позднейших культурных наслоений. Недалеко от Джемдет-Насра находился еще один крупный центр этого периода — Тель-Укайр.

В целом, происходит рост уже существующих городских центров, появляются новые города. Кроме Урука (т. е. современной Варки) и Джемдет-Насра на этот период известны многие другие города-государства или, по терминологии И. М. Дьяконова, «номы». Приводим список важнейших месопотамских городов (вначале идет предполагаемое шумерское название нома, затем, в скобках,

³⁷ R. McC. Adams, H. Nissen. *The Uruk Countryside*. Chicago. 1972. P. 18.

³⁸ Ibidem, P. 17—19.

аккадское; точно так же за шумерским именем верховного общинного божества в скобках следует аккадское):

1. «ном» долины Диялы, центр — Эшнуна: ныне городище Тель-Асмар; общинное божество — Тишпак;

2. «ном» Зимбир (Сипшар): ныне городище Абу-Хабба; общинное божество Уту (Шамаш), бог солнца и справедливости;

3. безымянный «ном» на канале Ирнина, позднее имевший центр в городе Куту: ныне Тель-Ибрахим; верховное божество Ненугал (Нергал), бог смерти;

4. «ном» Киш или Кеш на Евфрате: ныне Тель-Ухаймир; верховное божество Забаба;

5. «ном» Кеш (?): ныне Абу-Салабих;

6. «ном» Ниб(у)ру (Нипшур): ныне Ниффер; верховное божество Энлиль (Эллиль), бог ветра и хозяин всего, что находится на земле;

7. «ном» Шуруппак: ныне Фара; верховное божество Шуруппак;

8. «ном» Унут (Урук) (состоял из слившихся воедино культового центра Э-Ана, поселений Урук и Кулаба): ныне Варка; общинные божества Ан (Ану), бог неба, и Иннин (Иштар), богиня плодородия, плотской любви, и распри;

9. «ном» Урим (Ур): ныне Тель аль-Мукайяр; общинное божество Нанна(р), бог луны (в состав урского нома входил и город Эреду(г) (ныне Абу-Шахрайн), считавшийся в месопотамской традиции древнейшим шумерским городом; верховное божество Эреду — Энки (Хайа/Эйя), буквально, «Владыка земли», бог подземных и мировых вод и мудрости);

10. «ном» Адаб: ныне Бисмайя; верховное божество — богиня Дингирмах;

11. «ном» Умма: ныне Йоха; верховное божество — Шара;

12. «ном» Ларак;

13. «ном» Лагаш (кроме собственно Лагаша, в этот ном входили города Гирсу («столица» нома, современное название — Телло), Нина и гавань Гуабу): ныне ал-Хибба (аль-Хиба); бог Нин-Нгирсу, богиня Нгатумдуг.

Это первые шумерские города; их было, конечно же, больше тринадцати, поскольку многие номы включали в себя несколько городов. (Их названия известны не только по более поздним изводам Царского списка, но и по спискам городов, появившимся уже в Протописьменный период и представляющим собой еще одну интереснейшую группу источников.) По всей видимости, к концу Протописьменного периода относится и возникновение городов шумер-

ро-восточносемитской культуры, которые находились за пределами Нижней Месопотамии. Важнейшими из них были:

1. Мари на среднем Евфрате: Тель-Харири в современной Сирии; общинные божества — Даган, бог царского рода этого города и, возможно, Иштар;

2. Ашшур на среднем Тигре: ныне Калаат-Шеркат; общинное божество Аншар (Ашшур);

3. Дер по дороге от Диялы в Элам: ныне аль-Бадра; общинное божество Ишгаран.

К концу III II Нижняя Месопотамия представляла собой развитую и густонаселенную страну. Важнейшими итогами Протописьменного периода являются следующие:

1) Складывание единой письменной системы, которая, несмотря на свою громоздкость, была совершенно тождественной на юге Нижней Месопотамии и на севере, что, говорит о существовании единого авторитетного центра, откуда эта письменность распространялась. Таким центром, был, скорее всего, Нишур, находившийся примерно в центре долины Тигра и Евфрата, в северной части Южного Двуречья.

2) С Нишуром связано и завершение столь важного процесса, как возникновение своеобразного межгосударственного объединения — культового (первоначально племенного) союза всех общин Шумера. Центром этого союза (необходимо подчеркнуть, что это объединение не носило политического характера) был город Ниб(у)ру (Нишур), где находился храм общешумерского бога Энлиля, Э-кур.

3) Складывание «социальной лестницы» (см. выше) и системы храмового землевладения (земля эна — ašag(GAN₂)-en, или niġ₂-en-na, постепенно становилась храмовой землей), вокруг которой формировалась хозяйственная система.

За неимением увлекательных исторических событий, перейдем теперь к рассмотрению тех конкретных аспектов жизни Протописьменного общества, что представляется возможным восстановить на основании учетной документации и археологических находок.

Хозяйственно-административная система

Исходя из тех реалий текстов, что допускают достаточно точную идентификацию, можно разделить «протоклинописные» тексты на несколько обширных категорий, которые часто демонстрируют тес-

ную связь с системами счисления, относящимися к тем или иным типам объектов. Р. Энглунд выделяет следующие группы текстов: учетные записи рыбных хозяйств, списки домашних животных и продуктов животноводства, записи, фиксирующие нормы труда (возможно рабского), учет зерна, муки и хлеба, а также управление возделываемыми землями.³⁹

Рыболовство и охота

После зерновых рыба представляет собой важнейший пищевой ресурс ранних жителей Месопотамского аллювия. Охота на нижнемесопотамской равнине не могла обеспечить ее население достаточным количеством белковой пищи, а мясные и молочные продукты животноводства были доступны большинству очень редко. Рыба обладает здесь важными преимуществами. С одной стороны, она быстро разводится, не требует особого ухода (и как правило, кормления) и добывается простыми средствами. С другой стороны, по пищевой ценности она не уступает мясным и молочным продуктам и, к тому же, усваивается легче них. Хотя древние ничего не знали о витаминах и аминокислотах, рыба обеспечивала и эти жизненно важные для организма вещества (в частности, витамины А и D, содержащиеся в ее печени). Поскольку для эксплуатации рыбных ресурсов требуются весьма скромные усилия, рыба является идеальным заменителем мяса в диете бедных коллективов. Биотоп (район, характеризующийся однородностью природной среды, флоры и фауны), охватывавший побережье Персидского залива, болота, озера, реки и каналы Шумера, отличался чрезвычайным изобилием рыбы, крабов и морских черепах. Это богатство в основном сохраняется и по сей день. Цитируем отрывок из письма европейского путешественника XIX в. н. э.:

«Евфрат настолько изобилует рыбой, что эти твари почти ничего не стоят; когда я путешествовал к лагерю [племени] мунтефик, *binni* длиной 2½—3 фута — т. е. рыба высочайшего качества — сама запрыгнула в лодку» (Aus einem Briefe des Dr. Socin an Prof. Nöldeke, 29. April 1870. An Bord des „Mosul“ auf dem Tigris).⁴⁰

³⁹ R. Englund. Op. cit. P. 128.

⁴⁰ ZDMG 24, 1870, p. 471.

Тем не менее, для активного использования рыбных ресурсов было необходимо решить серьезную проблему — рыба быстро портится. Это означает, что в жаркой местности ее нельзя транспортировать на значительные расстояния и невозможно хранить без предварительной обработки. Поэтому древние рыбаки выработали способ (способы?) сохранения рыбы. Об этом способе документы рассматриваемой эпохи не говорят почти ничего. Данный пробел можно заполнить, прибегнув к другим источникам информации — археологическим раскопкам, историческим записям, материалам этнографии. Так, Геродот писал по этому поводу следующее:

«Есть среди них (вавилонян) три племени, которые питаются только рыбой. Пойманную рыбу они вялят на солнце и затем поступают так: бросают рыбу в ступку и раздробляют пестиком, а затем пропускают через кисейное сито. Потом из массы по желанию заменяют сырое тесто⁴¹ или пекут хлеб» (Клио, 200).⁴²

Здесь, конечно, надо учитывать, что его сведения относятся к намного более позднему периоду, чем Протописьменный. Однако они вполне согласуются с другими данными.

Важнейший источник самой непосредственной информации — анализ остатков рыбы на раскопах городских центров архаического Шумера. К сожалению, этим источником часто пренебрегали. Тщательный сбор и анализ рыбьих костей, оставшихся в древнейших археологических слоях Нижней Месопотамии, начиная с Убейда в IV тыс. до н. э. и кончая другими городами и поселениями на протяжении всего III тыс. до н. э., безусловно стал бы огромным подспорьем при интерпретации трудного материала древнейших текстов. Надо заметить, что остатки рыбы действительно были раскопаны в ряде поселений (Убейд, Урук, Гирсу), а в Гирсу даже сохранились целые скелеты рыб, покрытые кожей с чешуей.⁴³ Однако в большинстве случаев с этим древним мусором обходились как с современным, то есть избавлялись от него. Поэтому из костей Протописьменного пе-

⁴¹ Возможно, имеется в виду некое подобие каши.

⁴² Цитируется по изданию: *Геродот. История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л.: Издательство «Наука», С. 75.

⁴³ G. Cros. *Nouvelles fouilles de Tello, publiées avec le concours de: Léon Heuzey, François Thureau-Dangin*. Paris. 1910. P. 81—83.

риода (точнее — Урук III) сколько-нибудь исследованы были лишь находки из поселения Фарухабд, недалеко от эламских Суз. В их числе оказались кости рыб семейства *Pomadasyidae*, которые, как пишет Р. Реддинг,⁴⁴ в пресной воде не водятся. Следовательно, рыбу доставляли сюда с берегов Персидского залива.

Гораздо более обстоятельное исследование удалось провести с остатками рыбы, найденными в поселениях Раннединастического периода — Уруке, Гирсу, Лагаше и Абу-Салабихе (возможно, древний Эреш). Обнаружены кости как морских, так и пресноводных рыб. Из первых следует назвать уже упоминавшихся рыб семейства *Pomadasyidae* (сюда входят несколько видов, которые в английском объединены под общим названием «хрюкающих» рыб — *grunters*), «морского леща» (*Sparidae*), а также единичные находки сельди (*Clupeidae*), кефали (*Mugilidae*) и почти полутораметрового вида барракуды, характерного для Персидского залива (*Sphyræna jello*). Пресноводные представлены, прежде всего, карпом (*Cyprinidae*) и зубаткой (*Siluridae*).

Что касается орудий рыбного хозяйства — сетей, ловушек, корзин для перевозки рыбы и т. п., — то все они делались из нестойких материалов (прежде всего, тростника) и не сохранились. Поэтому здесь особенно важны данные древнейших текстов и изображений.

О важности рыбного компонента южномесопотамской диеты Протописьменного периода говорят и древнейшие документы. Архаический список рыб содержит около 80 позиций. Во-первых, это названия немногих видов рыб, которые вылавливались во внутренних водах Шумера и, видимо, в Персидском заливе, подвергались обработке (сушка, вяление), а затем потреблялись (и, возможно, выменивались на другие товары) в городских и административных центрах Протописьменного Шумера. Во-вторых, это обозначения приспособлений для лова, хранения и транспортировки рыбы. В ряде случаев эти названия передаются вполне пиктографическими знаками. Так, чаще всего встречающийся знак SUHUR обозначает скорее способ обработки рыбы, чем ее конкретный вид.⁴⁵ Проще

⁴⁴ R. W. Redding. The Faunal Remains // H. T. Write (ed.). An Early Town on the Deh Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad, Memoirs of the Museum of Anthropology, University of Michigan, no. 13. Ann Arbor. 1981. P. 234—235.

⁴⁵ Позднейшее шумерское чтение этого знака — suhur. В аккадском ему соответствует слово *purādu* («кара»), засвидетельствованное лишь после Старовавилонского периода. По мнению Р. Энгунда (R. Englund. Op. cit. P. 132), значение «кара» в более позднем шумерском и аккадском могло быть вторичным: оно возникло потому, что в таком виде рыбаки чаще всего доставляли именно карпа.

всего в нем угадывается схематическое изображение разрезанной вдоль, выпотрошенной, обезглавленной и высушенной рыбы. В таком виде она и попадала к городским писцам-администраторам, составлявшим учетные записи в архаическом Уруке (можно сказать, что они схематически зарисовывали то, что видели).

Документы, учитывающие рыбу, имеют интересную особенность. Объекты, обозначаемые как *SUHUR*, подобно всем прочим обозначениям видов рыбы и емкостей для ее хранения и транспортировки, учитывались с помощью шестидесятеричной системы,⁴⁶ которая (правда, не в чистом виде, а в комбинации с десятичной) позже станет господствующей для шумерской и ассиро-вавилонской цивилизации. С другой стороны, объект, представленный знаком *KU₆* («рыба [вообще]» или «[свежая] рыба»), учитывался посредством архаичной «двухшестидесятеричной» (*bisexagesimal*) системы.⁴⁷ Последняя часто употреблялась при учете зерна и молочных продуктов, когда те фигурировали в качестве рациона. Поэтому можно предположить, что рыба типа *KU₆* также использовалась для натуральных выплат. Помимо этого, несколько типов рыбы обозначались модифицированными знаками: повернутым знаком *KU₆* (условное чтение *SUKUD*), удвоенными знаками *KU₆* и *SUKUD* (соответственно *KU₆+KU₆* и *SUKUD+SUKUD*), знаком *KU₆* с добавлением штрихов в области спинного плавника (*GIR*) и т. п.

Емкости для рыбы обозначались знаком *GA₂*, его модификациями и некоторыми неидентифицированными знаками. Их учет производился исключительно по шестидесятеричной системе. Базовый знак *GA₂* изображает разновидность корзины, скорее всего из тростника. Почти все известные нам пиктограммы, обозначающие рыб (*KU₆*, *GIR*, *SUKUD*, *SUHUR*), вписывались в него, представляя прозрачное обозначение «такая-то рыба в корзине типа *GA₂*».

⁴⁶ Система, основанием («числом *n*») которой является число 60. Знак, ставший в классической ассиро-вавилонской клинописи вертикальным клином, обозначал, в зависимости от его положения в числовом комплексе, единицу или 60. Если за ним следовала десятка (угловой, или косой клин), то он передавал 60. Приведем простой пример. Если прямой клин обозначить восклицательным знаком (!), а косой — левой угловой скобкой/знаком «меньше» (<), то число 72 можно записать следующим образом: !<!! (60 + 10 + 1 + 1 = 72). К сожалению, тонкости данной системы этим не исчерпывались (так, тот же косой клин в зависимости от его позиции в комбинации цифр мог обозначать и 600), но здесь нет необходимости и возможности рассматривать эту систему во всех подробностях. Скажем лишь, что древнейший ее прототип имел более дифференцированный набор знаков: единица отличалась по начертанию от 60 и т. д. Помимо этого, существовали и другие системы счисления, точная интерпретация которых не всегда возможна.

⁴⁷ R. Englund. Op. cit. P. 134.

Один неидентифицированный знак (по терминологии Берлинской группы, ZATU759) обозначал некий открытый вид корзины — скорее всего это была ловушка для рыбы. Подобные ловушки часто использовались, и поныне используются, на каналах. Хотя ни ловушки, ни сети обычно не сохранялись до наших дней, археологи часто находят грузила, косвенно подтверждающие их существование. Могли также использоваться деревянные остроги (металл был очень большой редкостью), но прямых указаний на это нет.

Существование большого числа рыбаков не вызывает ни малейшего сомнения, и в списках профессий слово «рыбак» несомненно должно фигурировать. Тем не менее, шумерское обозначение этой профессии, ставшее стандартным в более поздних текстах (ŠU+KU₆, букв. «рука-рыба»), в архаических документах отсутствует. Вместо него в списках профессий встречаются комбинации знаков GAL SUHUR и SANGA SUHUR. Надо полагать, что знак GAL («большой»), в качестве элемента названия профессии, обозначал какого-то начальника (бригадира, контролера, надсмотрщика и т. п.). В таком случае не исключено, что архаичное обозначение GAL SUHUR соответствует должности ugula šuku_x («надзирающий за рыбаками»), упоминаемой в классической шумерской традиции. Что касается знака sanga, то он связан со значением «счет, учет». Следовательно, SANGA SUHUR — это администратор или счетовод рыбного хозяйства. Прочие обозначения людей, связанных с рыболовством, относятся только к получателям рыбы.

Судя по позднейшей традиции и костным останкам, рыбаки интенсивно эксплуатировали как внутренние воды южного Двуречья, так и богатые морские ресурсы ближайших окрестностей Персидского залива (a-ab-ba). Они были одновременно и охотниками: учетные записи административных центров регистрируют в числе их добычи рыбу, моллюсков, птиц, диких свиней и черепах. Забегая вперед, отметим, что, по мнению ряда специалистов, роль рыболовства в хозяйстве Месопотамии постепенно снижалась.

Животноводство и его продукты

Начиная с Убейда и на протяжении всего III тыс. до н. э. важнейшими хозяйственными секторами Месопотамского аллювия были земледелие и скотоводство. Первое базировалось на орошаемых землях вокруг растущих городов и устойчивых урожаях зерновых. Второе играло заметную, но всё же менее важную роль. Основными

домашними животными (в порядке убывания их значимости) были овцы, козы, крупный рогатый скот и свиньи.

Овцы и козы (UDU)

Многочисленные стада мелкого рогатого скота содержались ради шерсти, молочных продуктов и мяса. Стада обычно были средней численности. Исходя из традиционной практики этих мест, можно предположить, что эти стада выпасались сезонно, перемещаясь между летними лугами предгорий и гор Загроса и зимними пастбищами месопотамского алаувию (и, что еще важнее, его административными центрами, где осуществлялся постриг и учет). Спрос на ткани со стороны городского населения удовлетворялся почти исключительно за счет изделий из овечьей шерсти и, реже, козьего волоса. Шерсть также была важнейшей статьёй торговли между Месопотамией и ее периферией. Возможно торговали и молочными продуктами.

Несмотря на отсутствие лексических списков с названиями мелкого рогатого скота, учетные записи позволяют составить довольно полное представление о качественном (виды, породы, пол) и количественном (размер стад, возраст разных особей, количество приплода) составе нижнемесопотамского поголовья мелкого скота.

Базовым был знак UDU (его древнейшая форма выглядела примерно так: \oplus), обозначавший мелкий скот вообще. Почти все идеограммы, обозначающие овец и коз разного пола, возраста и возможно пород, являются модификациями знака UDU. Приведем некоторые наиболее распространенные обозначения.

Взрослая овца обозначалась знаком U_8 , а баран — UDUNITA. Молодые овцы, помимо коллективного названия SILA₄, имели специфические обозначения: ягнята женского пола назывались KIR₁₁, а мужского — SILANITA. Кроме того, употреблялось отдельное название для овец с жирным курдюком: GUKKAL. Все обозначения взрослых особей содержат знак UDU.

Взрослые козы и козлы назывались, соответственно, UD₅ и MAŠ₂. Козята женского и мужского пола обозначались, соответственно, EŠGAR и MAŠ. Знак UDU фигурирует в качестве элемента в обозначениях взрослых коз.

Встречающаяся в архаических текстах последовательность знаков ŠE+NAM₂ по всей видимости является обозначением профессии — «кормилец (?)», т. е. тот, кто откармливает мелкий скот.

В связи с овцами регулярно употребляется пиктограмма KISIM, схематически изображающая похожий на амфору глиняный сосуд с ручкой. Этот знак символизирует количество продукта примерно соответствовавшего нашему сливочному маслу (только, в данном случае, из овечьего молока), помещающегося в сосуд такого типа. На 20 овец в текстах регулярно приходится 1 KISIM. По всей видимости, это означает, что с одной овцы в течение года пастухи были обязаны сдать 1/20 KISIM масла, что обозначает административную норму, а не реальные удои или поставки.⁴⁸ Продукт, обозначаемый KISIM, получали также от коз.

У нас есть некоторые данные о количестве овечьих отар: в двух урукских табличках (W 15785 и W 20274) зафиксированы числа 1418 и 1380. Следовательно, можно предположить, что средняя численность стада составляла от одной до полутора тысяч голов.

Шерсть и ткани

За редчайшими исключениями, на Ближнем Востоке не обнаружено никаких остатков древних изделий из ткани.⁴⁹ Поэтому при исследовании достижений ткачества и смежных областей хозяйства и ремесла огромную роль играет анализ памятников искусства: печатей и их оттисков, статуй, рельефов, стел. Прежде всего они дают представление об одеяниях верхушки общества — вождей, правителей, жрецов высокого ранга и военачальников (иногда в одном лице). Однако ряд изображений также содержит информацию о незамысловатых костюмах членов иных социальных групп — общинников, воинов (здесь особенно полезны старошумерские и староаккадские стелы, например, «Стела коршунов» Эанатума и «Победная стела» аккадского царя Нарам-Суэна) и т. п. К сожалению, большинство этой художественной информации относится к более поздним временам, чем Протописьменный период. Поэтому кое-что приходится экстраполировать на древнейшую эпоху.

подавляющее большинство административных текстов, касающихся обработки шерсти, также относится к более поздней эпохе, а

⁴⁸ R. Englund. Op. cit. P. 147.

⁴⁹ Иногда встречаются отдельные сообщения о находках остатков тканей в погребениях. В ряде случаев отпечатки тканей различимы на глине. Так, на поверхности неопубликованной таблички W 15776 видны отпечатки грубой шерстяной ткани. Возможно таблички иногда заворачивали в ткань, чтобы предотвратить слишком быстрое высыхание (например, писец хотел внести в текст какие-то дополнения несколько позже).

именно к III династии Ура. Во всех текстах III тыс. до н. э. четко различаются два вида продукции: сырая шерсть (*siki*) и готовые изделия в виде ткани и одежды (*tug₂*). И то, и другое распределялось в качестве натуральных выдач в соответствии с не совсем понятными правилами оплаты. Тем не менее, данные сводных отчетов говорят о том, что в государственных механизмах обмена фигурировала главным образом сырая шерсть.

Поскольку растущее городское население Протописьменного периода нуждалось в одежде столь же сильно, как и в более позднюю, лучше документированную эпоху, а шерсть была столь же транспортабельна, можно сделать вывод, что сырье и продукция древнейшей «текстильной промышленности» играли важную роль и в рассматриваемый период. Говоря точнее, шерсть и изделия из нее на протяжении всей истории древней Месопотамии представляли второй по значимости (после выращивания и обработки зерновых) производственный сектор местной экономики. Выработка тканей была, естественно, неразрывно связана с овцеводством и, в значительно меньшей степени, с выращиванием льна. Существовала прямая зависимость между количеством населения и числом овец, необходимых для того, чтобы одеть его. Известно, что одна овца в среднем давала 2 мины (шум. *ta-na*; акк. *tapū*: около 1 кг) шерсти в год, а государственные и храмовые работники должны были получать 2—4 мины (1—2 кг) шерсти за этот же срок.⁵⁰

В документах, учитывающих ткань, знаки и их комбинации часто функционируют как идеограммы и неявные указатели мер. Так, в административном контексте знак *tug₂* обозначает не просто «одежду», а сверток ткани определенной длины и ширины. Параметры ткани или одежды несомненно также имели метрологическую значимость: например, точное соотношение между плотностью ткани и ее весом было известно администраторам, оценивавшим стоимость сырья и труда, затраченных на изготовление тканей.

Каким образом было организовано производство тканей в протописьменном Шумере, во многом неясно. Главная трудность здесь состоит в том, что на основании имеющихся текстов полная цепочка «пастух—стригаль—руно—шерсть—одежда» не выстраивается. К тому же, многие типы шерсти и одежды в архаических учетных запи-

⁵⁰ *F. R. Kraus*. Staatliche Viehhaltung im altbabylonischen Lande Larsa. Amsterdam. 1966; *K. Butz*. Zur Terminologie der Viehwirtschaft in den Texten aus Ebla // *L. Cagni* (ed.). La lingua di Ebla. Napoli. 1981. P. 321—353.

сях не поддаются идентификации. Хотя часть из них как будто бы имеют позднейшие шумерские соответствия, последние могут оказаться ложными и привести к неверному пониманию. То же можно сказать и о лексических списках. В них явно содержатся названия различных видов тканей и одежд, но часто непонятно, каких именно. Из доступных пониманию позиций этих списков можно назвать EN SIG₂ и EN TUG₂ — соответственно «шерсть, (подобающая) эн» и «одеяние, (подобающее) эн». Для данного периода знак EN можно перевести как «верховный жрец; правитель; главный администратор».

Ряд сводных отчетов дает нам перечень типичных изделий или объектов «текстильной промышленности»: SIG₂ (шерсть), TUG₂ (ткань/одежда), DARA₄ (разновидность шерсти), ŠU₂ (возможно, мера для определенного вида ткани), GADA ([мера для измерения] льняной ткани) и TUG₂+BAD+BAD (?). Все эти знаки относятся к объектам одной семантической категории, поскольку их считали и суммировали вместе. Им часто сопутствуют знаки, определяющие цвет ткани,⁵¹ тип ткацкого переплетения и, к сожалению, некоторые неидентифицированные знаки.

Учитывались все эти изделия с помощью шестидесятеричной системы. Это значит, что их рассматривали как отдельные единицы, сравнимые с людьми, животными, сосудами, корзинами, изделиями из дерева и металла. Хотя прямых указаний на это нет, при учете эти «шестидесятеричные» объекты явно должны были дробиться на более мелкие единицы.

Крупный рогатый скот (AB₂ GU₄)

Крупный рогатый скот коллективно (т. е. включая коров, нормальных и кастрированных быков, телят и телок) обозначался комбинацией знаков AB₂+GU₄ — буквально «коровы+быки». Эти знаки носят явно пиктографический характер: AB₂ изображает голову самки одомашненного вида *Bos* с рогами, загнутыми вниз; GU₄ узнаваем как изображение головы быка с рогами, обращенными вверх;⁵² AMAR — как схематичный рисунок безрогой головы теленка с тор-

⁵¹ Существовала устоявшаяся последовательность цветов, общая для административных и лексических текстов: U₄ (белый), G₁₆ (черный), G₁ (желтый) и NE (красный, т. е. рыжий или бурый).

⁵² Племенные и кастрированные быки на письме обозначались одинаково (GU₄). В некоторых случаях, когда надо было подчеркнуть, что речь идет именно о племенных быках, они могли обозначаться сочетанием gu₄ ab₂, буквально «бык коровы» (например, в текстах досаргоновского Гирсу).

чащими вверх ушами. Чтобы обозначить возраст и специализацию животных, к этим идеограммам добавлялись особые уточняющие знаки. Для различения пола телят (AMAR) использовались знаки KUR (для телят) и SAL (для телок) — вероятно, схематические обозначения гениталий.⁵³ (Следовательно, теленок обозначался KUR AMAR, а телка — SAL AMAR.)

Более поздние тексты III тыс. до н. э. свидетельствуют об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы, а также ради мяса и молочных продуктов. В нескольких протоклинописных учетных документах плуг (APIN) упоминается наряду с быками или волами (GU₄), что может служить лишь косвенным доказательством использования волов для пахоты в Протописьменный период. Сведения об использовании мяса крупного скота также весьма скудны и не носят однозначного характера. Так, костные останки быка (*Bos taurus*), обнаруженные в Уруке в весьма небольшом количестве, принадлежат исключительно взрослым особям. Их анализ не позволяет сделать окончательный вывод о том, что животные использовались в пищу: они вполне могли быть забиты по причине старости или погибнуть естественным образом.⁵⁴ С другой стороны, их использование ради молочных продуктов не вызывает сомнения — оно подтверждается многочисленными учетными записями интересующего нас периода. Судя по всему, коровы чрезвычайно ценились и подлежали строгому учету и контролю. Размер стад постепенно увеличивался: если учетная документация периода Урук IV содержит упоминания о стадах в 50 голов, то в течение фазы Урук III это число, вероятно, возрастает до 100—200 голов. В самых ранних текстах перечисляются разные группы скота вместе с лицами, ответственными за них, а молоко почти не упоминается. Документы периода Урук III показывают иную картину: записи о стадах встречаются крайне редко, что компенсируется огромным количеством позиций, посвященных молоку, маслу и сыру.⁵⁵ Для учета последнего прибегали к «двухшестидесятеричной» системе, которая применялась и для учета (свежей?) рыбы типа KU₆ (см. выше).

⁵³ Если знак SAL, будучи явным рисунком *vulva*ы, в этом смысле не представляет никаких затруднений, то KUR несколько загадочен. Первичное значение последнего, угадываемое в его начертании, — это «гора, горы», а также «(чужеземная) страна».

⁵⁴ J. Boessneck, A. von den Driesch, U. Stieger. Tierknochenfunde der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts Baghdad in Uruk-Warka, Iraq // BaM 15. 1984. P. 170—172.

⁵⁵ R. Englund. Op. cit. P. 155.

Особи крупного рогатого скота обычно проходили в ведомостях как отдельные объекты и учитывались с помощью шестидесятеричной системы. На небольшие таблички периода Урук IV, имеющие характерную форму подушечки, заносились записи о приеме скота: цифры; один/несколько знаков, изображающих головы скота; один/несколько знаков, передающих имя или должность чиновника/частного лица. Как видно, количество скота, фигурировавшего в этих операциях было небольшим.

Существовали и гораздо более пространные записи, содержащие до пяти колонок текста. Надо полагать, это были сводные ведомости, где суммировались отчеты об индивидуальных операциях. Интересно, что в текстах фазы Урук IV телята, подобно ягнятам и детям зависимых работников, которые были слишком малы для работы, квалифицировались специальным знаком (по терминологии Берлинской группы, N₈), обозначающим в шестидесятеричной системе $\frac{1}{2}$ «полноценного» отдельного объекта.⁵⁶

В административных текстах фазы Урук III крупный скот упоминается редко и в небольших количествах. Тем не менее, судя по количеству учитываемой молочной продукции, скота в этот период было много. Приведенный выше гипотетический размер стада в 100—200 голов подсчитан на основе зафиксированных в отчетах конкретных норм сдаваемых молочных продуктов.⁵⁷

Молочные продукты

Судя по двум урукским табличкам (W 20274, 12 и W 20274, 63), точные нормы удоев колебались в пределах от 2 до 5 л молока на корову. Для разных видов молочной продукции использовались сосуды разных типов: DUG, KISIM, NI и UKKIN×NI. Начиная с периода Урук IV, знаки, изображающие эти виды посуды, часто фигурируют в административных документах вместе. Вполне возможно, что их реальные прототипы изображены на знаменитом «Убейдском фризе» Раннединастического периода.

Знак NI, с момента своего появления (фаза Урук IV) обозначал сосуд для коровьего масла. Физический прототип этой пиктограммы — т. е. сосуд схожей формы — неизвестен. Со временем знак NI стал обозначать в клинописных текстах масло и жир любого происхождения.

⁵⁶ A. A. Vajman. Die Bezeichnung von Sklaven und Sklavinnen in der protosumerischen Schrift // BaM 20. 1989. S. 121—133.

⁵⁷ R. Englund. Op. cit. P. 155.

Схематические изображения специализированных сосудов, естественно, обозначали и продукты в них находившиеся. В этом смысле любопытна дальнейшая эволюция клинописи: если ряд знаков, первоначально изображавших сосуды, продолжали и в дальнейшем обозначать находившиеся в них продукты (GA — молоко, NI — масло любого типа, а также детерминатив для обозначения жирных и маслянистых субстанций, KAS — пиво и т. д.), то другие знаки такого типа стали обозначениями сосудов и ничего более (DUG — глиняный горшок и детерминатив, ставившийся перед любым обозначением посуды).

Предварительная реконструкция, проведенная на основании архаических текстов и изображений, выявляет примерно следующий список молочных продуктов:

- молоко (GA);
- сливки (GARA₂);
- разные по составу и консистенции виды молочного жира или масла (UKKIN×NI, NI; DUG [по терминологии Берлинской группы, DUG_a и DUG_b]);
- молочный жир, смешанный с толченым ячменем (по терминологии Берлинской группы, KAS_b и KAS_c);⁵⁸
- молочный жир из молока овец и коз (соответственно, KISIM_a и KISIM_b — терминология Берлинской группы);
- сыр (GA·AR).

В заключение скажем, что, в отличие от большинства жидких и полужидких молочных продуктов, сыр учитывался по «двухшестидесятеричной» системе счисления. Это сближает его с уже упоминавшейся свежей рыбой (KU₆), а также с хлебными продуктами (GAR). Эти три вида продукции играли важнейшую роль в древнейшей системе распределения рационов.

Свиньи (ŠAH₂, ŠUBUR)

Данные археологических раскопок и текстов свидетельствуют о важной роли свиней в социально-экономической жизни архаической Месопотамии. Наиболее интересную информацию дают печати из слоев Урук IVb—a, на которых изображены сцены охоты на диких кабанов. В качестве охотников выступают как профессионалы, так и представители административной верхушки, возможно даже EN — правитель Урука (см. Илл. 4). Как уже говорилось, охота на диких свиней на заросших тростником болотах была регулярным занятием рыбаков. Подобные сцены известны также по рельефу на

⁵⁸ «Основной» знак KAS (у Берлинской группы — KAS_a; в последствии KAS/S) обозначал пиво.

каменном сосуде периода позднего Урука, по вырезанным и раскрашенным изображениям Раннединастического периода из района р. Диялы и по небольшому алебастровому рельефу из Ура фазы РД III.

Если на печатях и рельефах изображены только дикие свиньи, то исследование костных останков и протоклинописных текстов явно указывает на использование в хозяйстве домашних разновидностей свиньи, тщательный учет и контроль которых проводился писцами-учетчиками. Не исключено, что при хозяйствах держали для развода и диких свиней.

Важное значение, придаваемое свиноводству в хозяйстве Протописьменного Урука, подчеркивается уже самим существованием такого документа, как уникальный «список свиней» периода Урук III (табличка W 12139). Этот документ содержит 58 наименований свиней и различного персонала, ответственного за них. Каждая позиция списка содержит знак ŠUBUR — «свинья». Остальные идеограммы обозначают свойства животных, такие как возраст, цвет, происхождение.

Текст вызвал некоторые споры среди ученых. Так, П. Штайнкеллер пишет, что «этот источник едва ли является списком „свиней“». ⁵⁹ Однако члены Берлинской группы (П. Дамеров, Х. Ниссен и Р. Энглунд), давно специализирующиеся на архаичных текстах, не выражают по этому поводу ни малейших сомнений. Возражения против «свинского» характера списка строились в основном на отказе от идентификации ŠUBUR = «свинья». Некоторые специалисты — в особенности, А. Фалькенштейн — считали, что эта идеограмма могла обозначать собаку и даже человека (правда, проанализировав последнюю интерпретацию, Фалькенштейн отказался от нее). Кроме того, похоже, что в более поздние эпохи месопотамской истории свиньи играли довольно незначительную роль в животноводстве.

Тем не менее, в пользу идентификации текста W 12139 как списка свиней говорят довольно веские соображения. Во-первых, знак ŠUBUR по своей графике является исходным вариантом знака ŠAH₂ («дикий кабан, свинья») — последний представляет собой усложненный вариант первого, ⁶⁰ образованным добавлением нескольких

⁵⁹ “This source is hardly a ‘swine’ list” (P. Steinkeller. Review of Englund, R. K., Nissen, H. J., Die lexikalischen Listen der archaischen Texte aus Uruk, ATU 3, Berlin 1993 // AfO 42/43. 1995/96. S. 212).

⁶⁰ Знак, образованный из другого знака посредством добавочных штрихов, модифицирующих его значение, называется в ассириологии и шумерологии аккадским сло-

штрихов, символизирующих жесткую щетину на шее и затылке дикого кабана. Во-вторых, знак *šubur* сопровождается идеограммами, типичными для характеристики крупного и мелкого скота, а не собак. В-третьих, сочетания знаков *še šubur* («[откормленная] зерном свинья») и *gurušda šubur* («откормщик свиней») едва ли могут относиться к собакам и, тем более, к людям: насколько известно, шумеры в нормальных условиях не ели ни собак, ни себе подобных. Есть и другие, несколько менее убедительные доводы в пользу правильности толкования, предложенного Берлинской группой.⁶¹

Таким образом, вышеупомянутый лексический список если не говорит прямо, то намекает на существование развитого свиноводческого хозяйства, где содержались разные типы (породы?) свиней, где работал специальный персонал, контролируемый «бригадиром, (ответственным за) свиней» — *gal šubur*. Помимо этого, обнаружены учетные записи, фиксирующие конкретные операции со свиньями — доставку, разделение большого стада из 95 голов на три мелких и т. п. Более подробные и относительно легко читаемые документы раннединастического времени содержат прямые указания на существование такого хозяйства. Их терминология более разработана, а «главный фигурант» всё с большей регулярностью обозначается знаком *šah₂* вместо архаического *šubur* (например, должность *gal šubur* называется теперь *gal šah₂* и т. д.).

Организация труда

Способы учета, применяемые в Уруке конца IV тыс. до н. э. для стад домашних животных, распространялись и на определенные группы людей. Протоглинописные источники дают нам весьма интересную, но плохо поддающуюся толкованию информацию об эксплуатации групп мужчин и женщин, которые своим тяжелым трудом и низким прожиточным минимумом создавали значительную часть прибавочного продукта, необходимого для растущей городской элиты.

Учетные ведомости Протописьменного периода содержат перечни работников, которые названы по именам, определяются знаками *sal* или *kur* (соответственно, «женщина» и «мужчина»; об этих

вом *guni*. В более поздней клинописи *guni* обычно представляет собой 3—4 горизонтальных штриха. В научной литературе на западных языках даже употребляются производные: *gunified*, *gunification* (англ.); *gounifié* (франц.) и т. п.

⁶¹ R. Englund. Op. cit. P. 170—171.

знаках уже говорилось применительно к телятам и телкам) и суммируются. Составной знак GEME₂ (SAL+KUR, т. е. «женщина+мужчина»)⁶² обозначает женщин и мужчин коллективно и употребляется при подведении общей суммы. Типологически он полностью совпадает с комбинацией AB₂+GU₄ для коллективного обозначения крупного рогатого скота (см. выше).

Примерный шаблон таких документов выглядит так (приводится на основании таблички W 23999,1 без учета реального расположения отдельных ячеек с записями, на которые делится табличка; конец индивидуальной записи отмечает знак «точка с запятой»):

8 людей;

5 женщин; 4 взрослые, 1 девочка; женские имена №№ 1—5 (5 ячеек);

3 мужчин; 1 взрослый, 2 мальчика; мужские имена №№ 1—3 (3 ячейки).

Такие записи очень напоминают по форме таблички с учетом крупного и мелкого скота (а в одном случае — и свиней). Единственная разница — в регулярном употреблении имен собственных, которых у животных, конечно, не было. При чтении этих текстов трудно избавиться от впечатления, что мы имеем дело с учетом человеческого «семьи-стада», а не с древнейшей попыткой переписи населения, как полагали некоторые исследователи.

Точный подсчет групп, фигурирующих в записях вышеназванного типа, пока невозможен. Люди, которых можно условно назвать «рабами», сводились в большие отчеты. На лицевой стороне таблички содержался список групп числом в 20 и более человек. На обороте подводился итог — до 200 и более людей, обозначенных SAL+KUR.

Помимо обозначений SAL и KUR, встречаются идеограммы для двух разных видов подневольных работников, видимо пленников (их пол уточняется всё теми же знаками SAL и KUR). Это SAG+MA и ERIM. Употребление комбинации SAG+MA не выходит за рамки архаического периода. По всей видимости, она изображает голову или, согласно принципу *pars pro toto*, вообще человека (SAG) с веревкой (MA — веревка или нить, на которой чаще всего сушили

⁶² В этой связи было бы нелишне отметить два момента. Во-первых, архаический знак GEME₂ (SAL+KUR) не следует полностью смешивать с идеограммой классической клинописи GEME₂, обозначающей «рабыню» и как будто бы разлагаемой на те же компоненты, но с другим значением («женщина+гора/чужеземная страна»), хотя какая-то связь между ними, вероятно, есть. Во-вторых, в контексте документов Протописьменного периода ей не следует присваивать фонетическое чтение geme₂ (точнее — /geme/), как это иногда делается «по старинке». Подробнее см. P. Damerow, R. K. Englund. The Proto-Elamite Texts from Tepe-Yahya // American School of Prehistoric Research Bulletin 39. Cambridge (MA). 1989.

фрукты) вокруг шеи. Первичное значение знака ERIM, исходя из его формы, — ярмо. Следовательно, обе идеограммы относятся к неким категориям пленников или подневольных людей. Дополнительную информацию об этих работниках можно почерпнуть из расходных ведомостей, где записывалось их довольствие — как правило, 1 л ячменя в день и одно новое одеяние в год (последнее могло быть заменено количеством шерсти, необходимым для изготовления такой одежды).⁶³

Подчеркнем, что реальное положение этих «рабов» и их участие в производственном процессе в значительной степени подлежат уточнению.

Зерно и хлеб

Важнейшим занятием месопотамских земледельцев во все времена была обработка полей. Хозяйственная отчетность III тыс. до н. э. свидетельствует о пахоте и севе на полях, размежеванных на отдельные участки, об ирригации и уходе за урожаем, о трудоемкой страде и последующем хранении зерна. В некоторых отчетах упоминаются неслыханные урожаи 50:1 и выше, тогда как даже не столь богатые урожаи 30:1, засвидетельствованные в эпоху III династии Ура, показались бы средневековому европейскому земледельцу чистой фантастикой.⁶⁴ Поэтому тот факт, что большинство архаической отчетной документации посвящено зерновым ни в коей мере не является неожиданностью. За очень небольшими исключениями, все доступные в настоящее время тексты такого рода посвящены исключительно хранению и распределению зерна. Знаки, по которым эти тексты легко узнаваемы, ставились в заглавии каждого колофона таблички. Это, прежде всего, SE (изображение ячменного колоса; в терминологии группы ATU — SE_a), т. е. ячмень вообще, а также GAR (изображение миски со скошенным краем, видимо мерного сосуда для зерна)⁶⁵ — идеограмма, обозначавшая «хлеб» в широком смысле, и DUG (DUG_a; глиняный сосуд с носиком), т. е. пиво.

⁶³ R. Englund. Op. cit. P. 179.

⁶⁴ K. Butz. Landwirtschaft // RIA 6. 1980—1983. P. 470—486. Также K. Butz, P. Schröder. Zu Getreideerträgen in Mesopotamien und dem Mittelmeergebiet // BaM 16. 1985. P. 165—209 и M. A. Powell. Salt, Seed, and Yields in Sumerian Agriculture. A Critique of the Theory of Progressive Salinization // ZA 75. 1985. P. 7—38.

⁶⁵ Р. Энглунд полагает, что подобным сосудом отмеряли суточный паек зерна (Englund. Op. cit. P. 182).

Многие «хлебные записи» с трудом поддаются точной интерпретации — они содержат лишь информацию о типе продукта (зерно, «хлеб, пиво») и его количестве. Похоже, что такие документы представляли собой краткие сводные отчеты, составленные на основании более пространных документов. Примером может послужить табличка MSVO 3, 29, упоминающая 135 000 литров ячменя за отчетный период в 37 месяцев и должность отвечающего за это чиновника — KU ŠIM. Контекст, в котором упоминается это зерно неясен. По подсчетам современных ученых, такого количества ячменя хватило бы, чтобы прокормить отряд из 150 работников в течение трех лет. Возможно, зерно предназначалось именно для этого.

Распределение и учет зерна и продуктов из него

Помимо общей и не совсем понятной отчетности о больших количествах необработанного зерна (см. пример выше), часто встречаются записи о распределении сухих продуктов из ячменя (GAR) и пива (DUG_a). На типичной «распределительной» табличке указывалось количество объектов, сопровождавшееся квалифицирующей идеограммой, которая символизировала тот или иной продукт (причем для подсчета хлеба и пива использовались разные системы счисления), ставился знак BA («распределение») и должности тех, кто отвечал за передачу продуктов. Наиболее типичные должности — KU ŠIM и NI SA. Кроме уже упоминавшихся, наиболее типичных продуктов, встречаются записи о больших количествах эммера (для его учета использовалась система счисления, несколько отличная от стандартной, которая применялась для ячменя), крупы и солода. В текстах несколько более сложной структуры вместо знака BA иногда встречается GI, что, скорее всего, означает поставку продуктов (например, во дворец или храм). Тонкости систем счисления, применявшихся при учете тех или иных зернопродуктов, мы вынуждены оставить за рамками данной работы. При желании, с ними можно ознакомиться, прочитав обстоятельнейший труд Р. Энглунда «Тексты периода Позднего Урука» (*R. Englund. Op. cit.*).

Поля

Как нетрудно догадаться, упоминаемое в отчетности зерно получали в результате напряженной работы на полях. В ряде текстов поля (GAN₂: протоклинописная форма этого знака, вероятно, обозначает план прямоугольного участка между двумя параллельными канала-

ми, соединенными мелкими оросительными бороздами) упоминаются вместе с зерном. Из этих записей можно узнать нормы урожая, получаемого с той или иной площади, а в одном случае — нормы посева. Согласно одному из таких отчетов, с площади примерно в 40 «буров» (позднейший шумерский $\text{bur}_3 \approx 6,48 \text{ га}$) был получен урожай в 550 т эммера. С другой стороны, для засева одного «бура» пашни выделялось 360 л зерна. При этом надо иметь в виду, что меры площади в рассматриваемую эпоху видимо еще только входили в оборот и потому, если и употреблялись, то «неявно» (*discreetly*, по выражению Р. Энглунда).

Кроме того, таблички из Джемдет-Насра содержат сведения о хозяйстве «эна» (главного администратора или вождя-жреца), его жены и других чиновников. Табличка MSVO 1, 2 зафиксировала распределение лежащих вдоль канала полей общей площадью около 1500 га (по подсчетам И. М. Дьяконова), из которых (в порядке убывания)

около 1000 га были выделены «эну» (EN, ewen?);

около 122 га — его жене/верховой жрице (SAL EN, ewenmin?);

около 103 га — главному торговому посреднику (šab-gal);

около 100 га — начальнику лиц, добровольно перешедших под покровительство храма (или военачальнику);

около 95 га — главному судье (NIN.DI?);

около 64 га — жрецу-прорицателю или шаману⁶⁶ (ME, išib).

В итоге $\frac{3}{4}$ всей этой земли принадлежали правителю и его жене (или верховной жрице).

Как в Уруке, так и в Джемдет-Насре встречается множество документов с расчетами размеров полей. В них фигурирует выражение $\text{KI}_a \text{BU}_a$, видимо соответствующее позднему шумерскому $\text{ki gid}(a)_2$, буквально «измеренная земля».

Здесь имеет смысл остановиться на формах землевладения. На основании вышеупомянутой таблички и других документов вырисовывается примерно такая структура:

1) значительные по площади земли во владении верхушки общества (правитель и его семья, жрецы, высшие чиновники), обрабатываемые огромным количеством зависимых работников;

2) собственно храмовые земли (если только они не совпадали с наделом «эна», о чем нет однозначных указаний), также нуждавшиеся в работниках;

⁶⁶ Впрочем, нельзя исключать, что это был какой-то чиновник или администратор.

3) мелкие участки рядовых общинников — ровно столько земли, сколько каждая «большая» или обычная семья могла обработать собственным трудом, чтобы получить хотя бы минимальное пропитание;

4) мелкие участки, выдаваемые на пропитание зависимым работникам крупных хозяйств.

Точный характер взаимоотношений всех групп населения, упомянутых в связи с земельными участками, не ясен. В частности, трудно сказать, каковой именно была форма зависимости людей, обрабатывавших крупные поля храма, правителя и чиновников, поддерживавших в рабочем состоянии сложную оросительную систему и выполнявших прочие работы «не на себя». Есть основания полагать, что все категории земель были, в глазах жителей архаического Шумера, неделимы и принадлежали только территориальной общине, которую олицетворял верховный бог-покровитель. Поэтому все землевладельцы не воспринимались как собственники земли в полном смысле этого слова. Тем не менее, в конце Протописьменного периода появляются земли, принадлежащие исключительно храму. В это время появляется новый тип документов — таблички, в том числе каменные, фиксирующие передачу храмовой или частной земли отдельным лицам или группам лиц. Точное значение таких «актов об отчуждении» (один из наиболее известных памятников этого типа — т. н. *Blau Monument*, или Таблетка Блау, см. Илл. 3) неизвестно. Возможно, это передел собственности или формирование некой новой элиты. В любом случае, эти памятники явно отражают значительные перемены в обществе накануне новой эпохи — Раннединастического периода.

Оросительная система и ее важнейшие компоненты

Как уже говорилось, оросительная система, в том или ином виде, является жизненно важным хозяйственным и социальным компонентом практически любой цивилизации, расположенной в аллювиальной долине. Вполне возможно, что угасание в конце II тыс. до н. э. цивилизации долины Инда, не располагавшей подобной системой, служит одним из веских доказательств данного тезиса.

Постоянно меняющийся ландшафт, перемещающиеся речные русла и прочие факторы делают невозможным сколько-нибудь глубокое археологическое изучение древней системы каналов Двуречья. Поэтому специалистам приходится прибегать к косвенным данным, которые можно почерпнуть из шумерской (и частично ак-

кадской) ирригационной терминологии, а также из относительно недавней оросительной практики нынешних жителей Ирака.

Естественно, эти данные дают лишь приблизительную картину, что особенно верно в отношении древнейших ирригационных сооружений (Протописьменный и раннединастический периоды): здесь мы располагаем терминологией не только интересующего нас раннединастического, но и более позднего времени (саргоновский период). Поэтому реконструкция часто строится на экстраполяции.

Каналы

Разного рода каналы обозначаются в шумерских текстах тремя терминами: *eg*, *ra₄/ra₅* и *id₂*.⁶⁷ Слово *eg* (E), переводимое разными учеными по-разному («насыпь», «дамба», «ров», «канавка» или даже «канал»), обозначает широкую земляную стену, вдоль которой сверху проходила канава или небольшой канал.⁶⁸ Поэтому, в общем и целом, *eg* представлял собой два высоких параллельных края, разделенных водным руслом. В пользу такой реконструкции говорит архаичная форма пиктограммы E, которая, видимо, изображает пересечение двух боковых насыпей. Надо отметить, что слово *eg* всегда относится лишь к земляным сооружениям и *никогда* — к водному руслу, протекающему по ним. На это ясно указывает терминология текстов: в отличие от канав и небольших каналов (*ra₄*), а также крупных каналов (*id₂*), сооружения типа *eg* «возводятся» (*du₃*),⁶⁹ «делаются» (*ak*)⁷⁰ или «насыпаются» (*si-g*), но никак не выкапываются (*ba-al*). Кроме того, если сооружения типа *ra₄* и *id₂* обладают «глубиной» (*bur₃*, *ru₂*; *šuplu*), то при описании сооружений типа *eg* неизменно говорится о «высоте» (*sukud*; *mēlū*).

Эти же различия сохраняются и в аккадском, где восходящее к *eg* слово *iku* обозначает прежде всего стену или насыпь, а не канаву (*hirtu*).⁷¹ Опять-таки, подобно *eg*, *iku* «насыпается» (*šapāku*)⁷² или

⁶⁷ P. Steinkeller. Notes on the Irrigation System in Third Millennium Southern Babylonia // BSA 4. 1988. P. 73.

⁶⁸ Th. Jacobsen. Salinity and Irrigation Agriculture // Bibliotheca Mesopotamica 14. 1982. P. 62.

⁶⁹ H. Behrens, H. Steible. Glossar zu den altsumersichen Bau- und Weihinschriften // FAOS 6. P. 75, 95. Хотя шумерологи чаще всего переводят глагол *du₃* как «строить», его более точное значение — «возводить (здания), сажать (деревья и прочие растения)» (P. Steinkeller. Op. cit. P. 88).

⁷⁰ Например, текст DP 64.i.3. ii.1, et passim.

⁷¹ CAD, vol. H, P. 198—199.

⁷² CAD, vol. I/J, P. 67—68.

«делается» (*banū*).⁷³ Соотношение между *iku* и *hirītu* ясно проиллюстрировано в одной математической задаче старовавилонского периода: «для рва я соорудил *iku*; наклон *iku* составляет 1 локоть на каждый локоть. Каковы [площадь] основания, [площадь] верхней части и высота этого [*iku*]?» (СТ 9, Pl. 8.i.41—44).

Довольно точным современным аналогом шумерского *eg* служит южноиракский *fariq* — низкая земляная стена, часто достаточно широкая для того, чтобы пустить по ее верху небольшой канал (*umud*). Хотя подобную конструкция, строго говоря, не является «плотиной» или «дамбой», термин *eg* вполне можно переводить словом «дамба, насыпь» (англ. *dike*).⁷⁴

Термин *ra*₄ относится к канавам и небольшим каналам. Древняя форма знака, напоминающая букву X, изображает вертикальный разрез рва. Канава или небольшой канал, проведенный поверху «насыпи» (*eg*), обозначается составным знаком *ra*₅, который образован идеограммой *ra*₄, вписанной в идеограмму E.

Поскольку *ra*₅ (равно как и *ra*₆) можно считать вариантом знака *ra*₄,⁷⁵ а не самостоятельным словом, напрашивается вывод, что в шумерском, в отличие от аккадского (см. ниже), разные типы небольших искусственных русел не имели специальных обозначений. Крупные каналы назывались словом *id*₂, первичное значение которого — «река».

Аккадская ирригационная терминология тесно связана с шумерской, хотя между ними имеется ряд серьезных отличий. Как уже говорилось, в аккадском сохраняется унаследованное от шумерского разграничение между насыпью с двумя поднятыми краями (*iku*) и канавой, протекающей посередине (*hirītu*). Однако, в отличие от шумерского *eg*, аккадское *iku* может обозначать и оросительный канал как таковой.⁷⁶

Еще одно существенное различие состоит в том, что в аккадском есть по крайней мере три разных термина для обозначения каналов, занимающих промежуточное положение между «канавой» (*hirītu*) и главным каналом/рекой (*nāru*): *atappu*, *palgu* и *pattu*. Точную иерархию между ними установить довольно трудно.

⁷³ СТ 9, Pl. 8.i.41—44.

⁷⁴ P. Steinkeller. Op. cit. P. 73.

⁷⁵ M. Civil // OrNS 42, 1973, P. 27.

⁷⁶ CAD, vol. I/J, P. 67.

На основании анализа текстов, содержащих релевантные термины, можно набросать примерную схему древнемесопотамской оросительной системы:

- 1) из реки или главного канала (*id₂; nāru*) вода поступает в
- 2) первичные и вторичные отводящие каналы (*pa₅; atappu, palgu, pattu*), а из них течет по
- 3) канавам (*pa₄; hiritu*), проведенным поверх насыпей (*eg; iku*), просачиваясь оттуда в
- 4) оросительные борозды (*ab-sin₂; šer'u, absinnu*).⁷⁷

По сведениям Р. Фернеа, подобную четырехуровневую модель вполне можно сравнить с иерархией каналов, существовавшей относительно недавно в районе Дагара на юге Ирака: «Из *bada* (т. е. первичного отводного канала, который течет из главного — *jadwal*) вода распределяется по *naharan* (вторичным отводным каналам), откуда она может поступать в *umud* (еще более мелкие каналы). Каналы *umud* часто протекают по центру невысоких земляных стен (*fariq*), окружающих мелкие участки обрабатываемой земли (*lowh*). Из каналов *umud* каналы *mirriyan* (еще более мелкие) несут воду вдоль стороны участка *lowh*. Оросительные борозды *šarugh* приносят воду непосредственно на *lowh*, в пределах которого она распределяется более удобным образом».⁷⁸

Очевидное сходство древней и современной систем говорит о чрезвычайно устойчивой местной традиции в деле организации орошения. Эта устойчивость может служить одним из аргументов в пользу того, что данные текстов эпохи Саргона и даже более позднего времени в достаточной степени применимы для реконструкции облика ирригационных систем досаргоновского периода. Выявленные соответствия, безусловно, приблизительны. Они суммированы в данной таблице:

Язык/ уровень	Река/главный канал	Первичн. и вторичн. от- водные кана- лы	Насыпь	Канава, текущая по насыпи	Оросительные борозды
Шумерский	<i>id₂</i>	<i>pa₅</i>	<i>eg</i>	<i>pa₄</i>	<i>ab-sin₂</i>
Аккадский	<i>nāru</i>	<i>atappu, palgu, pattu</i>	<i>iku</i>	<i>hiritu</i>	<i>šer'u, absinnu</i>
Иракск. диа- лект арабского	<i>jadwal</i>	<i>bada, naha- ran, umud</i>	<i>fariq</i>	<i>umud, mir- riyan</i>	<i>šarugh</i>

⁷⁷ ANw., S. 1219—1220; CAD, vol. A/1, P. 65.

⁷⁸ R. A. Fernea. Shaykh and Effendi: Changing Patterns of Authority among the El Sha-bana of Southern Iraq. Cambridge, Mass. 1970. P. 122, 194.

Плотины и сопутствующие ирригационные сооружения

Помимо лексики, обозначающей каналы, в текстах III тыс. до н. э. встречается ряд терминов для оросительных сооружений иного типа. Чаще всего употребляются следующие: *kun-zi-da*, *durun_x* (TUŠ.TUŠ), *giš-keš₂-ra₂*, U₃ и *nag-kud*. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что слово *kun-zi-da*, зафиксированное лишь в текстах периода III династии Ура, обозначает тип дамбы.⁷⁹ Термины *durun_x* и *giš-keš₂-ra₂*, засвидетельствованные исключительно в документах досаргоновского Лагаша, по всей видимости, также относятся к дамбам или плотинам.⁸⁰

Интерпретация терминов U₃ и *nag-kud* — задача более сложная. Первый из них, по мнению П. Штайнкеллера, обозначает мост и читается /*duru*/ (в данном случае U₃ = *duru_x*).⁸¹ Вторым неоднократно являлся предметом научных споров, которые, вопреки популярному и ошибочному высказыванию, вовсе не породили истину. Иными словами, точное значение *nag-kud* до сих пор неизвестно. Следующие несколько абзацев посвящены данной проблеме.

«Разделители»

Термин *nag-kud* впервые зафиксирован в документах из Лагаша раннединастической поры. Очень часто он встречается в текстах III династии Ура, в особенности из Уммы и Лагаша. После этого периода термин практически исчезает — он засвидетельствован лишь в трех случаях. Два из них приходятся на позднюю шумерско-аккадскую билингву (*nag-kud* переводится здесь аккадским словом *butuqtu* «шлюз»), а один — на лексический список, где интересующий нас термин помещен между словами e₃-a «шлюз» и *i-zi^a-gu-ú* «водный поток, течение» (Proto-Izi 367).

Тот факт, что *nag-kud* является вторым по частотности употреблению термином (после *kun-zi-da* «дамба») подчеркивает важную роль обозначаемого им сооружения для ирригационной системы времен III династии Ура. Физически *nag-kud* представлял собой прямоугольный бассейн, который сооружали, насыпая землю (*sahar*) и укрепляя конструкцию такими материалами как тростник (*gi*, *gi-zi*), трава (*u₂*),

⁷⁹ H. Sauren. Topographie der Provinz Umma, I: Kanäle und Bewässerungsanlagen. Heidelberg. 1966. P. 50—51, 180—183.

⁸⁰ Behrens, Steible // FAOS 6, P. 75—76, 148.

⁸¹ P. Steinkeller. Op. cit. P. 81.

а иногда даже брёвна (ur_2 giš).⁸² Следовательно, в структурном отношении nag-kud был ничем иным, как разновидностью насыпи eg. Единственной деталью сооружения nag-kud, удостоенной особого упоминания, был «шлюз, сток, затвор» (а e₃-a).

Стандартным выражением, описывавшим строительство или ремонт nag-kud, было sahar si-ga: «насыпать землю, заполнять землей». Один раз употребляется глагол dim₂ «делать, строить». Поддержание сооружений этого типа в порядке производилось путем углубления и расчистки. При этом употреблялись глаголы ba-al «копать, вычерпывать», sahar zi-(g)/šū ... ti «убирать ил» и šū-luh ... ak «чистить, вычищать».

Сооружение приводили в действие, открывая и закрывая шлюз. Первая операция передавалась глаголами kud («разделять [водный поток]», «отводить [воду, отделяя часть русла]») и bad («открывать»), а вторая — глаголом keš₂ (букв. «связывать», т. е. «закрывать, запруживать»).

По сведениям дошедших до нас источников, длина nag-kud варьировалась от 12 до 72 м, ширина от 1 до 12 м, а высота — от 1 до 5 м. Их объем составлял от 0,33 до 240 «саров» (1 sar ≈ 18 м³).

Сравнительный анализ имеющихся цифр позволяет сделать ряд заключений:

1) очевидно полное отсутствие какой-либо корреляции между длиной и шириной этих сооружений (соотношение варьируется в пределах 2:1 — 36:1);

2) длина nag-kud в большинстве случаев значительно превосходит ширину;

3) при весьма значительных колебаниях длины сооружений nag-kud внутри одной группы, их ширина остается почти одинаковой.

Попытки ученых определить функцию и место nag-kud в оросительной системе Нижней Месопотамии привели к появлению совершенно разных, часто противоречащих друг другу теорий. Наиболее распространенное объяснение было выдвинуто А. Л. Оппенхеймом и поддержано Х. Зауреном, С. Кангом и рядом других ученых. Согласно их гипотезе, nag-kud являлся резервуаром, отведенным от системы каналов (*off-channel reservoir*). Оппенхейм видел в сооружении типа nag-kud «вытянутый в длину резервуар, отводив-

⁸² В текстах действительно неоднократно упоминаются деревянные брёвна или балки, используемые при сооружении nag-kud. Применение здесь столь дефицитного для Месопотамии материала говорит о чрезвычайно важном значении, которое придавалось этим приспособлениям.

ший накопленную воду каналов далеко вглубь подлежащей орошению территории, откуда поля „пили“ воду, ... когда [шлюз резервуара] открывался». ⁸³ Заурен, также считая *pag-kud* резервуаром, писал: «эти водохранилища были плоскими прямоугольными бассейнами. Главной функцией таких бассейнов было обеспечение постоянного и регулярного водоснабжения полей; едва ли они были дренажными сооружениями. Естественно, эти сооружения находились на берегах каналов». ⁸⁴ Вслед за Оппенхеймом и Зауреном, Канг располагал *pag-kud* на берегу канала, но, в отличие от коллег, считал, что главной функцией этого сооружения было осаждение ила, а не хранение воды. В соответствии с этим, он переводил слово *pag-kud* как «резервуар для осадки [ила]» (*settling-reservoir*). ⁸⁵

Несколько иное объяснение предложил И. Е. Гельб. Он полагал, что «*pag-kud* означает не резервуар или канал, а сообщающийся с каналом желоб (или котловина: *trough*) ... желоб для дренажа воды». ⁸⁶

Наконец, А. Салонен выдвинул теорию, в которой «резервуар» объединялся с «желобом»: «плоское, прямоугольное и желобообразное водохранилище, стороны которого были образованы вертикальными стенками, а дно — двумя горизонтальными, поставленными наискось досками, и которое открывалось с обоих концов, таким образом, чтобы вода могла свободно вытекать из водохранилища и орошать поля». ⁸⁷

Ввиду явного расхождения авторитетных мнений, П. Штайнкеллер подверг источники новому анализу, ⁸⁸ стараясь опираться в своих выводах лишь на материал текстов. Прежде всего было необходимо уяснить точное местоположение *pag-kud* в системе каналов. Наиболее полную информацию по этому вопросу дают два текста: один из досаргоновского Лагаша, а другой из Уммы периода III династии Ура. Первый (DP 654) является описанием ирригационного проекта на поле под названием *GANA₂-da-tir-ambar^{ki}*. В нем перечисляются шесть секций единого крупного сооружения (видимо, длинной дамбы):

⁸³ A. L. Oppenheim // Eames Collection, P. 113, n. 117.

⁸⁴ H. Sauren. Op. cit. P. 54—55.

⁸⁵ Kang // SACT 2, pp. 429—438.

⁸⁶ I. J. Gelb // AS 16, p. 59.

⁸⁷ A. Salonen. Agricultura Mesopotamica. P. 225.

⁸⁸ P. Steinkeller. Op. cit. P. 73—92.

Первая секция: 36 м в длину, 6 м в ширину и 1,5 м в высоту;
 вторая секция: 12 м в длину, 6 м в ширину и 3 м в высоту — pag-kud Даму;
 третья секция: 12 м в длину, 6 м в ширину и 3 м в высоту — pag-kud [...];
 четвертая секция: 45 м в длину, 6 м в ширину и 2 м в высоту — pag-kud Имнун-иду;
 пятая секция: 300 м в длину — канава (?) дамбы;
 шестая секция: 276 м в длину.

Последняя находилась в месте под названием У-тир (u₃-tir: «лесной мост»?) и называлась durun_x ki-mah. Ее ширина составляла 27 м сзади и 24 м спереди. Она была оборудована шлюзом 18 м в длину и 3 м в ширину, который, видимо, выводил воду непосредственно на поле. Функцией дамбы, как прямо указано в тексте, было «хранить воду и орошать поле».

Похоже, что ключевым объектом всего этого сооружения была дамба, описанная как «шестая секция». «Канава дамбы» (пятая секция) вероятно представляла собой нижний отрезок канала, текущий от дамбы. Три сооружения pag-kud (секции 2—4) находились либо на «канаве дамбы», либо ниже по течению от нее. Если верно последнее, то отрезки канала или дамбы, соединяющие сооружения pag-kud остались вне поля зрения текста. Судя по всему, осуществление проекта не пошло дальше «первой секции», точная функция которой неясна.

Здесь важно то, что ширина всех трех pag-kud одинакова (6 м) и что первая секция всего сооружения имеет такую же ширину. Этот факт веско говорит в пользу того, что pag-kud был неотъемлемой частью собственно русла канала, а не отдельным водоемом (водохранилищем, желобом и т. п.), расположенным рядом с ним.

Второй из упомянутых текстов (из г. Уммы: Or. 47—49, 551 + Waetzold // Oriens Antiquus 17, 56) также является описанием дамбы, разделенной на следующие семь секций:

Первая секция: 1 350 м в длину — (канава у болота) на берегу старого канала Лугаль;
 вторая секция: 3 600 м в длину — ... канава поля;

- третья секция: 72 м в длину, 12 м в ширину, 5 м в высоту — первый pag-kud;
- четвертая секция: 36 м в длину, 12 м в ширину, 3,5 м в высоту — второй pag-kud;
- пятая секция: 15 м в длину, 9 м в ширину, 2,5 м в высоту — (насыпь у) берега канала Шульги;
- шестая секция: 1 710 м в длину — канава поля Агар-гивиль;
- седьмая секция: 1 680 м в длину — канава поля Агар-гула.

Как и в случае первого текста, два сооружения pag-kud (секции 3—4) одинаковы по ширине (12 м). Ширина следующей, пятой, секции составляет всего 9 м. Кроме того, каждая из последних трех секций ниже предыдущей (5—3,5—2,5 м соответственно). Это наводит на мысль, что здесь дамба шла под уклон. Данные этого текста опять-таки говорят о том, что pag-kud составлял часть системы дамба/канал.

В результате мы получаем определенную закономерность: участки дамбы/канала чередуются с сооружениями pag-kud, что подтверждается и сведениями целого ряда других текстов. Конечно, длина этих участков, равно как и количество pag-kud варьируется, но в целом отмеченный принцип соблюдается.

Уже обсуждавшиеся данные о длине, ширине и высоте pag-kud проливают некоторый свет на их функцию. Маловероятно, чтобы эти сооружения — как правило длинные и узкие — могли эффективно выполнять функцию водохранилищ. В качестве альтернативной гипотезы, П. Штайнкеллер высказывает мнение, что *первичным* предназначением pag-kud было распределение воды.⁸⁹ Естественно, это не исключает, что их *вторичной* функцией могло быть ее хранение.

Поэтому можно сделать вывод, что pag-kud представлял собой укрепленный участок канала, снабженный одним или несколькими шлюзами, предназначенными для направления воды из главного русла в небольшие водоотводные каналы и оросительные борозды, а также для регулирования отводимого потока.

Помимо чистой тригонометрии, в пользу толкования pag-kud как водораспределительного сооружения говорят и лингвистиче-

⁸⁹ Ibidem, p. 78.

ские данные. Само слово *pag-kud* состоит из прозрачно интерпретируемых компонентов: *pag* означает «орошать; оросительная (вода)» (переводится аккадским *šaqu* «поить; орошать»), а *kud* — «разделять (водный поток), поворачивать/отводить (воду)». Последний глагол имеет ряд подходящих аккадских соответствий в лексическом списке А III/5: *batāqu* «забирать/отводить (путем отделения)»; *parāsu* «разделять»; *petū* «открывать; отводить» (во всех случаях говорится применительно к оросительным водам).

Таким образом, термин *pag-kud* можно буквально перевести как «то, что разделяет/отводит оросительные воды». Аккадским эквивалентом этого слова, вероятно, надо считать *butuqtu* — слово означающее «шлюз; водовод и т. п.», а также «потоп, наводнение». Второе значение *butuqtu* указывает именно на *текущую* воду, подтверждая таким образом, что функцией сооружений *pag-kud* было скорее распределение воды, нежели ее хранение.

Если интерпретация, предложенная П. Штайнкеллером верна, то можно указать близкие средневековые аналоги шумерского *pag-kud*. Это «разделители» или «регуляторы каналов», известные в Сирии (*mezzaz*)⁹⁰ и в испанской Валенсии (*partidor, almatzem*).⁹¹ Подобно своему шумерскому предшественнику, испанский «разделитель» был ключевым элементом системы каналов: «Поскольку распределение воды основывалось на принципе равномерности, разделитель — в качестве средства, с помощью которого доли, представляющие участки орошаемой земли, переводились в реальные порции воды — служил ключом ко всей распределительной системе. Поэтому разделители проектировались, размещались, измерялись и строились с огромной тщательностью. Конструкция должна была быть достаточно прочной, чтобы выдержать любые колебания уровня воды по бокам от „языка“, которые могли бы привести к изменению традиционно установленных порций воды, (выделяемых разным участкам). Разделители возводились из бетона (*argamassa*), камня (*pedra*) и каменных плиток (*loses*). Дополнительной гарантией стабильности была привычка фиксировать параметры разделителей в юридических документах».⁹² Конечно, здесь надо заметить, что

⁹⁰ P. Tresse. L'irrigation dans Ghouta de Damas // Revue des études islamiques 3. 1929. P. 475—476; R. Thoumin. Notes sur l'aménagement et la distribution des eaux à Damas et dans sa Ghouta // Bulletin d'études orientales 4. 1934. P. 1—26; Th. F. Glick. Irrigation and Society in Medieval Valencia. Cambridge, Mass. 1970. P. 214.

⁹¹ Th. F. Glick. Op. cit. P. 87—93.

⁹² Ibidem, P. 88.

собственного камня в Нижней Месопотамии не было (его приходилось ввозить), а бетон или подобный ему состав еще не был изобретен (его стали широко применять только римляне). Кроме того, импортный камень был в Шумере слишком редким материалом, чтобы его применяли при строительстве ирригационных сооружений. Поэтому сравнение со средневековыми испанскими «разделителями» (*partidor*) достаточно условно, хотя в принципе верно.

Ключевая роль этих сооружений в средневековой Валенсии подтверждается тем фактом, что над ними надзирали специальные чиновники, носившие звание, одноименное с устройством — *partidor*. Чиновник-*partidor* «должен был присутствовать точно в момент отвода (воды в очередное русло), когда ее направление менялось; он отвечал за переключение потока в нужные каналы и в строго назначенное время». ⁹³ Эта деталь интересна не только сама по себе, но и в связи с тем, что шумерские *nag-kud* (по крайней мере, времен III династии Ура) контролировались официальными лицами со схожими полномочиями. Эту работу выполнял, в частности, чиновник из Уммы по имени Ир-Ан — он отвечал за инспекцию всех «разделителей» в районе Уммы (*nag-kud da umma^{ki}-ka a-na gal₂-la ir₂-an-e igi kar₂-kar₂-dam*: YOS 4, 235:1—3). Ир-Ан часто фигурирует в текстах, посвященных работам по обслуживанию *nag-kud*, выступая то как *kišib* (носитель печати), то как *gir₃* (контролер). ⁹⁴

Сходство между шумерскими и средневековыми испанскими (а также сирийскими) «разделителями» прослеживается и в области терминологии. Подобно шумерскому *nag-kud*, остальные термины (*partidor* и *almatzem* в Валенсии и *mezzaz* в Сирии) образованы из корней со значением «разделять» или «отделять». ⁹⁵

Несмотря на то, что ни в одном из доступных нам источников нет прямых указаний на распределительную функцию сооружений *nag-kud*, имеется достаточный объем косвенных сведений, позволяющих постулировать существование тщательно спроектированной системы распределения оросительных вод. Эта система функционировала по крайней мере со времен династии Саргона Древнего (Шаррумкена). Едва ли она возникла на пустом месте — что ее достаточно совершенный прототип наверняка действовал и в до-

⁹³ Ibidem, p. 40.

⁹⁴ P. Steinkeller. Op. cit. P. 79.

⁹⁵ Th. F. Glick. Op. cit. P. 214, n. 19; P. 222, n. 28. В Испании «разделитель» именовался также термином *sistar*, который Глик (P. 223) возводит к арабскому корню *štr* со значением «разделять на две равные части».

саргонову эпоху, на что указывают, в частности, вышеупомянутые тексты из Уммы и Лагаша. Как указывает П. Штайнкеллер, подобная система не могла действовать без водораспределительных сооружений того или иного типа.⁹⁶ Таким образом, если такие приспособления действительно были известны на юге Двуречья в III тыс. до н. э., то слово, обозначающее их должно присутствовать в текстах этого периода. За неимением других «конкурентоспособных кандидатов», можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что это слово — *naḡ-kud*.

⁹⁶ P. Steinkeller. Op. cit. P. 79.

Вопросы по Части II

1. Почему «Протописьменный» период носит такое название?
2. Назвать основные стадии развития письменности (типологическая классификация).
3. В чем состоят заслуги шумерской системы письма?
4. В чем революционность новых систем письма, возникших в Восточном Средиземноморье во второй половине II тыс. до н. э.?
5. Какие источники освещают историю Протописьменного периода? Какова их динамика?
6. Дать примерную характеристику социальной структуры архаического Шумера на основании имеющихся документов.
7. Каковы основные отрасли экономики Протописьменного периода?
8. Характеристика охоты и рыболовства в древнейшем Шумере.
9. Характеристика животноводства в древнейшем Шумере.
10. Характеристика земледелия в древнейшем Шумере.
11. Особенности землевладения по документам из Урука и Джемдет-Насра.
12. Назвать основные элементы ирригационной системы в Нижней Месопотамии.

Часть III

Раннединастический период,
или досаргоновская фаза
истории Двуречья

Терминология

Раннединастический период, следующий за Протописьменным, также носит название Досаргоновского. Последнее особенно употребительно в западной литературе (англ. *pre-Sargonic* или *Presargonic*, нем. *vorsargonisch*). Сравнительная датировка этого периода и его фаз приведена в таблице в начале Части II данной работы.

Досаргоновский Лагаш: общие соображения (или: почему именно Лагаш?)

Досаргоновский отрезок раннединастической эпохи (РД IIIb) вклинился между периодом Фары (РД IIIa) и эпохой Аккаде (правление династии Саргона Аккадского). Его окончание совпадает с поражением, которое Саргон нанес Лугальзагеси Урукскому и созданием аккадской державы, охватившей всю Месопотамию. Установить начальный момент этой фазы и отделить ее от предшествующего периода Фары уже труднее. Об этом есть две точки зрения. А Фалькенштейн и его ученики допускают, что период Фары кончается до вступления на престол Ур-Нанше — основателя I династии Лагаша. С другой стороны, согласно В. Халло, этот период продолжается до правления Эанатума — третьего правителя I династии Лагаша, частично включая его.

Важнейшим вспомогательным средством при датировке является палеография. По эволюции внешней формы клинописных знаков возможно в целом легко установить последовательность письменных памятников, и таким образом получить относительную хронологию. Однако точному сравнению поддаются лишь знаки на глиняных табличках, поскольку всякое дальнейшее развитие знаков сначала проявляется на них, как на стандартных носителях письма. Чтобы составить представление о фазе развития письма времен Фары, в нашем распоряжении имеется богатый материал в виде глиняных табличек из архивов Фары/Шурушпака и Тель-Абу-Салабиха, хотя табличек, которые можно было бы с уверенностью датировать временем Ур-Нанше, пока что не имеется. Встречающиеся на его памятниках знаки — линейные, неглубоко прорезанные или выдолбленные долотом на камне — производят впечатление весьма архаичных. Таким образом, сравнение клинописных знаков периода Фары со знаками эпиграфических памятников Ур-

Нанше ведет лишь к довольно неточным результатам. В. Халло опирается здесь на одно наблюдение из области внутреннего развития клинописи. В текстах периода Фары слово «река, канал» обычно передавалось знаком А («вода»), имевшем в этом случае чтение id_5 . Более поздний знак id_2 , употреблявшийся в том же значении, представляет собой комбинацию А с последующим знаком EN_{GUR}. Замена простого знака составным произошла во время Эанатума. В своих двух надписях этот правитель сообщает, что приказал прорыть новый канал, причем в надписи 2 V 16 слово «канал» выписывается знаком id_5 , а в надписи 3 VI 8 — уже знаком id_2 , то есть стандартным для будущих надписей способом. Для точного ответа на вопрос о продолжительности периода Фары приходится ожидать открытия новых источников. Пока этого не произойдет, исследователи могут пользоваться материалами архивов из Фары и Абу-Салабиха, которые относятся ко времени одним-двумя поколениями до Ур-Нанше. Положение с источниками по Лагашу досаргоновой поры столь благоприятно, что они дают в непрерывной последовательности сведения о девяти правителях этого небольшого государства (от Ур-Нанше до Уруинимгины), живших и властвовавших здесь до прихода Саргона Аккадского. Уруинимгина в конечном счете был разгромлен правителем Уммы (а позже и Урука) Лугальзагеси, а тот, в свою очередь — Саргоном. Если поражение Лугальзагеси датировать приблизительно 2350 до н. э., то по самым осторожным оценкам дату около 2500 до н. э. можно считать вероятным временем восшествия на престол Ур-Нанше. Это означает, что рассматриваемая фаза истории Месопотамии едва ли могла длиться более 150 лет.

В отличие от предшествовавшего периода Фары, от которого до нас дошли прежде всего литературные тексты, словарные списки для обучения писцов и лишь небольшое количество (около 520) хозяйственных и юридических документов, число литературных произведений, дошедших до нас от досаргоновой поры, невелико. Их всего лишь 9, причем некоторые из них вполне могут относиться к раннесаргоновскому времени. Основные письменные свидетельства этой последней фазы Раннединастического периода представлены строительными и посвященными надписями правителей и, в гораздо меньшей степени, — надписями частных лиц, хозяйственными документами, крайне незначительным числом писем (6) и юридическими текстами (около 40).

Письменные источники распределены по малым государствам Месопотамии очень неравномерно. Х. Штайбле собрал 376 строительных и посвячительных надписей.⁹⁷ Из них 183 — т. е. почти половина — происходят из Гирсу (Телло) и Лагаша (аль-Хиба). Если верно установлены места происхождения этих надписей, из наиболее значительных городов Вавилонии представлены следующие: Адаб, Киш, Нишпур, Умма, Урук. Сюда же примыкают Эшнуна, Телль-Аграб и Хафадже — города бассейна Диялы, откуда происходит небольшая группа надписей, язык которых — шумерский или аккадский — часто трудно определить. Из Мари на среднем Евфрате имеется 41 аккадоязычная посвячительная надпись.

Едва ли по-другому обстоит дело с распределением хозяйственных документов. Опубликовано около 20 текстов из Адаба; раскопки в Гирсу обогатили наши материалы еще четырнадцатью, а в Иси-не — пятью; из нишпурских текстов на это время должно приходиться около 220. Большинство из 50 урских текстов относятся к аккадской эпохе. Три новых текста найдено в Уруке. Небольшой архив из храма Инаны в Забаламе (102 текста) собрал М. А. Пауэлл.⁹⁸ К последним можно добавить еще 5 обнаруженных за последнее время документов, которые происходят либо из Забалама, либо из Уммы.⁹⁹ Из Мари имеется 42 аккадских хозяйственных текста досаргоновой поры. Таким образом, в лучшем случае (т. е. если включить сюда все тексты из Ура, большинство которых относится уже к эпохе Саргонидов), мы получаем всего около 460 документов, тогда как число табличек из Гирсу (Телло) превышает 1600.

Временное распределение источников, описывающих 150 лет, которые приходятся на фазу РД IIIb, также не отличается равномерностью. В целях оптимальной датировки, ограничимся материалом Гирсу и Лагаша. Строительные и посвячительные надписи царей и градоправителей покрывают непрерывный отрезок времени, в течение которого более значительные и дольше властвовавшие

⁹⁷ H. Steible. Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften, Teil I: Inschriften aus 'Lagash' // FAOS 5/I. Wiesbaden. 1982; *Он же*. Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften, Teil II: Kommentar zu den Inschriften aus 'Lagash', Inschriften ausserhalb von 'Lagash' // FAOS 5/II. Wiesbaden. 1982.

⁹⁸ M. A. Powell. Texts from the Time of Lugalzagesi. Problems and Perspectives in Their Interpretation // HUCA 49. 1978, P. 1—58.

⁹⁹ CT 50, 47—48; R. D. Freedman. The Cuneiform Tablets in St. Louis, Columbia University Ph. D. 1975. P. 137, No. 48; DP 37(?); P. Steinkeller, J. N. Postgate. Third-Millennium Legal and Administrative Texts in the Iraq Museum, Baghdad // MC 4. Winona Lake. 1992, No. 3.

правители, естественно, оставили более осязаемый след, чем те, что находились у власти лишь несколько лет. Почти все из вышеупомянутых 1600 текстов исходят от администрации единого хозяйственного комплекса храма богини Бау (или Бабы). Вместе с небольшой группой юридических документов они приходятся на последние годы правления Энметены — пятого правителя I династии Лагаша. Ни один из текстов нельзя наверняка датировать временем шестого правителя, Эннатума II, небольшое их число датируется правлением седьмого, Энентарзи, а огромное количество относится к шести годам правления Лугальанды и к первым семи годам Урунимгины — соответственно предпоследнего и последнего градоправителей.

Наше представление об этом отрезке истории Месопотамии всё ещё в огромной степени определяется традицией Гирсу. Источников, поступающих из других городов, пока недостаточно, чтобы выявить местные особенности. Их также слишком мало для того, чтобы в общих чертах противопоставить Гирсу и любой другой город с точки зрения последнего. Не имея возможности подобной поправки, мы неизбежно подходим к оценке исторических процессов с позиций Лагаша. Наряду с первичными источниками, при изучении Раннединастической эпохи привлекаются вторичные. Под этим подразумеваются дидактические или литературные произведения, упоминающие события той поры, хотя и составленные позже них или же существующие в поздних копиях. Для установления последовательности правителей важен, несмотря на все его лакуны, шумерский «Царский список». Как известно, в него не попали ни I, ни II новошумерская династия Лагаша (иначе — династия Гудеа). Весьма своеобразное произведение представляет собой так называемый «Царский список Лагаша». Он содержит так мало надежных сведений по истории данного государства, что возникает сомнение: следует ли вообще рассматривать его как серьезное изложение истории, или же мы имеем дело с пародией на вышеупомянутый шумерский «Царский список».

События более древних фаз Раннединастического периода отражены в эпосах об урукских правителях — Энмеркаре, Лугальбанде и Гильгамеше. Конечно, надо иметь в виду, что для этого литературного жанра типично сближение с мифологией. В большинстве случаев, критерии, которые позволили бы отделить подлинные исторические воспоминания от позднейших интерполяций, толкований и недопониманий отсутствуют.

Сборник гимнов из храмов Вавилонии, составленный Энхедуаной — дочерью Саргона и верховной жрицей бога Луны Нанны в Уре¹⁰⁰ позволяет сделать выводы о религиозной атмосфере досаргоновой эпохи. Шумерская легенда о Саргоне,¹⁰¹ известная в первую очередь фрагментарностью текста, малопродуктивна с точки зрения освещения событий переходного периода.

Последняя фаза Раннединастического периода стала последним отрезком времени, на протяжении которого шумерский безусловно преобладал на юге Вавилонии. Аккадские надписи, такие как надпись Мескиагнуны из Ура и еще несколько фрагментов из того же города пока составляют исключение. С Аккадской династией период двуязычия наступает и для юга. В городах же центральной Вавилонии, таких как Адаб и Ниппур, число письменных памятников на аккадском возрастает настолько, что здесь приходится говорить о двуязычии уже в досаргоново время. На севере Вавилонии, в бассейне Диялы и, естественно, в Мари на среднем Евфрате использовался почти исключительно аккадский, хотя распознать семитскую речь, скрывающуюся за шумерскими идеограммами довольно трудно. В надписи Мескиагнуны¹⁰² один знак стал решающим для определения ее языка как аккадского. Это знак *su₃*, следующий за идеограммой *DAM*. Данная комбинация приобретает смысл лишь при аккадском прочтении *aššasu*, т. е. «его жена». По классификации А. Фалькенштейна («Das Sumerische»),¹⁰³ язык текстов из Шуруппака/Фары и Тель Абу-Салабиха еще относится к «архаической» стадии развития шумерского. Надписи правителей I династии Лагаша, хозяйственный архив храма Бау и современные ему письменные свидетельства из Адаба, Ниппура, Ура и Забалама документируют «старошумерскую» стадию языка, а памятники последующих эпох — его «саргоновскую» и «кутийскую» стадии. Не пытаясь дать здесь всеохватывающую характеристику старошумерского, мы всё же хотели бы обратить внимание на те немногие симптомы, что стали преобладать в нем, а также на трудности связанные с ними. Их более или менее можно распределить по следующим сферам: письменная фиксация, орфография и проблемы собственно языка.

¹⁰⁰ *Å. W. Sjöberg, E. S. J. Bergmann* The Collection of the Sumerian Temple Hymns and G. B. Gragg, The Keš Temple Hymn // TCS 3. Locust Valley. N. Y. 1969, P. 1—154.

¹⁰¹ *J. S. Cooper, W. Heimpel* The Sumerian Sargon Legend // JAOS 103. 1983. P. 67—82.

¹⁰² *H. Steible*. Op. cit. S. 277—278, Meskiag. 1.

¹⁰³ *A. Falkenstein*. Das Sumerische // HDO 1. Abt., Band 2, 1. und 2. Abschn., Lfg. 1. 1959. S. 15—16.

1. Проблема чтения старошумерских текстов не только в том, что гласные в конце и середине слова не передавались на письме. К примеру, сочетание *lugal+ane* («его владыка») выписывалось как *lugal-ne₂*. Отдельные примеры такого способа написания засвидетельствованы и в новошумерском, а также в произведениях шумерской литературы старовавилонского периода. А. Фалькенштейн в своей грамматике текстов Гудеа заместил это явление посредством введения фонетической «излишней гласной». Оно однозначно относится к сфере графики.

2. Из ранних трудов по шумерской грамматике можно понять, что дательный падеж проявлялся в словах, обозначающих одушевленных лиц и оканчивающихся на согласные, в виде суффикса *-га*, а в словах с окончанием на гласную вообще отпадал. Таким образом описывалось это лингвистическое явление. Несколько позже в качестве исходной формы морфемы дательного падежа для одушевленных существительных выделялся лишь согласный */r/*, присоединявшийся в таком виде к словам с окончаниями на гласную. В словах с окончанием на согласную к этой морфеме для благозвучия присоединялось */a/*, в результате чего получалось *-га*. Засвидетельствованная во всех старошумерских текстах морфема *-га* появилась именно так. Из-за особенностей слогового письма, в словах с гласными окончаниями суффикс */r/* можно было передать лишь посредством графического удвоения предыдущего гласного. Подобные написания впервые появляются в новошумерскую эпоху, например, *gu₃-de₂-a-ar* (цилиндр Гудеа: А XIII 11, XX 1; В VI 17). В старошумерское время несомненно засвидетельствовано sporadическое употребление слоговых знаков типа VC, однако эта часть силлабария была еще весьма неполна, так что датив после гласного в это время уже не обозначается. Однако это уже не факт языка, а всего лишь особенность графики.

3. В немногих текстах из Телло периода Фары встречается два интересных написания имен божеств. Это ^dnig₂-gir₂-su (RTC 5 I 2; V 2) и ^dnim₅-mu₂ (RTC 8 II б). В обоих случаях в начале вместо ожидаемого *nin* «госпожа, господин» стоит знак NIG₂ «вещь, нечто». Эти написания (будем надеяться, что они точно транскрибированы и, следовательно, правильно интерпретированы) указывают, что */n/* в аудлауте слова *nin* полностью ассимилируется последующим согласным. Оба имени появляются в досаргоновскую эпоху: имя ^dnig₂-gir₂-su встречается со времен Ур-Нанше, а имя ^dnim₅-mu₂ впервые засвидетельствовано при Энентарзи. Тем не менее, во всех более поздних случаях они пишутся соответственно ^dnin-gir₂-su и ^dnin-mu₂.

Возникает вопрос о природе этого изменения: надо ли видеть здесь исчезновение ассимиляции, т. е. лингвистический процесс, или же нормализацию орфографии, т. е. процесс происходящий исключительно на уровне письменной фиксации.

4. В старошумерских текстах из Телло и аль-Хибы, а также других городов этого времени выделяется вербальный префикс i_3- , ставший единственно нормативным в позднейшей письменности. Если за ним следует гласный /a/ — неважно, является ли он частью глагольной основы или инфиксом, — то префикс ассимилируется в e-. Однако форма i_3- обычно чаще встречается перед глаголами с основой на /e/, /i/ и /u/. Доля ошибочных написаний этого префикса перед /a/ составляет около 2%. Доля отклонений от нормы в глаголах на /e/, /i/ и /u/ значительно выше. Это наводит на мысль, что в традиционной передаче произношения не было четкого различия между глаголами с гласными /i/ и /e/, или между открытым и закрытым гласным /e/. За традиционной транскрипцией глаголов через /u/ вероятно скрываются и глаголы с гласным /o/. Как бы то ни было, начиная с аккадского времени и далее, на примере текстов из Гирсу наблюдается исчезновение алломорфа /e/- и его полная замена префиксом i_3- . Вновь возникает вопрос: имеем ли мы дело с ликвидацией частичной ассимиляции префикса? Если так, то это — процесс, происходящий в языке. Или же писцы пришли к соглашению, что префикс надо писать одним единственным способом?

Поскольку языковые процессы редко поворачивают вспять, представляется намного более вероятным, что все затронутые здесь явления не характерны для старошумерского как такового, а всего лишь касаются его передачи на письме.

Пытаясь дать верное представление о старошумерском языке Гирсу, необходимо упомянуть и те отклонения от нормы, что встречаются в текстах довольно редко. В качестве языковой нормы рассматривается письменный, или «высокий» шумерский язык, который можно обозначить термином, засвидетельствованным с аккадского времени, — *eme-gi₇-r* (*эмегир*). В произношении отдельных слов наблюдаются отклонения от эмегира: например, *sag-ub_x*(*BAD₃*) вместо *sag-ug₅* или *ma-al-ga* вместо /*galga*/, — т. е. /b/ вместо нормативного /g/ и /m/ вместо нормативного /ġ/, что совпадает с произношением диалекта *эмесаль*. Поэтому напрашивается вывод, что «высокий» шумерский не был родным языком Лагаша — там говорили на диалекте, обладающем некоторыми характерными чертами эмесаля.

Существует три основных возможности, которые могли бы объяснить особенности языка документов, написанных в Лагаше и Гирсу:

(а) Писцы составляли надписи и документы на местном диалекте. Однако этот диалект в значительной мере закамouflирован словесными знаками и уловим лишь в отклонениях от нормы. Несмотря на безусловное сходство с аккадской письменной практикой того времени, данная возможность, ввиду редкости фонетических отклонений от нормы, наименее вероятна.

(b) Образованные лагашские писцы сочиняли свои тексты на «высоком» шумерском, лишь иногда сбиваясь на родной разговорный язык.

(c) Писец из Гирсу обычно составлял текст — скажем, «формуляр» документа — на формальном языке, но имена собственные оставал неизменными, в их родном, диалектном облике.

В пользу последней гипотезы может говорить тот факт, что вышеупомянутые отклонения особенно часто встречаются в топонимах и личных именах. Это тоже представляет собой проблему, которая негласно лежит в основе недавней дискуссии между Д. О. Эдгардом и У. Г. Ламбертом по поводу чтения имени «царя» Уруинимгины (*iri-ka-gi-na* или *uru-inim-gi-na*), поскольку речь идет о фонетическом облике первой составной части имени — слова, означающего «город» (*URU*). Мы еще вернемся к этому вопросу.

В старошумерском, как и в шумерском вообще, высок процент заимствованной, дошумерской лексики, которая была, скорее всего, почерпнута из двух или более языков-субстратов. Уже Б. Ландсбергер предполагал существование двух таких источников заимствования, которым дал предварительные названия «протоевфратский» и «прототигридский». В своих статьях, вышедших с 1943 по 1945 сначала на турецком, а затем на немецком языке,¹⁰⁴ Б. Ландсбергер установил, что названия месопотамских городов принадлежат к нешумерскому языковому пласту и сравнил с этими топонимами сходные по структуре названия профессий. Сегодня ясно, что пласт, из которого происходят заимствования, намного шире. По мнению ряда специалистов, дошумерскими являются не только названия Унуг (Урук), Лагаш и Гирсу, но и элемент *pinnu* в названии

¹⁰⁴ В. Landsberger. Sumerer/Die Sumerer // AÜDTCFD 1. 1943. S. 88—102; Он же. Mesopotamia'da Medeniyetin Doğuşu/Die Anfänge der Zivilisation in Mesopotamien // AÜDTCFD 2. 1943—44, S. 419—437; Он же. Sumerlerin Kültür Sahasındaki Başarıları/Die geistigen Leistungen der Sumerer // AÜDTCFD 3. 1944—45, S. 137—158.

e₂-ni₃nu, а также ba-gar₂ или ba-gara₂, т. е. названия обоих святилищ бога Нин-Гирсу. Й. Бауэр считает, что заимствованы не только имена наиболее древних божеств, таких как Гатумдуг и Бау (или Баба), но и само слово «бог» — dingir. Помимо обозначений профессий (например, ba₂har₂ «гончар», na₂gar «плотник», ašgab «кожевник»), дошумерское происхождение имеет и значительная часть лексики, относящейся к наиболее древним видам деятельности, — в частности, названия пород рыб (eš₂tub, ga₂mar, ka₂lub или, возможно, zu₂lub) и садоводческие термины (*ni₃mar и *zu₂lub, исходные формы соответственно для «финиковой пальмы» и «[спелого] финика»). (Все вышеприведенные примеры позаимствованы из книги: *J. Bauer. Op. cit. S. 436–437.*) Однако если до конца следовать этой логике, опираясь исключительно на подобные немногие примеры, возникает вопрос: что же осталось от собственно шумерского или, точнее, протошумерского — языка некогда явившихся в Месопотамию шумеров? Ведь надо еще «вычистить» из общей лексики заимствования из аккадского и других семитских языков и так называемые бродячие слова. Уже цитировавшийся Й. Бауэр полагает, что за исключением глаголов, собственно шумерских слов остается не так уж много и подчеркивает, что столь высокий процент заимствованной лексики вовсе не уникален в истории языков. Так, по подсчетам индоевропейцев, лишь около 1/3 хеттской лексики имеет твердую индоевропейскую этимологию, а в турецкой поэзии османской эпохи вообще все слова в строфе могут быть арабскими или персидскими, а тюркским остается лишь глагол в конце строфы (*J. Bauer. Op. cit. S. 437.*) Такова ли была ситуация на самом деле и правомерны ли эти культурно-лингвистические параллели? Дать исчерпывающий ответ на данный вопрос сейчас представляется невозможным. Поэтому будем, как минимум, воздерживаться от крайних оценок.

Доля аккадских заимствований в старошумерском языке Лагаша еще весьма невелика по сравнению с хозяйственными текстами новошумерского периода. Имеется 32 слова, которым с уверенностью можно приписать аккадское происхождение. Они обозначают конкретные орудия, приспособления или продукты: например, ha-bu₃-da «мотыга», ha-zi «топор», ka-(al-)lu₅ «чаша», za-ra «основание дверного косяка», zi-gi-gum₂ «труб(к)а»; a-ba-al «сухой» асфальт», sum «лук (или, скорее, чеснок)», uz «утка», zi-bi «разновидность тмина». Сюда же относятся слова из области торговли и ремесла: dam-gara₃ «торговец», gi-na-tum «гарантийная сумма», ha^hha-ra(-an) «дорога», ma-na «мина (мера веса)», sam₂ «покупать» (с чем категорически не

согласен П. Штайнкеллер),¹⁰⁵ а также *ša-na*, сокращенно *ša*, — в качестве фонетического компонента после дробей, обозначающих $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ мины. Заимствованы также названия некоторых профессий и социальных категорий: *bur-šu-ma* «старуха», *um-ma* — еще одно обозначение «старухи» (факт заимствования здесь не доказан, как и в случае с *um-ma*, обозначающим «кормилица»). С другой стороны, не вызывают сомнений заимствования *na-gada* «пастух», *sagī* «кравчий», *ugula* «надзиратель, бригадир». К военному делу относится *dam-ha-га* («открытое» сражение), а к сфере культа — *ezem* «праздник», *išib* «жрец-заклинатель» (семитское происхождение этого слова, строго говоря, под вопросом) и *ri-lu₅-da* «порядок, правило».

Кроме того, из аккадского заимствованы глагол *gi-n* «утверждать, укреплять», прилагательные *da-gi₂* «вечный», *sa/ilim* «целый, невредимый», а также существительное *ma-al-ga* «совет». Судя по материалам источников, число лиц с аккадскими именами, проживавших в Лагаше, невелико. Насчитывается 29 имен, что не составляет и одного процента от всех имен. Доля личных имен, которые считаются эламскими, еще ничтожной. Их примерно с полдюжины, причем, в отличие от аккадцев, эламиты упоминаются в качестве чужаков — например, как торговые партнеры. Этническая идентификация имен также не носит окончательного характера, так как возможности для сравнительного анализа невелики. Если не принимать в расчет еще недешифрованные протоэламские таблички, эламская письменная традиция начинается с договора между Нарам-Суэном и староэламским царем, имя которого не сохранилось. Столь же древние эламские имена встречаются в аккадоязычных табличках аккадской эпохи из Суз. Что касается хурритов, то самые ранние указания на их присутствие содержатся в документах аккадского времени из Гирсу, Ниппура и других городов.

Благодаря многочисленным письменным памятникам, найденным в Лагаше, это небольшое государство занимает центральное место во всей историко-культурной ситуации в досаргоновской Месопотамии. Поэтому для понимания материала, излагаемого ниже, необходим хотя бы беглый взгляд на его внутреннее устройство и географическое положение. Здесь мы избегаем повсеместно употребляемого понятия «город-государство», так как оно навеивает ложные ассоциации с греческими полисами, например с Афинами

¹⁰⁵ P. Steinkeller. *Sale Documents of the Ur III Period // FAOS 17*. Stuttgart. 1989. P. 155—157.

классической эпохи, или с такими образованиями в современной Европе, как Монако и государство Ватикан. Малое государство Лагаш включало в себя три крупных города. Резиденция правителей находилась в досаргоново время в Гирсу — городе, расположенном на крайнем северо-западе государства. Он занимал холм (*телль*) ныне известный под иракско-арабским названием Телло. Точная продолжительность пребывания там резиденции градоправителя неизвестно. Однако, обретя статус резиденции, Гирсу разросся, став крупнейшим городом Лагашского государства. Властители Гирсу носят титул «царя» или «градоправителя/энси Лагаша», поскольку столица находится именно в Гирсу. В досаргоновский период данный титул означал, что его носитель правит и Гирсу, и Лагашем. Утратив в результате военного противостояния с соседней Уммой контроль над Лагашем, Уруинимгина, в соответствии с реальным положением вещей, стал именовать себя «царем Гирсу». Правда это означает, что к тому времени название «Лагаш», не перестав еще ассоциироваться с отдельным городом, являлось уже обозначением всего государства. Лагаш в узком смысле идентифицируется с современным названием аль-Хиба. Несмотря на то, что этот холм занимает обширную площадь, город досаргоновой поры был явно намного меньше. Похоже, что в рассматриваемую эпоху он занимал $\frac{1}{3}$ площади Гирсу и лишь половину площади Нимина. Последний, идентифицируемый с сегодняшним Зургулем, лежал к юго-востоку от Лагаша (аль-Хибы). Нимин — второй по величине город лагашского государства. Произношение названия этого города всё еще дискутируется. Поэтому здесь необходимо высказать некоторые соображения в пользу чтения *Nimin*. Название этого города выписывается знаком NINA, которым также пишется имя главной городской богини Нанше, или Нази. *Nina* все еще используется и в качестве транскрипции названия лагашского города, хотя, как давно известно, оно заканчивалось на *-n/*. Путем сравнения двух повторяющихся строф в Плаче «Эршема», написанном на диалекте эмесаль и посвященном богине Бау, Й. Крехер пришел к заключению, что данное название надо читать *nigin*.¹⁰⁶ Хотя это чтение нельзя пока что считать общепринятым, оно несомненно верно. Й. Бауэр внес в него единственную поправку, которая состоит в том, что он осуществил крехеровский «перевод» с эмесала на эмегир

¹⁰⁶ J. Krecher. Das sumerische Phonem [g] // FS Matouš II. Budapest. 1978. S. 53.

в обратном направлении.¹⁰⁷ В пользу интерпретации Бауэра говорит и то, что лагашский диалект был близок к эмесало, хотя это, возможно, нуждается в дальнейшем анализе с целью окончательного подтверждения. В своей 24-й надписи (Ш 3-6) Ур-Нанше сообщает, что в результате гадания на внутренностях определенный человек избран супругом (т. е. жрецом-эном) богини Нанше (dam, *nanše maš be₂-rad₃). Этот тип запросов оракулу — обычная процедура, находившаяся в ведении жрецов-служащих. Представляет интерес имя выбранного таким способом кандидата. Оно пишется ur-40, что дает ur-ni₁₀n, если мы заменим цифру на шумерское слово «сорок». Имя собственное, в состав которого входит числительное, бессмысленно. И все же, здесь возможны два объяснения. Число может символизировать имя бога, в особенности — Энки. Это связано с символикой «числа-боги», впервые засвидетельствованной в старовавилонское время и восходящей к очень древнему культурному пласту. С другой стороны, в ni₁₀n можно видеть нестандартное написание географического названия, передаваемого в остальных случаях знаком NINA. Если бы знаку 40 сопутствовал детерминатив бога или географического названия, этот вопрос был бы легко разрешим. Однако, ко времени Ур-Нанше детерминатив перед именами богов опускается лишь время от времени, а после географических названий ставится столь же нерегулярно, как и в прочие эпохи. Мне представляется, что менее проблематичным было бы видеть в ni₁₀n нестандартное написание географического названия. Три города — Гирсу, Лагаш и Нимин — расположены в ряд, вдоль канала, соединявшего их уже в старошумерский период. Канал назывался «Текущий к Нимину»; впервые он засвидетельствован в виде ni₁₀n_x(NINA)-du на табличке загадок, опубликованной Р. Д. Биггом.¹⁰⁸ Уруинимгина перекопал канал заново; он сообщает, что в месте его ответвления воздвиг храм Энинну, а возле устья — храм Сирара. У Нимины воды канала образовывали болото. В древнейшую эпоху Сирара, вероятно, была самостоятельным поселением. Здесь находился большой храм богини Нанше. В досаргоновскую эпоху Сирара слилась с Нимином, и эти названия стали почти синонимами. Канал продолжал существовать и в новошумерское время — Гудеа радостно плыл по нему в Сирару, чтобы там истолковали сон, посланный ему богиней Нанше (Цил. А II 5).

¹⁰⁷ J. Bauer. Op. cit. S. 438.

¹⁰⁸ R. D. Biggs. Pre-Sargonic Riddles from Lagash // JNES 32. 1973. P. 26—33.

Вокруг крупных городов группировались городки и деревни, названия которых часто совпадали с названиями их храмов. Одно было идентично другому — храм являлся центром поселения. Важнейшими из малых городов были следующие: Гуаба ($gu_2-ab-ba^{ki}$, букв. «берег моря») со святилищем богини Нинмары, находившаяся где-то на крайнем юге тогдашнего побережья Персидского залива; Кинунира, центр почитания богини Думузидабсу; Киэса, центр культа бога Ниндары; а также город, название которого пишется $URU \times GAN_2 / ten\dot{u}$,¹⁰⁹ а читается, возможно, просто /ugub/, где почитался бог, чье имя указывает на то, что он был владыкой этого города. Местоположение этих небольших городов можно указать лишь приблизительно. Они находились где-то между Лагашем и Нимином.

Поскольку к Досаргоновскому периоду южная Месопотамия была заселена уже в течение полутора или даже двух тысяч лет, повсюду можно обнаружить следы прежних поселений. По-шумерски они назывались du_6 , по-аккадски *tillu*, а по-арабски — *tall* «холм с руинами». В виде «телль» — составной части названий многих раскапываемых холмов — последнее слово наиболее известно. По названиям полей можно насчитать семь таких «теллей» лишь в районе Гирсу: $du_6-dab-U_2$ «холм бога Аб-У» (божество растительности); $du_6-gar(a)_2$ «холм жирного молока (?)»; $du_6-me-kulab_x^{ki}-ta$, холм, названный по имени собственному Мекулабта; $du_6-mu_6-sub_3$ «холм оленя»; du_6-sir_2-ga «обширный (?) холм»; $du_6-ur-gig_2-ga$ «холм черного пса»; и, наконец, $du_6-A\check{s}_2.URU$ — название пока что неясное.

Напоследок бросим еще один взгляд на раскопки городской округи Лагаша.

Холм, известный под иракско-арабским названием Телло, расположен на $31^\circ 37'$ северной широты и $46^\circ 09'$ восточной долготы, а проще — приблизительно в 18 км к северу от рыночного города аш-Шатра (аль-Мунтафик) и примерно пятью км восточнее потока Шатт аль-Гарраф, который вытекает из Тигра возле аль-Кута (на картах может обозначаться как Кут аль-Имара), где он также называется Шатт аль-Хайй. Этот овальный холм покрывает площадь 3×4 км.

В середине XIX в. здешние развалины привлекали большое внимание, поскольку арабы указывали на Телло как на место происхо-

¹⁰⁹ Аккадское обозначение *tenū* говорит о том, что знак (или комбинация знаков), после которого оно следует, перевернут. В данном случае, $URU \times GAN_2 / ten\dot{u}$ — это перевернутый знак $URU \times GAN_2$.

ждения некоторых находок, предлагаемых торговцами древностью. Видимо уже в 1851 сэр Генри Роулинсон купил для Британского музея покрытый надписями торс статуи Гудеа. В 1870 голова одной из статуй Гудеа прибыла в Бостон, а в 1877 Лувр приобрел клинописную табличку его эпохи. Наконец, 5 марта 1877 Эрнест де Сарзек, назначенный незадолго до этого французским вице-консулом в Басре, приступил к раскопкам холма. Один за другим прошли четыре сезона раскопок, пока не наступил первый перерыв в работе (1881—1887), вызванный восстанием арабов племени мунтафик. В 1888 де Сарзек, которого между тем назначили консулом в Багдаде, возобновил раскопки. Работы продолжались до 1895 (5й—9й сезоны), когда их пришлось прекратить во второй раз из-за болезни де Сарзека. В 1898 он продолжил их. Свой одиннадцатый и последний сезон он провел в 1900. Умер Эрнест де Сарзек 30 мая 1901 в возрасте 64 лет от болезни печени, которой заразился в Ираке.

Раскопки продолжил Гастон Кро — он провел четыре сезона (1903—1908). С тех пор научное исследование Телло было приостановлено почти на 20 лет. Исследования аббата Анри де Женуйака проводились с 1929 по 1931 (три сезона) и были продолжены Андре Парро, который провел 19й и 20й сезоны. С 1933 раскопки в Телло не проводились.

Французские раскопки оказались весьма успешными. Однако не менее плодотворными были и грабительские «раскопки» арабов. Пользуясь длительными перерывами в работах, они грабили развалины. Особенно интенсивную деятельность они развернули там после 9-го сезона, а также после 1895. В то время в их руки попал целый архив примерно из 40 000 глиняных табличек. В 1902, после того, как де Сарзек скончался, археологи-грабители вновь обогатились. На этот раз арабы унесли около 1600 табличек, главным образом старошумерских. В результате подобных неофициальных находок, десятки тысяч новошумерских и сотни досаргоновских текстов попали во все крупные музеи и многие частные коллекции по всему миру. Этот грабеж мешал проведению планомерных работ на холме. И все же, ущерб, нанесенный грабителями археологическим исследованиям, был относительно невелик. Раскопки явили миру множество уникальных находок, и холм Телло стал местом, где заново произошло великое открытие древнешумерского искусства. Эти раскопки почти не приносили находок в состоянии хорошей сохранности — в ту пору переднеазиатская археология была еще молода, и ей лишь предстояло разработать методы безопасной рас-

чистки стен из хрупкого кирпича-сырца. Стены из такого материала еще просто не распознавались. Утверждения относительно топографии и истории Гирсу основывались почти исключительно на данных богатой письменной традиции.

Холм Телло, идентифицировавшийся вплоть до 1950-х годов с Лагашем на основании многочисленных найденных там надписей с царским титулом (например, «энси Лагаша»), сейчас однозначно идентифицируется с древним городом Гирсу. Тем не менее, следует упомянуть, что Ф. Хоммель и П. Йензен, исследователь Эпоса о Гильгамеше, еще до 1910 высказывались — естественно, безуспешно — в пользу отождествления Телло с Гирсу.¹¹⁰

Примерно в 20 км к юго-востоку от Телло расположен плоский холм Телль аль-Хиба. Точные координаты: 31°26' северной широты, 46°32' восточной долготы, или около 24 км восточнее вышеупомянутой Шатры. Максимальная протяженность холма 3,6 км в длину и 1,9 км в ширину. Весной 1887 здесь проводила небольшие раскопки экспедиция Королевского прусского музея под руководством Р. Кольдевея — археолога, раскопавшего Вавилон. С 1968 в аль-Хибе проводились систематические совместные раскопки Музея искусства Метрополитен и Нью-йоркского Института изящных искусств, которыми руководил Д. П. Хансен. К началу «войны в Заливе» прошло шесть сезонов, последний — в 1990. В секции А — на юго-западной оконечности холма — удалось раскопать остатки овального в плане храма с 14 закладными надписями Энанатума I. Это оказался Ибгаль богини Инаны. В секции В, примерно в середине западного края холма, были обнаружены Багара (храм бога Нин-Гирсу) и прочие монументальные постройки конца Раннединастической эпохи. Раскопки подтвердили догадку Т. Якобсена¹¹¹ и А. Фалькенштейна,¹¹² которые еще в 1950-е годы, на основании изучения местности и письменных свидетельств, идентифицировали аль-Хибу с древним Лагашем.

Приблизительно в 8 км к юго-востоку от аль-Хибы (31°22'30" северной широты, 46°29' восточной долготы) лежит значительно меньший телль Зургуль. По оценкам А. Парро, его площадь равна 66 га. В

¹¹⁰ По книге: R. Zehnfund. *Babylonien in seinen wichtigsten Ruinenstätten* // *Der alte Orient* 11/3—4. 1910. S. 36.

¹¹¹ Th. Jacobsen. *La géographie et les voies de communication du pays de Sumer* // *RA* 52. 1958. P. 127—129.

¹¹² A. Falkenstein. *Die Inschriften Gudeas von Lagaš I: Einleitung* // *AnOr* 30. 1966. S. 17—21.

январе-феврале 1887 здесь проводила небольшие раскопки уже упоминавшаяся экспедиция Р. Кольдевея. В ходе двух первых сезонов сюда дважды наведывались и участники американских раскопок в аль-Хибе, которые подобрали с поверхности некоторое количество находок. Помимо этого, на холме больше не проводилось никаких исследований. Не подлежит сомнению, что холм Зургуль — это Нимин, древний город богини Нанше.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Государства вне Лагаша: краткий обзор

Прежде чем приступить к обсуждению наилучшим образом документированной истории Лагаша, дадим краткую характеристику того, что происходило в рамках обсуждаемого периода в уже знакомом нам Уруке и других государствах Южного Двуречья. В идеале эта тематика заслуживает гораздо более просторного освещения, однако в данном случае представить материал подробнее не представляется возможным. В настоящее время существует масса специальной и популярной литературы, посвященной нижнемесопотамским городам-государствам этой эпохи. Наряду с обширной зарубежной литературой на иностранных языках, существуют более доступные отечественные и переводные работы, в том числе специально об Уре (И. М. Дьяконов, А. Вулли) и Ларсе (Н. В. Козырева). Кроме того, мы будем так или иначе обращаться ко внелагашским территориям при обсуждении лагашской тематики, поскольку ни в один из этапов своей истории Лагаш не был полностью изолирован от соседей.

*Первый этап Раннединастического периода
(РД I: около 2750—2615 или 3000—2750 до н. э.)*

В Царском списке (текст см. выше) началу этого этапа соответствует начало I династии Киша. Предпоследний правитель этой династии, Эн-Менбаргеси, известен не только по списку, но и по собственным надписям, так что в его историчности сомневаться не приходится. Если верить списку, он совершил по крайней мере один поход в Элам (Юго-Западный Иран). Сын Эн-Менбаргеси, Агга (возможны также прочтения Ага и Ака), пытался подчинить родно-

му Кишу Урук на юге Двуречья.¹¹³ Об этом мы узнаём из эпической песни (своего рода шумерской «былины») об Агге и Бильгамесе. Верховный жрец (en) Урука, Бильгамес, не подчинился совету старейшин, которые готовы были сдать Урук Агге. Народное собрание города провозгласило Бильгамеса «царем» или «вождем-военачальником» (lugal), и во главе урукской дружины он разбил жителей Киша и подчинил Киш своему родному городу.

Бильгамес исторический был, по всей видимости, весьма выдающейся фигурой. Вскоре после смерти он был обожествлен и его имя обросло легендами. Он стал героем целого ряда шумерских «былин», его воспевали в своем эпосе и аккадцы, называвшие его Гильгамешем. Бильгамесу приписываются постройка городской стены Урука, поход за кедровым лесом к «Горе Бессмертного» (Ливан или Иран) и поиски вечной жизни (последним он занимается в более поздней, аккадской версии поэмы, которая условно называется «Эпос о Гильгамеше»; сами аккадцы называли ее по первой строке — *ša nagba ituru*, т. е. «О всё выдавшем»). Бильгамес-Гильгамеш настолько запомнился позднейшим поколениям, что его имя было известно на Ближнем Востоке вплоть до XI в. н. э. Какие из приписываемых ему деяний он совершал, сказать трудно. Вполне вероятно, что он действительно обнес Урук стеной и путешествовал со своей дружиной в горные районы, где рубил ценные породы дерева (вспомним о крайней бедности юга Месопотамии природными ресурсами) и сражался с невиданными (в Месопотамии) зверями.

Второй этап Раннединастического периода

(РД II: около 2615—2500 или 2750—2600 до н. э.)

Начало этого этапа знаменуется переходом гегемонии к Уруку, с Бильгамеса ведет счет первая династия этого города. О социально-экономических условиях этого времени известно из архивов Урука и Шуруппака — небольшого городка, входившего в военный союз общин возглавлявшихся Уруком. В Шуруппаке мы наблюдаем хозяйство храма, четко отделявшееся от земли территориальных общин и обладавшее большим количеством самых разных работников (ремесленники, скотоводы, земледельцы), которые работали за паек, а иногда и за надел земли. Собственности в полном смысле слова

¹¹³ Приведем запись о последних двух кишских властителях в более развернутой форме: «Эн-мебарегеси, тот кто унес как дань оружие из страны Элам, стал царем и правил 900 лет; Акка, сын Эн-мебарегеси, правил 625 лет».

они не имели. Иногда происходили сделки по продаже земли (чаще всего, ее продавали большесемейные общины). Однако плата за землю — медь или продукты — была крайне низка. К тому же, в конечном счете, «покупатель» должен был возвращать ее общине. Поэтому, едва ли приходится говорить о купле-продаже земли в современном смысле. Во главе общины Шурушпака стоял энси — правитель незначительного масштаба, владеющий довольно небольшим участком земли. Его функции во многом были ритуальными.

К концу второго этапа Раннединастического периода всё заметнее становится фигура лугаля-гегемона, вождя с большой дружиной, который пытается прибрать к рукам храмовую землю и получить звание «лугаля Киша» (на севере) или «лугаля всей страны» (на юге). Резкое усиление таких лугалей в Уре открывает последнюю стадию рассматриваемой эпохи.

*Третий этап Раннединастического периода
(РД III: около 2500—2315 или 2600—2350 до н. э.)*

Эта фаза начинается с I династии Ура, сменившей I династию соседнего Урука. Список царей этой династии возглавляет Мескаламдуг. Потомки этого лугаля — Месанепада и его преемники отличались особым богатством.

Данный этап хорошо иллюстрируется находками царских погребений Ура. Особенно знаменит гробница знатной женщины, имя которой условно читается Пуаби (раньше его было принято читать Шуб-ад). Эта дама (вероятно, она была жрицей, а может быть и царницей) погребена вместе с десятками людей — воинов охраны и придворных женщин. Поскольку следов насилия на их останках не обнаружено, принято считать, что они отправились на тот свет вместе с госпожой добровольно. Их, по всей видимости, отравили. В гробнице обнаружено большое количество прекрасных ювелирных изделий из золота, серебра, лазурита и сердолика. Все они необычайно тонкой работы. Эти находки интересны не только как памятники искусства: сам факт присутствия в Шумере лазурита и сердолика чрезвычайно интересен — он указывает на размах торговли Ура, поскольку лазурит привозили из Бадахшана (современный Афганистан), а сердолик — из Индии. Интересно также шахтовое погребение первого царя урской династии — Мескаламдуга. Покойник найден в золотом шлеме изысканной работы. Роскошные урские погребения имеют мало аналогов в Двуречье: возможно они представляют собой специфическое локальное явление.

Урук в это время продолжает существовать. Он тесно связан с Уром. Позднейшие преемники Месанепады (начиная с Эн-Шакушаны) переселяются в Урук и образуют его II династию. С этого времени можно говорить об урско-урукском государстве.

История Раннединастического Лагаша

Лагаш

В качестве древнейшего известного правителя Лагаша в исторических памятниках и хронологических таблицах упоминается Энхегаль. Его имя встречается на одной каменной табличке — документе о покупке поля, — который относится к периоду Фары, т. е. к XXVI в. до н. э., и почти наверняка должен датироваться временем до правления Месалима Кишского. На каменной таблице Энхегаль выступает, вместе с человеком по имени Сиду, в качестве продавца в общей сложности 11 участков земли. Покупатель — жрец-ишиб бога Нин-Гирсу по имени Лугалькигала. В последней трактовке И. Е. Гельба, П. Штайнкеллера и Р. Уайтинга (ELTS Nr. 20) текст интерпретируется именно так. С другой стороны, М. А. Пауэлл, рецензировавший их работу,¹¹⁴ трактует в данном контексте термин *lugal* просто как «собственник», локализует продаваемые участки в Лагаше или его окрестностях, а саму каменную таблицу датирует временем Ур-Нанше. Он полагает, что она скорее составлена несколько позже правления этого царя, нежели до него.

Лугальшагэнгур

Таким образом, древнейшим известным властителем Лагаша остается энси, или градоправитель Лугальшагэнгур. Его имя упоминает Месалим на навершии палицы (Илл. 5), посвященной богу Нин-Гирсу (Mes. 1). В этой надписи царь Киша именуется строителем храма Нин-Гирсу. Так мы знакомимся с иноземным правителем в качестве первого «бригадира стройки» храма *e₂-nin_{ni}* — важнейшего святилища государства Лагаш. Упоминаемое в посвящении на булаве пребывание Месалима в Гирсу служило еще одной, совершенно иной цели. Царь Киша был призван, чтобы стать арбитром в

¹¹⁴ М. А. Powell. *Elusive Eden: Private Property at the Dawn of History* // JCS 46. 1994. P. 99—104.

пограничном конфликте между Лагашем и соседним государством Уммой. Он провел границу по спорной области Гуэдена, установив там стелу со своим именем. Этот памятник не сохранился, так как граница была нарушена несколькими поколениями позже, когда Ур-Лумма — царь Уммы и современник лагашских правителей Энанатума I и Энметены — совершил нападение на Лагаш. События времени Лугальшагэнгура известны нам не по современным (т. е. относящимся к периоду Фары) источникам, а прежде всего по ретроспективе, содержащейся в сообщениях позднейших лагашских правителей досаргоновского периода, таких как Эанатум и Энметена. При проведении военных операций, направленных на осуществление территориальных притязаний Лагаша или оборону, последние неизменно ссылались на эти прежние, весьма выгодные для них границы. В надписи Энметены (Ent. 28—29), это противостояние представлено как вражда между Нин-Гирсу и Шарой — главами пантеонов Лагаша и Уммы соответственно. Поэтому имена земных оппонентов здесь так и не упомянуты. Возможно их тогда уже забыли? Месалим, бывший в конфликте арбитром, носил титул «царь Киша», но не происходил из этого города. Его имя не упоминается среди прочих правителей в царском списке Киша. То, что он действовал «по поручению» Иштарана (бога-судьи из Дера) не может служить достаточным аргументом в пользу его происхождения из Дера — ведь сфера влияния данного бога простиралась далеко за пределы его главного культового центра. Таким образом, происхождение Месалима остается темным. Тем не менее, царь пользовался в Южной Вавилонии столь большим авторитетом, что лагашская сторона надеялась на его содействие в разрешении пограничного спора. Правители Уммы никогда не признавали границ, проведенных Месалимом. Поэтому уже при Ур-Нанше, первом царе I династии Лагаша, который правил самое позднее двумя поколениями спустя, война разразилась вновь. Военное противостояние из-за плодородной области Гуэдена проходит с тех пор красной нитью через всю историю Лагаша. Развязка этого затянувшегося конфликта наступила, когда правитель Уммы Лугальзагеси, покончив с I (старошумерской) династией Лагаша, включил территорию этого государства в состав первой крупной месопотамской «империи» под управлением Уммы. Однако здесь мы намного опережаем события. Вернемся ненадолго к концу периода Фары.

Древнейший исторический рельеф из Телло обнаружен на круглом пьедестале, который, судя по двум круглым отверстиям навер-

ху, служил подставкой для какого-то штандарта или статуи. Пьедестал расколот на шесть фрагментов. На плоском рельефе изображена встреча двух высокопоставленных лиц, сопровождаемых свитой. Возможно изначально имена были надписаны рядом со всеми девятнадцатью персонажами, сохранились же — по крайней мере, частично — только имена семерых. К сожалению, в настоящее время отсутствуют обломки с именами крайних четырех фигур справа и крайних шести справа, т.е., надо полагать, наиболее важных особ. Таким образом, ценность этой подставки как исторического источника крайне невелика. Поскольку после одного-двух имен стоит слово *dimu* («сын»), очевидно, что вместе со знатными людьми были изображены их дети. С подобной практикой мы вновь встречаемся на посвятельном рельефе (или плите) Ур-Нанше.

Ур-Нанше

С Ур-Нанше для нас начинается непрерывная история I династии Лагаша с ее девятью правителями, известная по непрерывному ряду непосредственных свидетельств. Один Ур-Нанше оставил после себя 54 надписанных предмета, или, за вычетом копий, 40 отдельных надписей. В качестве отца он упоминает некоего *Gu-NI.DU*. Чтение двух последних знаков в этом имени ненадежно. Имя не сопровождается никакими титулами; можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что отец Ур-Нанше не был ни царем, ни энси. Тем не менее, мы находим его имя бок о бок с именами Дуду, жреца—управителя храма Нин-Гирсу, и Энентарзи, который также, прежде чем стать градоправителем, был жрецом—управителем храма Нин-Гирсу, в списке жертвоприношений усопшим предкам, датированном временем двух последних правителей той же I династии — Лугальанды и Урунимгины. Это могло бы означать, что *Gu-NI.DU* также был управляющим храма. Далее Ур-Нанше называется *Gu-NI.DU dimu gur-sar*, что можно истолковать по-разному. Либо Гурсар — краткая форма имени собственного (и, следовательно, имя деда Ур-Нанше), либо это географическое название. Похоже, что плохо засвидетельствованный населенный пункт Гурсар находился на юге Лагашского государства. Если это так, то *Gu-NI.DU*, возможно, является жителем Гурсара. Тот факт, что Гурсар отсутствует в вышеупомянутом списке, еще не говорит в пользу того, что это — географическое название, так как многие другие лагашские цари также не упоминаются в данном списке.

Надписи Ур-Нанше отмечают начало формирования жанра царских надписей. За именем, титулом и филиацией царя следуют одна за другой краткие фразы, каждая из которых состоит из названия или обозначения созданного царем сооружения (как и прежде, без дополнительных описаний или эпитетов) и простой глагольной формы без инфиксов. Надписи звучат монотонно, так как сообщения об отдельных достижениях часто повторяются. Здесь мы намерены перечислить деяния царя, сгруппированные по объектам его деятельности.

Ур-Нанше знаменит тем, что проложил, в общей сложности, 9 каналов. К сожалению, мы в лучшем случае можем указать лишь примерное их расположение. Так, на канале id₅-LAK 175 (или id₅-REC 107) находился сад, принадлежавший храму Бау. Согласно позднейшим административным документам, этот канал протекал через Лагаш или где-то рядом с ним. Канал pa₅-saman₃ — явно то же русло, что Уруинимгина называет (id₂-)pa₅-^dsaman₃-kaš₄-du. Со временем этот канал обмелел, стал совершенно непригоден к эксплуатации, и Уруинимгине пришлось полностью расчистить его. Ур-Нанше развернул активное строительство по всему лагашскому государству. Часто нет никакой возможности отличить следы ремонта уже существовавших храмов от тех более редких случаев, когда храмы закладывались заново. Всего Ур-Нанше приписывают возведение 20 крупных и мелких сооружений, но основной его задачей было обновление главных святилищ. Его храмовые постройки расположены в определенном порядке, следуя с северо-востока на юго-запад. Назовем в первую очередь святилище Нин-Гирсу Тираш/с (или Tira'as), которое засвидетельствовано уже в период Фары (RTC 7 1 4; 8 1 4). В Гирсу он воздвиг e₂-nippi — главный храм бога Нин-Гирсу, который, конечно же еще не носит имя «э-нинну» в его надписях: он завуалирован в них под названиями «Святилище в Гирсу» или «Храм Нин-Гирсу». Насколько нам известно, в этом деле его предшественником был Месалим. На том же месте находился e₂-tar (полное название — e₂-tar-sir₂-sir₂-ra), храм богини Бау, а также Сесегара/Шешегара (у Ур-Нанше — просто ses-gar; буквально «поставленное братом [святилище]»), храм богини Нанше — сестры Нин-Гирсу, центр почитания которой находился в Нимине. Правитель окружил Лагаш крепостной стеной (или обновил ее), а также воздвиг храм богини Гатумдуг, святилище Багара для бога Нин-Гирсу, Ибгаль для Инаны и храм Эдам (e₂-dam, букв. «дом супруги») для Бау — жены Нин-Гирсу. В Нимине, где находился основной

центр культа Нанше, он направил усилия на возведение ее храма, известного по надписям позднейших правителей как Сирара, а также на построение Нинегара (букв. «поставленного сестрой [храма]») — святилища бога Нин-Гирсу. В окрестностях Нимины был построен ki-nir (таково нестандартное раннее написание классической формы ki-ni-nir-ga) — главное место почитания богини Думузидабсу. С точки зрения этимологии — возможно, народной — название должно означать «место зиккурата (u₆-nir)». На крайнем юге государства, недалеко от Гуабы («морского берега») находился храм богини Нинмары. Ур-Нанше однозначно упоминает и о строительстве двух сооружений под названием «Абсу»: малого Абсу (absu-banda₃(da)) и Абсу на канале (absu-e(-ga)). Первое находилось где-то на северо-западе, близ границы с Уммой, а второе — недалеко от Лагаша. На территории лагашского государства находилось несколько подобных сооружений; можно предположить, что они служили «моделями» мифического пресноводного океана (Абсу) или зданий, окружающих его бассейны.

Интересно также упоминание о ka₂-me — здесь напрашивается сравнение с «Воротами битвы», которые фигурируют в позднейших текстах Гудеа. Если данное сравнение верно, то при Ур-Нанше существовало вариантное слоговое написание me₁ вместо me₃. Это допущение не вызывает серьезных возражений.

Поскольку при раскопках в Уре была обнаружена стела Ур-Нанше (Urn. 40), закономерен вопрос: находился ли Ур в то время под властью Лагаша, или же, наоборот, мы имеем дело с урским военным трофеем? Сильно поврежденный текст стелы упоминает два архитектурных сооружения — плотину и храм. Название дамбы — e-da-sal₄-mar-tu — отсутствует в корпусе текстов из Гирсу, что впрочем не является сильным аргументом в пользу нелагашского происхождения стелы. Большинство каналов и дамб, сооруженных Ур-Нанше, уже не упоминаются в надписях его преемников, а сведения хозяйственных документов из Гирсу в целом едва ли выходят за пределы этого города и его ближайшей округи. Название дамбы интересно тем, что содержит древнейшее на столь дальнем юге упоминание о степных кочевниках (mar-tu); древнее этого — лишь изолированные упоминания в хозяйственном архиве из Шурушпака.

Название возведенного Ур-Нанше святилища, возможно, следует восстанавливать как «Храм Суэна», хотя это чтение ненадежно. Кроме того, из недавно обнаруженной в аль-Хибе надписи стало известно, что Ур был военным противником Ур-Нанше и потерпел от

последнего поражение. На этом основании можно сделать вывод, что стелу намеренно установили в Уре, который попал на время в сферу влияния Лагаша.

В надписи, начинающейся с упоминания о реконструкции храма Нин-Гирсу, Ур-Нанше добавляет к пространному перечню своих строек следующее:

«Когда он храм Нин-Гирсу построил, 70 зернохранилищ зерна храм(ы) употребил(и)»
(ud e₂-^dnin-gir₂-su, mu-du₃, 70 gur₇ še, e₂ be₂-ku₂: Urn. 34 III 7-10// 53a 1'-2').

Поскольку текст сформулирован кратко, а более поздние параллели этому речевому обороту отсутствуют, данное место можно перевести несколько иначе, что и сделал Х. Штайбле:¹¹⁵

«Когда он храм Нин-Гирсу построил, зерно 70 хранилищ дал он храму съесть».

В своем комментарии он трактует это, вслед за М. Ламбертом, как обеспечение храма Нин-Гирсу, а возможно и всех названных святилищ, «бенефицием», недвусмысленно ссылаясь при этом на основание храма Энлиля Энметеной.

Дж. С. Купер¹¹⁶ толкует эти строки почти так же:

«Когда он храм Нин-Гирсу построил, 70 гури зерна для потребления храма он выделил».

Тем не менее, сообщения двух правителей отличаются друг от друга весьма существенно. Если Ур-Нанше говорит о потреблении зерна, то храм Энлиля, построенный Энметеной, располагает полями, выделенными ему для пропитания. В случае с храмом Нин-Гирсу речь идет о реконструкции издревле существовавшей святыни, которая и прежде имела в своем распоряжении обширную земельную собственность, так что подобные пожалования представляются излишними. Что касается Энлиля, здесь мы имеем дело с «импортом» культа, т. е. с попыткой Энметены привить культ Энлиля в государстве Лагаш. Строительство храма Энлиля действительно начиналось с нуля, а его жизнеспособность зависела исключительно от распределения благ на обеспеченной основе. Похожие процессы происходили при Гудеа, когда в Гирсу вводился культ

¹¹⁵ H. Steible. Die altsumerischen... S. 100.

¹¹⁶ J. S. Cooper. Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions 1: Presargonic Inscriptions // The American Oriental Society, Translation Series 1. New Haven. 1986. P. 29.

Нингишзиды. Поэтому мне представляется, что «70 амбаров зерна» — это округленная стоимость строительства храма Нин-Гирсу, взятого отдельно или, может быть, в сумме с прочими храмами, перечисленными до него. Чтобы проиллюстрировать, что стоит за этой цифрой, приводим здесь некоторые соответствия, беря в расчет меры, имевшие хождение в досаргоновом Лагаше. Одно «зернохранилище» (gur₇) равно 3600 «главным гурам» (gur-sag-gal₂), 60 «зернохранилищ» дают 252 000 «главных гуров», что примерно соответствует 30 554 гектолитрам. Средний месячный паек носильщика составлял 8 банов зерна, а носильщицы — хотя именно ее труд прежде всего использовался на стройках досаргоновского Лагаша — всего 6 банов. (Утверждение Гудеа [Статуя В IV—V], что при строительстве храма Энинну женщины не таскали корзин с глиной, а строили его sag-ur-sag, означает лишь то, что этот факт заслуживал увековечивания в качестве отклонения от обычной практики, вызвавшего огромные расходы, затраченные на проведение данной престижной стройки. И все же, эти заявления не отражают действительность, какой она была даже при Гудеа.) При рационе 8 банов на одного мужчину и 6 банов на одну женщину, располагая вышеупомянутыми 252 000 «главных гуров», коллектив из 6300 мужчин и 8400 женщин мог бы кормиться 10 лет.

При чтении надписей Ур-Нанше особенно бросается в глаза большое число изображений богов, об установлении которых хвастливо сообщает царь. После него о создании одной единственной статуи Нанше упоминает лишь Эанатум (Ean. 62 I, IV 6—7). Всего Ур-Нанше заказал 13 статуй. Великие божества представлены здесь изваяниями Нанше, Нинмары и Гатумдуг. Указания на статуи Нин-Гирсу или Бау отсутствуют. Кроме того, упоминаются мелкие фигуры пантеона: например, бог-ребенок Шульшага или главные божества небольших поселений, такие как Lugal-URUXGAN₂/tenû и Лугальуртура. Среди них и боги, которые в дальнейшем исчезнут без следа — ^dnin-es₃-REC 107/LAK 175 (вероятно, «Владычица храма на [канале] REC 107») и Гушуду.

Хотя преемники Ур-Нанше, за исключением Эанатума, сообщают лишь о посвящении богам собственных статуй, гипотезу, что Ур-Нанше также имел в виду изготовление и установку собственных изваяния рядом с вышеназванными богами можно считать устаревшей. При ближайшем рассмотрении оказывается, что выдающиеся фигуры среди ранних правителей Лагаша считали изготовление собственных изображений не достойным упоминания, если

не считать надписей на статуях (ср. En. I 25–26; Ent. 1; за возможным исключением Lug. 15). Поэтому о статуе, установленной Ур-Нанше в Сираре (храме богини Нанше) нам также известно не из надписей этого царя, а только из перечня предназначавшихся богине даров в так называемом «Списке жертв» (DP 53 IX 11), который относится к концу династии. Возможно то, что статуя Ур-Нанше была установлена рядом со статуей богини Нанше демонстрирует особенно близкие отношения между царем и богиней, а может быть мы случайно узнали лишь об одном из многих изваяний, — точно сказать нельзя.

Под творениями Ур-Нанше действительно имелись в виду изображения богов. Уже имеющиеся статуи божеств не обновляли и не заменяли, а поклонялись им пока они не были уничтожены примерно в тот же момент, что и сама I династия Лагаша. И все же, возникает вопрос: почему ко времени Ур-Нанше недостает столь многих изваяний богов? Это связывают с интенсивным храмо-строительством и активными работами по проведению каналов, из чего делается следующий вывод: вступая на престол, Ур-Нанше унаследовал страну, сильно разрушенную войной, так что все его шаги были направлены прежде всего на ее восстановление. Однако есть и другое объяснение. Вероятно, с наступлением периода Фары в сознании шумеров окончательно утвердился антропоморфный облик богов. Поэтому эмблемы уже перестали служить адекватным наглядным представлением божественности; в качестве нового средоточия культа их место неизбежно заняли изваяния божеств. Отсутствовавшая при Ур-Нанше божественная чета Нин-Гирсу—Бау могла, в качестве главных божеств государства, приобрести человекообразный облик еще при одном из его предшественников.

Как о большом достижении сообщает Ур-Нанше и о доставке строительной древесины. Об этом хвастливо говорится не менее семи раз, и всегда одними и теми же словами: «Кораблям Дильмуна из горной страны древесину он велел (сюда) доставить». То, что в Нижней Месопотамии не было дерева, пригодного для строительства (тем более для сооружения храмовой кровли), хорошо известно. В данном случае примечателен тот факт, что данный строительный материал прибывал не из горных районов Восточного Средиземноморья или Элама, а морским путем из некоей местности в районе Персидского залива. «Корабль Дильмуна» (ma_2 -dilmun) представлял собой судно особой конструкции, хорошо приспособленное для мореплавания. По спискам votивных даров известны также бронзо-

вые чаши в форме таких кораблей. Позднейшие хозяйственные документы упоминают некоторые продукты, в название которых входит слово «Дильмун» — страна их происхождения. Это несколько видов лука и некая разновидность одежды. Лагаш поддерживал торговые связи с Дильмуном и до Ур-Нанше: в одном документе из Гирсу периода Фары упоминается человек из Дильмуна. Правда, наряду с именем *utu-ur-sag* («Уту — герой»), он носит и обычное шумерское имя (RTS 4 II 2-3). Отношения с Дильмуном поддерживал еще Лугальбанда.

На протяжении почти ста лет — с момента открытия первых памятников Ур-Нанше и до 1975—76 — ситуация представлялась следующим образом. При Месалиме пограничный конфликт с Уммой был улажен, что принесло Лагашу мирный период, в течение которого Ур-Нанше безмятежно жил в кругу своей большой семьи, с энтузиазмом предаваясь лишь поклонению богам и улучшению условий жизни в стране. Это представление изменилось, когда при раскопках храма Багара в аль-Хибе была найдена каменная плитка неправильной формы. Впоследствии она служила подставкой под дверную ось, отчего часть текста на оборотной стороне на месте поворота двери исчезла. Остается спорным, был ли этот камень первоначально стелой, или черновиком для текста некой еще не найденной стелы. Оборванную в середине фразу можно убедительно объяснить лишь во втором случае.¹¹⁷ Первая часть надписи сообщает с необычной для Ур-Нанше детализацией о некоторых моментах строительства святилища бога Нин-Гирсу — храма Багара в Лагаше. Помимо подчеркнутого упоминания о применении обожженного кирпича, сообщается о том, что специально для храма был проложен канал, название которого почти полностью разрушено. Далее упоминается, что царь также передал по назначению (*nam-si-sa₂ sum*) кухню храма и ее особую часть под названием *ib*. Неожиданная информация содержится на оборотной стороне плитки. Мы узнаем, что мир не воцарился даже при Ур-Нанше: и ему пришлось участвовать в противостоянии Лагаша и Уммы. Царю удалось разбить Ур и Умму, пленив нескольких вождей противников. Поскольку данная часть текста изобилует синтаксически неоднозначными конструкциями и содержит несколько лакун, ее трудно истолковать

¹¹⁷ V. E. Crawford. *Inscriptions from Lagash: Season Four, 1975—76* // JCS 29. 1977. P. 193—197, 211—214; J. S. Cooper. *Studies in Mesopotamian Lapidary Inscriptions*. II // RA 74. 1980. P. 104—108; Он же. *Sumerian and Akkadian... La.* 1.6.

с полной определенностью. Имя первого урского пленника начинается со знака MU, остальные знаки — стерты. За ним следует некто Энси-магур, что можно понимать либо как второе имя в этом списке, либо как титул только что упомянутого персонажа по имени Му-...]. Исключительная редкость употребления слова ensi₂ (в отличие, например, от слова lugal) в качестве составной части личных имен, вероятно, говорит против первого предположения. С другой стороны, титул «энси барж/грузовых кораблей» (ensi₂-ma₂-gur) твердо засвидетельствован лишь в более позднее время.¹¹⁸ Например, строки 3 и 4 старовавилонского гимна из цикла Думузи-Инана¹¹⁹ звучат так:

«Воистину ты наш энси грузовых судов, воистину ты наш надзиратель (nu-banda₃) боевых колесниц».

Если в своей статье для юбилейного сборника М. Сивила¹²⁰ Т. Якобсен пытался установить первоначальную связь должности энси с содержанием ослов, то здесь очевидно, что энси имел какое-то отношение к судоходству и транспортировке товаров по каналам и рекам.

Остальные пленники из Ура — это хранитель печати и надзиратель Амабарагеси (при этом надо заметить, что термин nu-banda₃ служил и для обозначения военного ранга), некий Папурсаг без указаний на род его занятий, и еще один надзиратель, чье имя утеряно. После победы Ур-Нанше над Уммой ему сдались правитель этого города по имени Пабильгатук, о чьем существовании мы узнаем здесь впервые, еще три человека в должности nu-banda₃ (Биллала, Лупада и Уртульсаг) и, наконец, «крупный торговец» (dam-gar₃-gal) Хурсагшемах. Таким образом, в случае войны этот крупный торговец также мог быть наделен военным званием. Бросается в глаза нетипичное для Гирсу написание слога /mah/ в его имени: AL = mah₂.

Дальнейшая судьба одного из пленников, Лупады, необычна. В Гирсу (Телло) обнаружена его статуя в сидячем положении, покры-

¹¹⁸ W. H. Ph. Römer. Beiträge zum Lexikon des Sumerischen (4): Termini für Schiffe und Schifffahrt, Schiffsteile und Schiffszubehör — vor allem in sumerischen 'literarischen' Texten // M. Dietrich, O. Loretz (ed.). Mesopotamica — Ugaritica — Biblica, FS für Kurt Bergerhof zur Vollendung seines 70. Lebensjahres am 7. Mai 1992 // AOAT 232. 1993, S. 371.

¹¹⁹ S. N. Kramer. Cuneiform Studies and the History of Literature: the Sumerian Sacred Marriage Texts // PAPS 107. 1963. P. 510, Nr. 11:5—6; B. Alster. Some Ur 3 Literary Texts and Other Sumerian Texts in Yale and Philadelphia // ASJ 15. 1993. P. 8—9, Nr. 5:5—6.

¹²⁰ Th. Jacobsen. The Term Ensi // FS Civil. 1991. P. 113—121.

тая текстом договора о покупке поля (ELTS Nr. 21). Лупада выступает здесь как покупатель. В начале надписи он обозначает себя как «Лупада — писец земельного кадастра из Уммы, сын Наду, писца земельного кадастра». То, что статуя была привезена из Уммы в качестве трофея исключено, поскольку на статуе, находящейся в Умме, указание Лупады на место [его] происхождения, т. е. Умму, нельзя считать верным. Кроме того, все поддающиеся проверке названия полей, упоминаемых в тексте договора, указывают на их нахождение в пределах государства Лагаш. Все это должно означать, что Лупада-пленник добился в Лагаше расположения и даже сумел приобрести там земельную собственность. Следовательно, его не убили, не покалечили и не обратили в рабство. Похоже, что нечто подобное произошло и с «крупным торговцем» Хурсагшемахом, о чем будет сказано ниже. Поэтому не может быть и речи о том, что шумеры раннединастической поры вырезали всех своих пленников, о чем мы иногда читаем в литературе.¹²¹

Вслед за сообщением о победе над Уром и Уммой во все той же надписи Ур-Нанше говорится — причем тоже впервые — о том, что был насыпан холм трупов (IS.DU₆.KID₂) или несколько таких холмов. При тщательном отделении данных по одной военной кампании от данных, освещающих другую (включая возведение разного рода «полиандрий», или братских могил), можно заключить, что сражения происходили на различных местах и что Лагашу не пришлось противостоять объединенной армии враждебных городов.

Слово IS.DU₆.KID₂ все еще не поддается однозначному фонетическому прочтению. Насколько мне известно, в последний раз эта последовательность знаков засвидетельствована на обломке плана земельных участков из Гирсу (RTC 156), датируемого аккадской эпохой. «Холм трупов» находился на треугольном участке поля, стороны которого образовывали три канала. Он стоял на берегу самого южного из них. Поскольку названия каналов неизвестны, идентификация холма с одним из курганов, упоминаемых в досаргоновских надписях, равно как и его точная локализация, невозможна. Этот документ аккадского времени — последнее свидетельство употребления комбинации знаков IS.DU₆.KID₂. Таким образом, пока что неизвестно, продолжало ли данное обозначение такого типа захоронения существовать под другим написанием, или же оно исчезло вме-

¹²¹ См., например, *I. J. Gelb. Prisoners of War in Early Mesopotamia // JNES 32. 1973. P. 71—72.*

сте с погребальной традицией. Надпись заканчивается словами lu₂ Umma^{ki} («человек Уммы»). По мнению Дж. С. Купера,¹²² это либо воспроизведение подписи рядом с изображением этого персонажа на оригинальной стеле, либо началом незаконченной фразы.

Типичным образцом раннединастического искусства является вотивная плита. От одного Ур-Нанше до нас дошло 7 экземпляров этого вида памятников (Urn. 20-23; 41-43) в более или менее неприкосновенном виде. Меньшая из двух полностью сохранившихся плит изображает царя с молитвенно сложенными руками. Непосредственно за ним следует Анета — царский кравчий, титул которого мы узнаем не по надписи, а по носику кувшина, который он держит в руках. За преувеличенно огромной фигурой царя и маленькой фигуркой кравчего следуют еще четверо персонажей, расположенных в два ряда, один над другим. Приписка dumu («сын») добавлена лишь к имени Акургаль, престолонаследника. Две фигуры в верхнем ряду обозначены лишь по именам — Лугальэзем и Гула. То, что они сыновья Ур-Нанше, известно из другой посвяtitельной таблицы. Не совсем ясен статус Барагсагнуди, следующего за Акургалем в нижнем ряду, хотя понятно, что мы имеем дело с еще одним сыном Ур-Нанше. Имена всех изображенных персонажей вырезаны на ровной поверхности их юбок. Большая из двух плит, которые сохранились целиком (Илл. 6; Urn. 20), состоит из двух ярусов изображений. В верхнем ряду мы видим царя — он обращен направо и, в качестве богопослушного главного строителя, держит на голове корзину с глиной. Сразу за ним стоит уже известный нам кравчий Анета. Навстречу царю направляются пятеро его детей во главе с дочерью, Абдой, которая выделяется несколько большим ростом и женским платьем. За ней следует Акургаль (судя по носику кувшина, он выступает как кравчий) и трое остальных сыновей правителя. На нижнем поясе изображен восседающий на троне Ур-Нанше с поднятым кубком. Он расположен справа и обращен лицом налево. Прямо за ним стоит кравчий по имени sag-an-tuk или sag-dingir-tuk. К царю направляются трое сыновей, которых ведет Балул — главный заклинатель змей.

Обратимся теперь к большей из сохранившихся вотивных таблиц (Urn 22), примерно половина которой (середина и правая часть), к сожалению, утрачена. Фигуры на ней размещены в два яруса и обращены направо. На сохранившейся части нижнего яру-

¹²² J. S. Cooper. Sumerian and Akkadian... P. 25, прим. 7.

са изображены (справа налево): уже известный нам Анета-виночерпий, старший заклинатель змей Балул, наследник трона Акургаль и человек по имени Намазу с титулом *lu₂-dub-sar*. Значение *lu₂* пока что с трудом поддается объяснению, так как в старошумерское время этот знак еще не использовался в качестве детерминатива перед словами. Этот писец (или, возможно, представитель писца) также входил в окружение царя. В верхнем ярусе расположены в ряд справа налево: некто, обозначенный как «гарант» (половина его фигуры с надписанным именем утеряна), другие два сына правителя и, наконец, Хурсагшемах. Через плечо он перекинул шест, на котором несет сосуд. Такая композиция напоминает изображение «носителя мешков» или «помощника купца» (шумерское *šaman-la₂*, аккадское *šamallûm*), хотя сосуд здесь не похож по форме на сосуд — и соответствующий знак — *šagan*. Этот Хурсагшемах вполне может быть тем самым «крупным торговцем», что был захвачен Ур-Нанше на войне с Уммой. Впоследствии он вошел в доверие к правителю и присоединился к его ближайшему окружению. Судьба его не уникальна — она похожа на участь писца земельного реестра Лупады из Уммы, о котором уже говорилось. По votивным рельефам Ур-Нанше мы знакомимся с его большой семьей — дочерью и восьмью, или даже девятью, сыновьями. Жены правителя, Менбарагабсу, на них нет. Ее изображение и имя дошли до нас на еще неопубликованной стеле из Багдадского музея (Urn. 50). Возможно, когда Ур-Нанше приказал высечь рельефы, ее уже не было в живых.

Обилие дошедших до нас памятников свидетельствует об активной деятельности Ур-Нанше, а также о длительном сроке его правления. Похоже, что этот царь был неординарной личностью — память о нем сохранилась в будущих поколениях. Он входит в так называемый «Лагашский царский список» старовавилонского времени под собственным, правильно написанным, именем. Здесь ему приписывается возведение храма богини Нанше (Сирара) и строительство города Нимина, что, в случае Сирары, подтверждается и его собственными надписями. С другой стороны, согласно этому списку, он правил 1080 лет.

Единственные исторические личности, упоминаемые в большом гимне богине Нанше, который также восходит к старовавилонскому периоду,¹²³ — Ур-Нанше и Гудеа. Вот перевод строк 34–36:

¹²³ W. Heimpel. The Nanshe Hymn // JCS 33. 1981. P. 65—139.

«Разве она (богиня Нанше) не призвала жреца-*šenni* в священное сердце? Она позволила Ур-Нанше — владыке, любящему Лагаш, — утвердиться на постаменте трона. Пастырю вручила она высокий скипетр».

Здесь надо заметить, что последняя строка могла бы относиться и к Гудеа, о котором говорится непосредственно после этого. Должность жреца-*šenni* пока что не засвидетельствована в старошумерском Лагаше; самое раннее свидетельство об этой довольно редкой профессии встречается в надписи Урнингирсу, относящейся к новошумерской эпохе.

Акургаль

После Ур-Нанше Лагашем правил его сын Акургаль. Это имя выглядит столь же просто, сколь сложна его интерпретация. Вполне очевидно, что оно распадается на элементы *a* и *kur-gal*. Если исходить из того, что имя употреблено в полной форме (это возможно, но не доказано), то элемент *a* может иметь значения «отец» или «дом», но также и «потомок». Под *kur-gal* подразумевается, скорее всего, не эпитет Энлиля, а «Великая гора» шумерской космологии. Таким образом, имя правителя можно перевести как «Отец — Великая гора». С другой стороны, если видеть близкую параллель в именах типа *absu-kur-gal*, возможен перевод «Дом — Великая гора».

В отличие от отца, Акургаль предстает перед нами как бледная фигура. Поскольку Ур-Нанше правил очень долго, его сын вступил на престол в довольно солидном возрасте. Правил он недолго. В Телло обнаружены 6 гипсовых львов. Надписи на статуях 2-6 стерты, хотя на них не могло быть никакого текста, отличного от того, которым покрыта первая фигура. Акургаль сообщает здесь о постройке храма бога Нин-Гирсу — Антасуры. Там и должны были быть установлены декоративные фигуры львов. Надпись на обожженном кирпиче, обнаруженная при раскопках в аль-Хибе (Лагаш), содержит лишь имя и титул градоправителя Лагаша — остальное не сохранилось.

Эанатум, сын и преемник Акургаля, сообщает в начале надписи на «Стеле коршунов» о нем и его отношениях с соседним государством Уммой. В этих отношениях Акургалю не сопутствовала удача, и он потерял местность Гуэдена (или ее значительную часть), которую Эанатуму пришлось отвоевывать. Из-за большой лакуны в самом начале текста стелы полную картину происшедшего восстановить

невозможно. Так называемый «Лагашский царский список», историческая ценность которого вызывает сомнения, больше ничего об Акургале не сообщает.

Эанатум

После Акургала престол занял его сын Эанатум. Ни один из лагашских правителей не оставил столь многочисленных сообщений о военных походах, как он. Воинственный бог Нин-Гирсу практически назначил его исполнителем своей воли (к этому статусу сына божества мы еще вернемся), и, после того, как сам Нин-Гирсу явился ему во сне (как позже он явится Гудеа, чтобы побудить того к строительству храма Энинну) и поручил сражаться с неприятельскими землями (Ean. 1 VI 25 — VI 11), царь взялся за эту задачу с огромным рвением. Он именуется «(тот, кто) для Нин-Гирсу все земли уничтожает» (Ean. 1 XI 12–23), а также — особенно часто — *kur-gu₂-gar-gar* Нин-Гирсу, т. е. «(тот, кто) для Нин-Гирсу все земли подчиняет» (Ean. 1 обратн. V 56 — VI 1 и выше). Умма, которая вторглась в Гуэдону и значительно продвинулась вглубь, в результате чего была повергнута стела, установленная Месалимом, получила отпор, а сам город был разрушен. Как бы в ответ на это разгромленные правители стали убивать жителей собственного города.

Эанатум также воевал против Ура, Урука и Киуту («Место [бога] солнца»), и разгромил их. Кроме того, он выступил против коалиции Киш-Акшак-Мари и одержал победу. В результате богиня Инана пожаловала ему в знак своей любви титулы правителя Лагаша и царя Киша. Борьбу с правителем Киша Эанатум также велел запечатлеть на «Стеле коршунов» — она изображена на самом нижнем ярусе обратной стороны. Вписанное в картуш имя кишского властителя восстанавливается как Кальбум, что весьма сомнительно. Впоследствии Акшак восстал под руководством царя по имени Сусу (или Зузу; в царском списке не числится), но был вновь разгромлен и вдобавок разрушен. Эанатум продвинулся намного дальше, чем кто-либо из правителей Лагаша до и после него. Завоевав Акшак, он оказался в среднем течении Тигра и оттуда, по всей видимости, нанес удар по северо-восточным районам Субарту, на территории будущей Ассирии (впрочем, чтение соответствующей строки не совсем однозначно).

Сражался Эанатум и с государствами к востоку от Месопотамии. Надо было выдворить за ее пределы эламитов. Элам определенно обозначается как «горная страна»; поэтому не следует ото-

ждествлять его с низменностью Сузианы. Помимо Элама он разгромил города Адуа, Сузы, URUXA (чтение неясно) и ugu-az («Город медведей?»). При этом Адуа и Уруаз были разрушены, а правитель «Города медведей» убит. Относительно URUXA сообщается, что Эанатум разгромил этот город, хотя его правитель установил на высоком шесте городскую эмблему (šū-nir). Поднятие подобного штандарта рассматривалось в древности как акт магической защиты. Штайбле согласен с такой трактовкой; он сопоставляет этот момент с похожим местом из надписи Гудеа (цилиндр А).¹²⁴ Там говорится, что из *имруа* (групп или кланов) трех божеств — Нин-Гирсу, Нанше и Инаны — были привлечены бригады работников для строительства храма Энинну. При этом каждый отряд «имруа» был представлен соответствующим символически штандартом. Поэтому мы даем следующий вольный перевод:

«Хотя энси города URUXA провел всеобщую мобилизацию, Эанатум его все же разбил».

Если современная локализация верна, самым удаленным от Гирсу пунктом, которого достиг Эанатум, стал восток Элама, где он разорил Мишиме. Вспоминаются известные исключительно по эпосу походы Урука периода РД II против Аратты — возможно, в надписи Эанатума сообщается о тех же местах.

Наиболее известный памятник Эанатума (а может быть и знаменитейший памятник искусства всей эпохи в целом) — «Стела коршунов» (Илл. 7) также украшена сценами войны и победы. В Телло обнаружено семь фрагментов стелы. Они составляют примерно 1/3 ее первоначальной величины. Рельеф на лицевой стороне стелы изображает победоносного бога Нин-Гирсу, поймавшего врагов в огромную боевую сеть. То, что здесь изображен бог видно уже потому, что его фигура во много раз превосходит размерами крохотные тела противников, хотя выше бровей изображение головы, к сожалению, утрачено, так что рогатая корона божества, которая по идее должна венчать его, не видна. В правой руке длиннородый бог держит палицу — возможно, ту самую, что имеет собственное имя (Шаргаз или Шарур), — а в левой сжимает «застежку» или замок сети, выполненный в виде мифической птицы Анзу(д). Когти птицы впиваются в спины двух сросшихся львов, головы которых обращены в обратные стороны. За старшим богом следует божество

¹²⁴ H. Steible. Die altsumerischen... (II) S. 64—65.

из его свиты; от него осталась лишь голова. Это знаменосец в простом рогатом венце типа так называемой «короны идолов». Древко стандарта венчает схематичное изображение птицы Анзу. От яруса с изображениями, находившегося непосредственно под главной сценой, осталось очень немного. Видна передняя часть боевой колесницы (вероятно, четырехколесной), с которой сошел Нин-Гирсу, а спереди от нее, правее, — голова божественного возницы. На нем также «корона идолов».

Задняя сторона состояла, по меньшей мере, из четырех рядов изображений. Вслед за миром богов, на ней были представлены — в стилизованном и гипертрофированном виде — земные сцены. В верхней части Эанатум, пешком и во главе фаланги тяжеловооруженной пехоты, преследует разгромленного врага. Сохранилась лишь левая часть этой сцены. Разлом проходит прямо по фигуре царя; лицо и левая рука утрачены. На голове у Эанатума шлем, а в правой руке — кривой меч. Одет он в юбку, украшенную рядами бахромы, с шерстяной накидкой поверх. При этом он бос, как и следующие за ним воины, попирающие поверженных врагов — обнаженных и бритоголовых. Враги, запутавшиеся в сети Нин-Гирсу на лицевой стороне стелы, тоже представлены голыми и безволосыми. На воинах шлемы, они прикрываются большими прямоугольными щитами с металлическими бляхами, а вооружены копьями и топорами на длинных рукоятках. Перед войском летят коршуны, которые уносят добычу — отрубленные головы, руки и ноги погибших. Как известно, именно этому фрагменту стела обязана своим современным названием.

На следующем снизу регистре изображено войско на марше. В авангарде на четырехколесной боевой колеснице едет Эанатум. В правой руке у него опять-таки искривленный меч, а в левой — длинное копьё, которым он замахивается. Позади него в колеснице стоит возница, чья фигура почти полностью разрушена: осталась лишь правая рука, сжимающая копьё. За колесницей шествует отряд воинов в юбках с бахромой, без щитов, с копьями и топорами на плече. На следующем фризе изображены сложенные горой трупы и жертвоприношение в честь павших воинов.

На ярусе непосредственно снизу видна рука с копьём (она несомненно принадлежит правителю Лагаша), занесенным над группой вражеских воинов и направленным на голову царя-противника. Полуразрушенная надпись содержит его имя и титул. Изображенный здесь персонаж — царь Киша. От его имени сохранился лишь знак AL.

Надпись почти полностью покрывает как фон, так и разделительные полосы между индивидуальными сценами. Ее понимание весьма затруднено многочисленными лакунами. Многое удается восстановить в ее второй части, поскольку один и тот же отрывок повторяется шесть раз почти слово в слово. Сильно пострадавшее начало надписи излагало, насколько можно судить по оставшимся фразам и параллельным местам из хорошо сохранившегося глиняного цилиндра Энметены (строки 28—29), лагашскую версию предыстории конфликта с Уммой — по меньшей мере с момента проведения границы Месалимом до правления отца Эанатума, Акургаля. Далее следует рассказ о том, как Эанатума был зачат Нин-Гирсу, о божественном рождении правителя и о передаче ему богом царской власти над Лагашем. Эанатум посылает в Умму нечто вроде ноты. В конечном счете Нин-Гирсу повелевает Лагашу идти на Умму войной. Эанатум выполняет божественное поручение и наносит неприятельскому городу поражение. В бою он ранен стрелой. Царь обламывает стрелу, но глубоко засевший наконечник вызывает воспаление. На этом текст обрывается. Эанатум отвоевал поля, уступленные Умме его предшественниками, — их названия перечисляются в надписи с бухгалтерской дотошностью. Кроме того, как известно из других независимых источников, он доставил пограничную стелу Месалима на старое место и вновь установил ее там. Однако на поля, издавна принадлежавшие Умме, он не покусился. Эанатум также поставил вдоль границы новые стелы. Разгромленного правителя Уммы он заставил принести клятву на великой ловчей сети богов и богинь (Энлиля, Нинхурсаг [или Нинхурсаги], Энки, Суэна и Уту) и на каком-то, к сожалению неясном, культовом символе богини Нинки. Тот поклялся, что впредь будет соблюдать границу, не станет больше выкапывать установленные вдоль нее стелы, перекапывать дамбы и менять русла каналов, а также будет регулярно выплачивать ренту за пользование оставшимися ему полями. В знак того, что он исполнит клятву и просит о наказании в случае если правитель Уммы нарушит принесенные обещания, Эанатум сообщает богам, что выделит главному храму каждого из божеств по два голубя с глазами, обведенными сурьмой и головами, помазанными кедровым маслом. Подобным же образом бродящий в горах Лугальбанда в одноименном эпосе украшает неоперившегося птенца птицы Анзуд, желая добиться расположения взрослой птицы (С. Wilcke. *Das Lugalbandaepos*. Wiesbaden. 1969. 96:58–60; cf. 100:94–96). Правда, в данном случае, украшение птенца и связан-

ные с ним обильные приношения «входят в стоимость» божеских почестей, льстиво оказанных Лугальбандой птице Анзуд. Далее следует список деяний Эанатума. В заключение сообщается название стелы и говорится о месте ее установки.

В надписи на «Стеле коршунов» были впервые выражены две идеи, на которых не помещает остановиться подробнее. Эанатум стал первым лагашским правителем, упоминающим свой статус сына божества. Свое божественное рождение он описывает обстоятельно — как никто из последующих царей Лагаша (Ean. 1 IV 9 — V 12). Бог Нин-Гирсу «зачал» царя и «радовался» его появлению на свет. Правда, текст можно прочесть и по-другому: «она (т. е. его мать) ему радовалась». Дело в том, что отрывок между этими двумя сообщениями, где описывалось собственно рождение царя и — что еще важнее — называлось имя его божественной матери, был утерян. Т. Якобсен считал, что имя матери следует восстанавливать как Нинхурсаг.¹²⁵ Однако здесь можно возразить, что нет никаких указаний, что Нинхурсага когда-либо считалась супругой бога Нин-Гирсу. В культе лагашского государства она не играла никакой роли, а по контексту, в котором она упоминается в надписях из Гирсу, можно заключить, что здесь она считалась супругой Энлиля. Несколькими строками ниже она появляется в другой роли. Об этом сейчас и пойдет речь. По наиболее правдоподобной реконструкции текста, предложенной еще О. В. Шёбергом,¹²⁶ имя жены Нин-Гирсу надо читать Бау. В своей гипотезе Шёберг опирался на памятники позднейших правителей Лагаша — Лугальанды и Уруинимгины; оба именовали Бау своей матерью (Lug. 15; Ukg. 42).

Далее Инана идет с новорожденным «на сторону» (?) и дает ему имя «Для (храма) Эаны (богини) Инаны из Ибгаля он пригоден» (Эана-Инана-Ибгалакакакатум). Она сажает его Нинхурсаге на правое колено, играя тем самым роль акушерки, *šag₄-zu*. Нинхурсага прикладывает ребенка к груди — она кормилица новорожденного царя. Символизировали ли последние два действия принятие ребенка у шумеров, наверняка сказать трудно. Радуюсь появлению зачатого им ребенка, Нин-Гирсу измеряет его рост. Результат этих замеров совершенно фантастичен: пять локтей и одна пядь, что дает примерно 2,73 м.

¹²⁵ Th. Jacobsen. Parerga Sumerologica // JNES 2. 1943. P. 120—121.

¹²⁶ Å. W. Sjöberg. Die göttliche Abstammung der sumerisch-babylonische Herrscher // OrSuec 21. 1972. S. 89.

С Эанатума для нас начинается череда «божьих сынов» на лагашском престоле. Его брат и преемник Энанатум I называет своим божественным отцом божество по имени *Lugal-URU×GAN₂/tenū*, а имени его божественной матери мы не знаем. Сын и наследник Энанатума I, Энметена, именуется «родным сыном богини Гатумдуг» (Ent. 25, 9-10), а также, подобно отцу, «родным сыном (бога) *Lugal-URU×GAN₂/tenū*» (Ent. 35 II 6-7), хотя Гатумдуг и вышеназванный бог не считались в данный период времени супружеской парой, насколько можно судить по надежным письменным свидетельствам.

От Энанатума II и Энентарзи, который был в первую очередь жрецом Нин-Гирсу, сообщений подобного рода не сохранилось. Сын Энентарзи, Лугальбанда, величал себя, как уже говорилось, «родным сыном (богини) Бау». Подобное же утверждается на одной из так называемых «глиняных оливок», из которой можно понять, что богиня была и матерью Уруинимгины.

Двести лет спустя Гудеа произносит перед Гатумдуг молитву:

«У меня нет матери — ты моя мать, у меня нет отца — ты мой отец; мое семя ты приняла и в святая святых меня родила. (О) Гатумдуг, твое чистое имя сладостно!» (цилиндр A III 6-9).

За пределами Лагаша раннединастические правители также претендовали на божественное происхождение. Так, Месалим Кишский именуется «возлюбленным сыном богини Нинхурсаги» (Mes. 3, 3-4), а богиня Нисаба(к) названа в надписях Уруинимгины личной богиней-хранительницей Лугальзагеси, правителя Уммы (Ukg. 16 VIII 11 — IX 1). Сам же Лугальзагеси называет себя «родным сыном Нисабы» (Luzag. 1 I 26-27).

Восстанавливая имя божественной матери Энметены как Нинхурсага, Т. Якобсен опирался не только на то, что новорожденный царь сидел на коленях у богини и сосал ее грудь (мы это интерпретировали иначе — как действия кормилицы), но и на более поздний отрывок из «Стелы коршунов», где Эанатум обращается к Нинхурсаге «моя мать» (Ean. 1 XVIII 8-9). Притяжательный суффикс, по правде сказать, не сохранился, но на основании параллельных мест смысл восстанавливается однозначно. Возникшее здесь противоречие разрешимо следующим образом: среди богинь родной матерью Эанатум считал Бау, а в Нинхурсаге видел приемную мать. В одной из своих надписей родной матерью именуется Бау и Лугальбанда, что впрочем не помешало ему назвать одну из собственных статуй «Нанше — мать Лугальбанды» (Nik 23 XI 4).

Вопрос о божественном происхождении позднейших правителей еще запутанней. Наиболее простым выходом представляется допустить наличие отношений не мать—сын, но мачеха—пасынок. В молитве богине Гатумдуг Гудеа говорит, что та родила его в святая святых, но несколькими строками ниже, всё в той же молитве, выражение «моя мать» употребляется уже по отношению к Нанше (цилиндр А III 25). Этому вполне соответствует эпизод, в котором, выслушав в храме Сирара изложение сна Гудеа, «правителю отвечала мать его Нанше» (цилиндр А V 11). Но это еще не всё — в цилиндре В (XXIII 19-21)¹²⁷ Гудеа указывает в качестве матери богиню Нинсуну (или Нинсун). В качестве божественного отца Гудеа фигурирует Нингишзида, который является и богом-защитником правителя (цилиндр В XXIV 7). При этом нет ни твердых указаний, ни даже вероятности, что Нингишзида когда-либо считался супругом одной из трех сверхъестественных «матерей» Гудеа.

Столь же непростыми родственными связями известен и урский царь Шульги. Он слыл сыном двух божественных чет (Энлиля и Нинлиль, Нанны и Нингаль), а заодно — отпрыском небесного бога Ана.¹²⁸ Материалы о Шульги и других царях III династии Ура и старовавилонского времени собрал в своей только что упоминавшейся статье О. В. Шёберг.¹²⁹ Он же предложил свое решение этой проблемы, по крайней мере для новошумерского периода. Из административных документов известно, что Шульги короновался несколько раз, а именно в Уре, Уруке и Нишпуре. В соответствии с обычаем, при коронации в каждом городе царь объявляется сыном местной четы верховных божеств. Т. Якобсен справедливо видел в этой практике пережиток тех времен, когда Ур и Урук были еще независимыми государствами.¹³⁰

Подобная картина наблюдалась и внутри лагашского государства — в нем объединились три крупных города, бывшие некогда центрами самостоятельных политических образований. Усилия правителя, направленные на то, чтобы его признали сыном местного верховного божества могли когда-то иметь большее значение, так как осуществлялись ради сохранения союза. Однако эта модель не в состоянии объяснить, почему при отдельных правителях воз-

¹²⁷ F. Carroué. La Situation Chronologique de Lagaš II. Un Élément du Dossier // ASJ 16. 1994. P. 70.

¹²⁸ Å. W. Sjöberg. Die göttliche... S. 94.

¹²⁹ Ibidem, P. 87—112.

¹³⁰ Th. Jacobsen. The Reign of Ibbi-Suen // JCS 7, 1953, P. 36, прим. 2.

никали различные отклонения от этого обычая. Например, невозможно понять, почему не все цари считались сыновьями Нин-Гирсу.

Есть еще одно новшество Эанатума, породившее длинную череду подражаний. В соответствии с восьмью эпитетами, построенными по единому шаблону, царь устанавливает отношения с таким же количеством богов. Ближе к концу надписи на «Стеле коршунов» (Ean. 1 об. V 42 — VI 9) мы читаем:

«Эанатум, правитель Лагаша, получивший мощь от Энлиля, вскормленный добрым молоком Нинхурсаги, названный добрым именем Инаной, получивший мудрость от Энки, призванный в сердце (богиней) Нанше, могучей владычицей (или: „владычицей тихих вод“),¹³¹ подчинивший (с помощью) Нин-Гирсу все чужеземные страны, любимый Думузидабсу, названный по имени Хендурсагой, любимый друг (бога) Lugal-URU×GAN₂/tenû, возлюбленного супруга Инаны».

В одном ряду с Энлилем и Нинхурсагой в начале стоит божественная чета, еще не располагавшая тогда собственным культовым центром в государстве Лагаш. Следующие за ними шестеро богов либо давно располагали собственными храмами в пределах лагашского государства, либо принадлежали к изначальному пантеону Лагаша. Дары, приписываемые тем или иным богам в надписях правителей I династии Лагаша, претерпевают лишь незначительные изменения, поскольку они тесно связаны с характером божества: так, мудрость исходит от Энки, а кормление грудью ассоциируется с богиней-матерью (или мачехой) Нинхурсагой. Число эпитетов царя, связанных с богами, вполне могло сокращаться. Так, в надписях Уруинмгины их вообще нет — здесь он тоже оказался новатором. Это вовсе не означает, что с данной традицией было покончено: эпитеты вновь всплывают в текстах Гудеа. В надписи на статуе В их опять восемь, а на статуе D — семь. Можно сказать с определенностью, что эти эпитеты свидетельствовали о законности правителя, о том, что его признавали на собственной территории и вне ее. С другой стороны, неизвестно, как правитель добивался этого признания, какие деяния были необходимы для этого с его стороны, и какими обрядами реагировало на это жречество.

¹³¹ *M. Civil. The Statue of Šulgi-ki-ur₅-sag₉-kalam-ma. Part One: The Inscription* // FS Sjöberg. OPSNKF 11. Philadelphia. 1989. P. 55.

При взгляде на строительную деятельность Эанатума возникает куда менее яркая картина, чем та, что характеризовала правление его деда Ур-Нанше. Указания Эанатума на то, что для Нин-Гирсу он построил Гирсу, а для Нанше — Нимин, звучат слишком общо (Ean. 2; 3/4; 11). Подобных формул нет ни у предшественников, ни и у преемников правителя. Не скрывается ли за этими скупыми фразами то, что из-за постоянных походов и усилий, затраченных на отвоевание и удержание лагашских территорий, ему почти не оставалось времени для возведения храмов? А может быть при его неудачливом предшественнике Акургале войска Уммы вторглись вглубь лагашской территории и причинили там такие разрушения, что Эанатуму и впрямь пришлось отстраивать оба города заново? Он также реконструировал «дворец» (e₂-gal) Нин-Гирсу под названием Тирас/ш (Ean. 2; 5) и храм Гатумдуг (Ean. 62). Раскопанный в аль-Хибе обломок каменного сосуда (Ean. 69) сообщает о возведении из серебра и лазурита некоего сооружения, называемого e₂-za. Это, конечно, не буквализм, а хорошо известное образное выражение, описывающее совокупность дорогого убранства здания, вероятнее всего — внутреннего. В здании имелся склад (ganun), куда по приказу Эанатума ссыпали зерно. Можно предположить, что обе постройки являлись частями комплекса Багары.

Забота об обороне вполне естественна для столь воинственного царя как Эанатум. Он укрепил городскую стену в «Священном городе» (Ean. 2; 3/4) и в Лагаше (Ean. 3/4), для которого он также собрал отряд охраны.

Царь приказал выкопать новый канал, который он назвал lum-ta-gim-dug₃ («хороший как Лумма») и оборудовал водохранилищем. Его емкость составляла от 3600 гур до 2 единиц UL (Ean. 2 VII 12), т. е. 218 гектолитров. На первый взгляд это круглое число вызывает недоверие, хотя Энметена, реконструировавший или, возможно, завершивший впоследствии канал и водохранилище, указывает объем в 1840 «главных гуров» (Ent. 35 IV 5), т. е. около 223 гектолитров, что лишь ненамного больше, чем при его предшественнике.

Наконец, Эанатум также приказал вырыть во дворе храма Нин-Гирсу, Энинну, еще один колодец и выложить его обожженным кирпичом (Ean. 22).

Один фрагмент из текстов Эанатума неоднократно привлекал внимание исследователей. Это отрывок, в котором он говорится о

его двойном имени (Ean. 2 V 9–19). В переводе Х. Штайбле¹³² он звучит следующим образом:

«Тогда (имеется ввиду после победы над мятежным царем Акшака Сусу [или Зузу]) Эанатум, чье собственное имя Эанатум и чье имя-tidnum Лумма, для Нин-Гирсу новый канал выкопал, (а Нин-Гирсу) его именем Луммагимду нарек».

О том, что правитель мог носить несколько имен (если не одновременно, то, по крайней мере, одно после другого) мы знаем из одного фрагмента старовавилонской эпохи, в котором, вероятно описывается восшествие царя на престол в Уруке. Судя по узким колонкам, это копия новошумерского ритуального текста. Интересующий нас отрывок звучит так (PBS 5, 76 VII 21–26):

«После того, как она (богиня Нингидру) имя его детства велела ему оставить, она не нарекла его именем его жертвы burgia, она нарекла его именем его царственности (букв. „энства“»).

Таким образом, похоже, что царь отказывался от имени, которое носил в детстве и получал взамен тронное имя. Более того, судя по уже цитированному отрывку Эанатума, видно, что у царя могло быть и два имени одновременно. При этом «Эанатум» — краткая форма «доброе» имени, дарованного ему Инаной. Полная форма имени переводится: «Для (храма) Эана (богини) Инаны из Ибгаля он пригоден» (Ean. 1 V 26–28). Имя LUM-та, чтение которого еще подлежит окончательному уточнению, относится к одному из божеств низшего ранга и пишется с детерминативом божественности довольно редко. Помимо этого, LUM-та является краткой формой имени собственного, а также составной частью целого ряда имен как в лагашском государстве, так и за его пределами. Это имя носил, к примеру, правитель Адаба досаргоновой поры.

Определяющее имя царя слово tidnum было впервые изучено А. Пёбелем. Затем им занимались Д. О. Эдцард и Э. Солльберже, чью интерпретацию развил Х. Штайбле.¹³³ Объяснение сводится к тому, что LUM-та могло быть именем Эанатума среди наемников, завербованных из числа кочевников-диданов (tidnum). Между тем, Д. О. Эдцард все-таки считает столь раннее появление этого кочевого племени анахронизмом. Данная гипотеза представлялась уме-

¹³² H. Steible. Die Altsumerischen... (I). S. 149.

¹³³ H. Steible. Die Altsumerischen... (II). S. 67; H. Behrens, H. Steible. Glossar... S. 332.

стной в то время, когда влияние семитских элементов на шумерский юг рассматриваемого периода несколько переоценивали.

Пытаясь интерпретировать второе имя Эанатума, Т. Якобсен и Г. Штайнер пошли другими путями. Т. Якобсен прочел sdвоенный знак ANŠE не как tidnum, а как gir₃-gir₃, увидев в нем «боевое имя» (*battle name*).¹³⁴ Штайнер же читал эту комбинацию ne₃-ne₃ и переводил ее как «мощь».¹³⁵ Ни одно из этих двух чтений нельзя считать полностью убедительным. Единственное, что можно здесь предложить — не пытаться непременно искать за написанием ANŠE.ANŠE какой-то этноним. Вернемся еще раз к процедуре наречения имен. Имя Эанатум, как уже говорилось, царь получил от богини Инаны. Однако Инана — не единственное божество, наделившее Эанатума именем. Он был наречен четырьмя богами. Кроме Инаны в этом участвовали Энлиль, Хендурсага и Нин-Гирсу. В контексте отрывка Ean. 2 можно предположить, что LUM-ma — имя, полученное царем от Нин-Гирсу (или краткая форма этого имени). От Инаны Эанатум получил вполне хорошее шумерское имя. Зачем же тогда кто-то из остальных трех богов наградил его еще одним прозвищем — нешумерским, некадским (и вообще несемитским)? К значению божественного имени Лумма мы еще вернемся в связи с другой проблематикой.

Хотя Эанатум был весьма значительной фигурой, в памяти потомков он запечатлелся довольно нечетко. Образы правителя и его потомков слились в представлении последующих поколений в некоего «Анетума». Об этом Анетуме «Лагашский царский список» сообщает, что он был сыном Ур-Нанше и правил 690 лет. Ни то, ни другое, естественно, не соответствует истине. Богом-покровителем Анетума назван Шулутуль, что верно — этот бог был хранителем всех энси I династии Лагаша, возводивших себя к Ур-Нанше. Деяния, приписываемые Анетуму, пока что переводу не поддаются.

Энанатум I

Преемником Эанатума стал не сын, а, скорее всего, младший брат этого правителя — Энанатум I. Почему престол был унаследован братом, не ясно. Кто была жена Эанатума, были ли у него сыновья (и если да, то сколько), достигли ли они достаточно зрелого возраста

¹³⁴ Th. Jacobsen. Early Political Development in Mesopotamia // ZA 52. 1957. P. 131—132, прим. 6.

¹³⁵ G. Steiner. Zwei Namen Eannatums oder Jahresnamen? // WO 8, 1975—76, S. 11—13.

в момент его смерти, чтобы взять на себя управление государством — всего этого мы не знаем. Очевидным первейшим долгом для каждого царя Лагаша было внести свой вклад в сохранение и украшение главного храма Нин-Гирсу — Энинну. Поэтому Энанатум I приказал доставить из горной местности белый кедр, из которого для Энинну соорудили нечто, именуемое дословно «покрытие головы» (в применении к вооружению война этот же термин означает «шлем»). Была ли это какая-то часть кровли или что-либо иное — неясно. Вдобавок, он украсил храм двумя львами-стражами из дерева «халуб» (скорее всего, ива). Такие фигуры называются пошумерски i_3-du_8 , «привратник».

Энанатум также приступил к реконструкции Дургу — еще одного святилища Нин-Гирсу. Эти работы, видимо, были завершены только при его сыне и наследнике Энметене. Особым расположением царя пользовался бог $Lugal-URU \times GAN_2 / ten\dot{u}$. Энанатум называл себя родным сыном этого божества; царь считал, что именно ему он обязан царским титулом, а также победой над Уммой и ее союзниками. Он пишет, что отдал чужие земли в руки бога, а мятежные страны положил к его ногам (En. I 33 II 3 — III 8). Царь отблагодарил бога за явленную милость, построив для него в городе $URU \times GAN_2 / ten\dot{u}$ святилище под названием «Дворец» (e_2-gal), которое он украсил золотом и серебром (En. I. 29). Напомним в связи с этим, что термин «дворец» в досаргоновском Лагаше очевидно обозначал определенный тип крупных построек, а вовсе не обязательно резиденцию царя. Для «Дворца» Энанатум построил вместительный амбар ($ganun-mah$). В городе $URU \times GAN_2 / ten\dot{u}$ он также соорудил водохранилище из обожженного кирпича (En. I. 33). Позаботился он и о регулярном обеспечении бога всем необходимым (En. I. 23).

Однако самым крупномасштабным архитектурным замыслом правителя стала реконструкция Ибгаля — храма Инаны лагашской. Энанатум отстроил храм «выше всех гор», украсив его золотом и серебром. Один из сыновей правителя, Лумматур, а также трое высокопоставленных должностных лиц внесли личный вклад в украшение святилища, о чем сообщают в надписях на глиняных гвоздях, оставленных ими в его стене. Подобная практика является для Лагаша новшеством (En. I. 10; 28; 30; 32?).

Помимо этого, царь реконструировал храм богини Амагештинаны в Сагубе, для которого он также вырыл колодец, стены которого обложил кирпичом; святилище Ниндары, супруга богини Нанше,

расположенное либо в Нимине, либо в Киэсе; а также «дворец» бога Хендурсаги (иначе: Хендурсага) в «священном городе».

Надписи Энанатума I содержат еще кое-что интересное относительно его строительных мероприятий. В частности, в них говорится о сооружении городской стены (En. I. 33), важного храма для некоей божественной четы, чьи имена не сохранились (En. I. 29) и еще одного-двух колодцев, которые в настоящее время локализовать невозможно в силу плохой сохранности соответствующей части надписи. Всего за Энанатумом I числятся 36 надписей. Если вычесть отсюда дубликаты, а также надписи, составленные по поручению его жены, сыновей и высокопоставленных чиновников, останется лишь 11 текстов (причем, часть их сохранилась довольно плохо), которые почти не дополняют друг друга. Это тем более прискорбно, что одна из этих надписей (на обломке статуи; En. I. 23) повествует о стадах скота, которые царь, видимо, передает храму Амагештиннаны. Данный пассаж интересен тем, что он почти дословно повторяется в одной из надписей Гудеа (Статуя F III 12 — IV 13).

Наиболее содержательная надпись Энанатума I была обнаружена в ходе американских раскопок аль-Хибы в 1970/71 (En. I. 29). Текст находится на глиняной табличке, которая, как и большинство прочих надписей, сохранилась не полностью. Текст адресован главному посланцу Абсу (Абзу) — богу Хендурсаге. Речь идет прежде всего об уже упоминавшемся строительстве «дворца» (e₂-gal) для этого бога в Урукуге — «священном граде». Перечислив еще несколько храмов, возведенных по приказу правителя, текст переходит к описанию исторических событий. Клятва, которую принес Энанатуму правитель Уммы (вероятно Энакале), была вскоре нарушена, несмотря на всех богов, призванных в свидетели, и все кары, уготованные нарушителям. Уже преемник разбитого правителя Уммы, Ур-Лумма, вновь переходит границы лагашского государства и оккупирует значительную территорию до «Холма черного пса»; более того — он претендует на все лагашские земли вплоть до Антасуры, святилища бога Нин-Гирсу. Последний даже упрекает Ур-Лумму в том, что он проник внутрь храма и приказывает Энанатуму нанести ответный удар. После этого царь оттесняет противника к пограничному рву Нин-Гирсу, несмотря на то, что правитель Уммы прибег к помощи иноземных наемников (здесь впервые упоминается о наемничестве). Об этой военной операции Энанатум сообщает в двух интересных фразах. Если принять толкование Р. Д. Биггза, который считает, что употребленная в тексте форма a-ba-ne₂-še₃ сто-

ит вместо стандартной $a-ga-ne_2-še_3$ (букв. «за его спиной»),¹³⁶ то первую фразу можно перевести следующим образом: «До KID₂ канала Луммагирнунта он (Энанатум) гнался за ним (Ур-Луммой)». Использование формы /aba/, где вместо нормативного /g/ стоит /b/, — типичная черта фонетики диалекта эмесаль. Вторая фраза упоминает некое одеяние ($tug_2-nig_2-ba-ga$) и завершается глагольной формой $mu-ši-si$. В контексте, подразумевающим одежду, глагол si употребляется в основном в значении «наполнять». Однако у него есть и значение «срывать (одежду)», как справедливо отмечает Х. Штайбле в комментарии к данному месту, которое он оставляет без перевода. Вспомним, к примеру, строку 275 из шумерского эпоса, условно называемого «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир». Здесь Гильгамеш спрашивает Энкиду о различной участи умерших в подземном царстве и, в частности, задает вопрос: «Отрока юного, кто с лона супруги не срывал одежды, видел?» и т. д.¹³⁷ Шумерский глагол, употребленный в данном случае для передачи понятия «срывать (одежду)» — si . Если мы примем для обсуждаемого фрагмента именно это толкование глагола, получается примерно следующее: «Он (Энанатум) (действительно) сорвал (при этом) его (Ур-Луммы) верхнюю одежду (?)». Надо полагать, Энанатум преследовал бегущего врага по пятам и чуть было не захватил его.

В этой надписи Нин-Гирсу называет Энанатума «муж сильный мой» ($nitah-kalag-ga-mu$). Здесь впервые встречается данное словосочетание, которое цари III династии Ура включают в свою титулатуру и которому будет соответствовать аккадское $\dot{s}arru dannu$, «царь могучий».

Достойна внимания и заключительная часть надписи. За сообщением о победе и описанием преследования Ур-Луммы следует фраза: «Энанатум — муж, который храм Хендурсаги построил; бог его — Шулутуль». Это предложение завершает колонку XI нашей таблички. Колонка XII текста не содержит. На последней, тринадцатой, колонке виден текст колофона, прочесть который трудно из-за множества повреждений. Тем не менее, можно с определенностью утверждать, что на табличку текст был скопирован — скорее всего, с медного цоколя эмблемы бога Хендурсаги. Произошло это уже при

¹³⁶ R. D. Biggs. Enannatum I of Lagash and Ur-Lumma of Umma — A New Text // FS Kramer, AOAT 25. Nukirchen-Vluyn. 1976. P. 40.

¹³⁷ Дается в переводе В. К. Афанасьевой: От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997, С. 224.

Энметене. Речь здесь идет о том, что один из чиновников на службе у Энметены нечто возмещает. Наконец, последняя строка могла содержать имя собственное — видимо, имя переписчика копии.

Если не считать нескольких частных посвячительных даров, относящихся к ранним фазам лагашской истории, до сих пор лишь один правитель мог составлять строительные и посвячительные надписи от своего имени. Теперь же, наряду с родными правителя — женой и сыновьями — свои имена увековечивают в собственных надписях и его высшие служащие. Так, один из сыновей царя, Меанеси, посвятил свою статую богу Хендурсаге ради жизни отца, матери с своей собственной, а «визирь» (sukal) Баракиба посвятил богу Нин-Гирсу известняковую палицу ради жизни царя. Оба случая имеют прецеденты. Однако встречаются и новые явления: например, другой сын царя Лумматур и еще ряд лиц (старший цирюльник Шунеальдугуд, занимавший также должность инспектора «внутреннего дома», писец «внутреннего дома» Иддусикиль и некий чиновник, оставшийся безымянным по причине сильно поврежденной надписи) принимают участие в украшении Ибгаля — храма Инаны. Их надписи на глиняных конусах (или «гвоздях») первым делом упоминают о достижениях царя-строителя и лишь затем указывают их собственные заслуги. Первоначально эти «гвозди» были замурованы в стену храма. В этой связи сбивает с толку огромное количество дубликатов «гвоздей», надписанных Лумматуром — пока что известно тридцать экземпляров. Также озадачивает их широкое распространение: кроме Лагаша, для которого они предназначались, их находят также в Нимине и Урукке. Найти этому сколько-нибудь правдоподобное объяснение трудно.

Вклад вышеназванных лиц в украшение храма состоял в изготовлении одного или нескольких предметов под названием КИВ. Х. Штайбле считает, видимо ошибочно, что термин КИВ относится как раз к вышеупомянутому глиняным «гвоздям».¹³⁸ Дело в том, что из юридических документов рассматриваемой эпохи известно, что при продаже дома сделка фиксировалась на глиняном «гвозде», который затем замуровывался в стену продаваемого дома. При этом «гвоздь» именовался просто как, т. е. «колышек». Что касается слова *kib*, которое вероятно было заимствовано в аккадский (*kibbu*),¹³⁹ то оно скорее обозначает некое украшение, видимо из драгоценного металла.

¹³⁸ H. Steible. Die altsumerischen... (II). S. 89.

¹³⁹ Точное значение неизвестно. В. фон Зоден перевел *kibbu* как «ein Gegenstand» («некий предмет»; из контекста ясно, что иногда *kibbu* делали из золота). См. ANW., S. 470.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают некоторую информацию о семье Энанатума. Жену царя звали Ашурмен, а двое из его сыновей — Меанеси и Лумматур — уже упоминались. Надо сказать, что имя Лумматура нам знакомо еще по двум каменным таблицам и одному документу на глине, где он фигурирует как покупатель поля. Согласно сохранившимся, или надежно восстанавливаемым, частям текста, недвижимость, продаваемая владельцем, составляла 143 «ику», т. е. более 50 га.

Энметена

Наследником Энанатума I стал не Меанеси и не Лумматур, а его третий сын — Энметена.

Имя этого царя раньше читали «Энтемена», что можно понять как «владыка фундамента». Здесь мы следуем новому чтению имени — «Энметена». Это чтение и другое толкование имени («сам себе господин», или «свой собственный господин») предложил Б. Альстер.¹⁴⁰ Причина этих разночтений — знаки ME и TE: они составляют лигатуру и выписаны в порядке прямо противоположном их действительному чтению. В этом они полностью аналогичны знаку ABS/ZU, который почти всегда пишется в виде последовательности ZU/SU+AB. В написаниях саргоновской эпохи элементы имени появляются без лигатуры, следуя в порядке, соответствующем чтению, что доказывает правомерность перестановки знаков ME и TE для досаргоновской передачи имени (BIN 8, 221, 5; ITT 1, 1467, 2). (Что касается слогового написания знака *temen*, то оно до сих пор не засвидетельствовано в старошумерском.)

Статуя некоего Энметены, которой поклонялись в новошумерское время, могла изображать досаргоновского царя (ITT 1, 1081). Однако ее надо интерпретировать скорее не как портрет Энметены, а как скульптуру Энтены — обожествленного воплощения зимы, сооруженную по приказу старовавилонского царя Абиэшу.¹⁴¹

Правление Энметены освещено источниками намного лучше, чем царствование его отца: в нашем распоряжении имеется 27 надписей. Они сообщают об активном строительстве, которое вел Энметена в разных частях лагашского государства, возводя храмы практически для всех сколько-нибудь значимых божеств местного пантеона. Для бога Нин-Гирсу он перестроил храмы Ахуш, Антасура

¹⁴⁰ B. Alster. EN.METE.NA: "His Own Lord" // JCS 26. 1974. S. 178—180.

¹⁴¹ A. Ungnad. Datenlisten // RIA 2. 1938. S. 186, Nr. 198.

(этот храм также носил эпитет «Дом, чье ужасное сияние покрывает все страны»), Энинну и Дургу. Строительство последнего начал еще его отец — Энанатум I. Храм Энинну дополнительно получил «Тростниковое святилище», пивоварню, помещение для боевой колесницы бога и стойло для ослов упряжки. Храму Энинну вероятно принадлежал и разбитый царем внутренний сад с колодцем и «домом газелей» у входа (Ent. 42 IV). В последнем документе Энметены, датируемом десятым годом его правления (Ukg. 38), сообщается, что по указанию царя из этого сада было удалено 80 деревьев *mes*.

Известно также, что Энметена пытался сделать лагашским культ общешумерского Энлиля путем возведения храма этому богу. Название этого святилища — *e₂-ad-da* — можно перевести как «дом отца». Такое название говорит о том, что Нин-Гирсу, которого часто уподобляли Нинурте, считался сыном Энлиля с еще более древней эпохи, чем это предполагалось. Энметена одарил храм земельными участками, часть которых находилась в окрестностях Нимины, а другая часть — в местности Гуэдена. Тем не менее, похоже, что Энлиль так и не стал в Лагаше «своим». Если храмы сугубо местных богов всегда отстраивались после любых социальных потрясений, то ни о вышеупомянутом, ни о каком-либо другом храме Энлиля на лагашской почве в новошумерский период указаний нет.

Богиню Нанше (второе по важности после Нин-Гирсу городское божество), которая и наградила Энметену царством (Ent. 26), правитель также не обошел вниманием: он возводил ей храмы. Реконструкция ее «дома» и строительство главного храма составляют, по всей видимости, часть работ в святилище под названием Сирара в Нимине (Ent. 1; 23). Помимо этого, царь возвел ей в Лагаше храм Шагепеда, а для храма Сесегара (Шешегара) в Гирсу распорядился доставить двери из белого кедра.

Однако особенно важным считал Энметена строительство нового храма для этой богини — в плохо идентифицируемой местности Зудум было выстроено святилище под названием *e₂-engur-ra*, т. е. «Дом (водной) бездны», украшенное золотом и серебром.

Далее Энметена сообщает, что также построил святилище богини Гатумдуг в Лагаше и главный храм Нинхурсаг (которую он один раз называет также Нинмах) в некоей «Священной роще». Он также завершил начатое еще отцом возведение Эгаля для бога *Lugal-URU×GAN₂/tenū* в городе *URU×GAN₂/tenū*, соорудил «абсу» для Энки в районе Пасира и, наконец, дамбу с водохранилищем емкостью около 223 га на канале Луммагимдуг. Если верить надписи, на это уш-

ло 648 000 обожженных кирпичей (Ent. 35 IV). Это крупнейшее известное нам сооружение подобного типа из раннединастического Лагаша.

Обратимся еще раз к тем храмам, что были построены Энметеной за пределами Гирсу. Всего их было одиннадцать, причем восемь из них удивительным образом перечислены в более позднем документе Урунимгины, где оплакиваются разрушения, причиненные лагашскому государству в ходе вторжения правителя Уммы Лугальзагеси. Это можно объяснить либо как простое совпадение, либо как то, что строительная деятельность Энметены сводилась главным образом к устранению ущерба, причиненного во время похода Ур-Луммы в годы правления отца Энметены. Надо к тому же заметить, что маршрут войска Ур-Луммы пролегал по тем же местам, которые позже проходил Лугальзагеси — это было обусловлено топографическими особенностями местности. Вероятно, изгнав Ур-Лумму, Энанатум немедленно приступил к восстановительным работам, предоставив достижение решительной победы над Уммой и устранение большей части последствий войны своему сыну Энметене.

При Ур-Нанше сфера влияния Лагаша простиралась на юг до Ура. Своего апогея лагашская экспансия достигла в результате масштабных походов Энанатума, а правление Энанатума I было, скорее всего, временем затишья. К сожалению, сведения о внешней политике Лагаша крайне неполны. Так, о строительстве совместного храма Эмуш для божественной четы Инаны и Лугальэмуша мы впервые узнаем от Энметены (Ent. 45—73; 74; 79). Из этого следует, что ему удалось сохранить господство над Бадтибирой. Этот город идентифицируется с современным холмом аль-Мадаин (al-Madā'in, иначе Madīna; буквально «города» или «город») в 25 км к юго-западу от Гирсу. Раскопки там до сих пор не проводились. Когда именно город попал под контроль Лагаша, неизвестно. Однако мы знаем, что реальное влияние Лагаша простиралось гораздо дальше: по завершении строительства Эмуша, Энметена освободил жителей Урука, Ларсы и Бадтибиры от трудовой повинности и вернул им богов (т. е. их статуи) — Инану, Уту и Лугальэмушу. В какой форме осуществлялось лагашское господство — неясно, однако оно было достаточно сильным для того, чтобы осуществлять принудительный набор рабочих отрядов и отправлять их за пределы родных городов. Поэтому вышеупомянутое освобождение работников надо понимать не как акт чистого гуманизма (который на Древнем Востоке отсутствовал либо полностью, либо почти напрочь), а как симптом начи-

нающегося упадка мощи Лагаша. В случае с Уруком, освобождение его граждан безусловно явилось лишь предпосылкой для «договора о дружбе», заключенного между Энметеной и правителем Урука Лугалькинешдуду по окончании строительства храма в Бадтибире. Текст договора о «братстве», как это называлось по-шумерски, был наиболее часто переписываемым документом того времени. Сегодня в разных музеях мира хранится более 30 экземпляров этого памятника (Ent. 45—73; 81; 87—95).

Что касается отношений Ура с Лагашем при Энметене, то об их характере и масштабах судить трудно. Так, в Уре была обнаружена статуя Энметены и глиняный конус («гвоздь») с его именем. Статуя, скорее всего та же самая, что была некогда установлена в Эадде — вновь основанном храме Энлиля. Поскольку в надписях на статуе и «гвозде» речь идет исключительно о лагашских делах, в этих предметах надо видеть скорее часть военной добычи, чем следы лагашского господства в Уре.¹⁴²

По завершении работ по строительству храмов Нин-Гирсу, Lugal-URU×GAN₂/tenū и Нанше, Энметена освободил от трудовой повинности и жителей самого Лагаша. Позволив, по его словам, детям вернуться к матерям, а матерям — к детям, он объявил о всеобщем прощении долгов (Ent. 79). Это первое аннулирования долгов (сисахфия), известное нам из истории Двуречья.¹⁴³ Оно не привело, впрочем, к сколько-нибудь длительному облегчению положения низших слоев лагашского общества: причины возникновения долговой зависимости устранены не были. Поэтому последнему правителю этой династии, Уруинимгине, вновь пришлось заняться решением социальных проблем.

Как уже говорилось, при Энанатуме I многие высшие чиновники стремились выдвинуться, добиваясь некоторых достижений и оставляя собственные надписи о них. При Энметене эта тенденция продолжалась, породив фигуру, которой удалось вплотную подобраться к верховной государственной власти. Речь идет о Дуду — верховном жреце Нин-Гирсу (или старшем администраторе его

¹⁴² J. Bauer. Op. cit. S. 471.

¹⁴³ Известно, что впоследствии подобные меры будут предпринимать многие правители Месопотамии, в том числе цари крупных общемесопотамских держав — например, широко известный царь Вавилонии Хаммурапи и многие его предшественники. О прощении долгов («справедливости»), как правило, объявлялось при воцарении каждого нового монарха. Эти шаги были направлены не только на увеличение его популярности, но и на реальное облегчение жизни населения — прежде всего, общинников.

храма, что возможно, было одним и тем же). Две надписи Энметены и один юридический документ завершаются формулой: «В то время Дуду был жрецом Нин-Гирсу» (Ent. 34; 35; OrNS 42, 236). Кроме того, Дуду оставил после себя собственные документы, а именно две каменные гири, плиту, посвященную Нин-Гирсу из Энинну, а также пограничный камень (Ent. 76—78; 16). В надписи на этом камне Дуду именует себя скромным слугой (ir_{11}) правителя. Как и в случае с глиняными «гвоздями» сыновей и служащих Энанатума I, Дуду начинает надпись с упоминания заслуг своего господина перед Нин-Гирсу, переходя затем к собственным, довольно значительным постройкам, на которых он подробно останавливается. Это две стены, одна из которых проходила по берегу канала Саль (или вдоль границы поля Саль: текст не удается истолковать однозначно) в местности Гуэдена, а другая находилась на пристани для паромов в Гирсу. Обе назывались одним именем, что видимо подчеркивало их уникальность. В заключении упоминается бог Шулутуль, которого Дуду просит молиться за его (Дуду) жизнь перед Нин-Гирсу. Этот выбор не случаен: в Лагаше рассматриваемого периода Шулутуль всегда был покровителем царствующей династии. Следовательно, семьи Энметены и Дуду связывали какие-то родственные узы. Самой знатной и могущественной семьей после царствующей была семья управителя храма Энинну.

Примечательна также надпись на одной из гирь — в ней Дуду называет себя $sanga\ URU \times X$. Вписанный в URU знак, который здесь обозначен «иксом», скорее всего является недописанной идеограммой $GAN_2/tenû$. Если это так, то перед нами название часто упоминаемого населенного пункта. В этом случае возникает вопрос: мог ли кто-либо одновременно быть храмовым управляющим богов Нин-Гирсу (в Гирсу) и $Lugal-URU \times GAN_2/tenû$ (в городе $URU \times GAN_2/tenû$)? Или же, прежде чем стать старшим жрецом Нин-Гирсу, Дуду побывал жрецом другого из этих двух богов (этот пост был, несомненно, значительно менее важным)? В этой связи хотелось бы располагать более богатым материалом, освещающим отношения между двумя богами и их храмами.

Старый военный конфликт с Уммой не утих и при Энметене. В пространной надписи, известной в двух редакциях (на посвященных глиняных предметах — конусе и цилиндре [Ent. 28—29]),¹⁴⁴ правитель излагает предысторию и ход противостояния. Отправная

¹⁴⁴ Наиболее знаменит «Конус Энметены», на основании которого в значительной степени восстанавливается история взаимоотношений Уммы и Лагаша.

точка рассказа — правление Месалима. Общешумерский бог Эниль провел границу между владениями Нин-Гирсу и Шары (верховный бог Уммы), а царь Киша Месалим по поручению Иштарана (покровитель Дера и бог-судья) осуществил измерительные работы и установил на рубеже стелу. Время правления Ур-Нанше в повествовании Энметены пропущено — последний переходит к правителю Уммы по имени Уш (чтение условно), называя того первым нарушителем границы. Уш поверг пограничную стелу и вторгся в пределы Лагаша. Он был, по всей видимости, современником Акургая и противником Эанатума. Здесь мы впервые узнаем имя правителя-врага. Что касается ответного удара лагашитов, вторгшихся на территорию Уммы, то он приписывается самому Нин-Гирсу, чьим действиям слово Эниля придает законность. После этих событий Эанатум и новый правитель Уммы Энакале проводят границу заново. Эанатум укрепляет границу, прорыв вдоль нее новый канал, а также создает нейтральную зону длиной около 1277 м.¹⁴⁵ Кроме того, по его приказу в месте под названием Намнундакигара было сооружено четыре постаменты (или платформы: *bagag*) в честь четырех богов — Эниля, Нинхурсаги, Нин-Гирсу и Уту. Наконец, Эанатум наложил на правителя Уммы дань зерном, обеспечивший Лагашу значительный приток ячменя (около 300 000 л).¹⁴⁶

Когда Ур-Лумма, сын и преемник Энакале, отказал Лагашу в поставках зерна, конфликт разгорелся заново. Он выпустил воду из берегов пограничного канала и поджег пограничную стелу (или стелы), уничтожив ее окончательно. Он также разрушил постаменты богов в Намнундакигаре и вторгся на территорию лагашского государства с войском наемников-иноземцев. Ему навстречу двинулся Энанатум I, о чем мы узнаём из надписей последнего. Однако решающих успехов лагашский правитель не добился, хотя в его собственных сообщениях кампания представлена в победных тонах.

Настоящее поражение Ур-Лумме нанес лишь Энметена, сын Энанатума I. Ур-Лумма бежал, а Энметена преследовал его до самой Уммы. После этого Ур-Лумма исчезает со страниц истории. Два эпизода из этой эпопеи Энметена счел достойными упоминания: (1) при бегстве противник был вынужден бросить на берегу канала Луммагирнунта 60 упряжек ослов (или онагров); (2) в степи осталось

¹⁴⁵ J. Bauer. Op. cit. P. 472.

¹⁴⁶ ИДВ I, С. 196.

огромное количество вражеских костей, из которых Энметена насыпал пять курганов (буквально «холмов трупов»: IS.DU₆.KID₂).

После Ур-Луммы на престол Уммы взошел Иль — возможно, ставленник Энметены. Иль был племянником Ур-Луммы, и служил до своего воцарения управителем храма в Забаламе. Иль проводил еще более агрессивную политику. Он лишил воды большой участок лагашской пашни, что привело к гибели 3600 «куч» (gur₇) зерна. Вдобавок он претендовал на значительный кусок лагашской территории. Желая уладить конфликт мирным путем, Энметена направил в Умму посольство. Переговоры закончились безрезультатно, но Энметена всё же не стал прибегать к оружию (видимо не имел возможности). Он ограничился тем, что наладил водоснабжение пограничных территорий, проведя канал из Тигра в искусственное русло Иднун. Постройки в Намнундакигаре он восстановил и снабдил каменным фундаментом. Надпись завершается проклятия в адрес того, кто посмеет перейти пограничный ров и присвоить поля Нин-Гирсу и Нанше. Хотя ясно указано, что Энлиль и Нинхурсага никаких полей Илю не дали, невозможно избавиться от впечатления, что Энметена всё же отказался от некоторых земель. Похоже, что Лагашу было уже не под силу управиться с растущей мощью Уммы. Начинаясь постепенный упадок Лагаша, завершившийся окончательным поражением, которое полвека спустя нанес ему царь Уммы Лугальзагеси.

Самые ранние из сохранившихся хозяйственных текстов времен Энметены относятся к концу его правления (древнейший датирован его девятнадцатым годом: NFT 181 AO 4156). Тексты свидетельствуют о том, что он правил довольно долго — по меньшей мере 20 лет (ITT 5, 9241). В одном из юридических документов (RTC 16) мы читаем, что Димтур, жена Энентарзи, приобрела рабыню. Из него же известно, что Энентарзи был тогда жрецом и управляющим храма Нин-Гирсу. Когда именно он сменил на этом посту своего предшественника Дуду — неизвестно.

Энанатум II

После Энметены правителем Лагаша стал его сын — Энанатум II. От этого правителя дошла лишь одна надпись (правда в четырех экземплярах), где он сообщает о том, что восстановил пивоварню Нин-Гирсу, построенную в общих чертах еще Энметеной. Энанатум завершил работу, не доведенную до конца отцом. Уже тот факт, что мы располагаем лишь единственной надписью этого правителя,

свидетельствует о непродолжительности его правления. К тому же, юридических и административных документов, которые можно было бы с полной уверенностью датировать временем Энанатума II, не обнаружено.

Энентарзи(д)

Энанатума сменил на лагашском престоле Энентарзи(д), другой сын Энметены. При жизни отца он возвысился до ранга верховного жреца Нин-Гирсу. Это означает, что он срок его жизни охватывает значительный промежуток времени: правление Энметены (по крайней мере, последние годы), всё правление Энанатума II и несколько последующих лет. Побочная линия династии, учрежденной в Лагаше еще Ур-Нанше, обрывается на Энентарзи.

Драматические события, происходившие в то время, описаны в одном интересном письме.¹⁴⁷ Автор письма — Луэна, управляющий храмом богини Нинмары в Гуабе, на крайнем юго-востоке государства Лагаш. Адресат — никто иной, как сам Энентарзи, служивший тогда управляющим храма Нин-Гирсу. В письме имеется несколько лакун, но общее содержание вполне уловимо. Речь идет о том, что 600 эламитов пытались доставить добычу из Лагаша в Элам. Луэна выступил против этого отряда и разгромил его. После боя 540 эламитов остались в живых. Дальше текст поврежден, и неясно, были ли они захвачены в плен или бежали. Потери в 10% можно считать близкими к тогдашней норме. Среди эламитов находился некий Ур-Бау (или Ур-Баба) — возможно, подчиненный Ниглунуду, старосты кузнецов. Жил он при храме Нинмары. Далее следует не сохранившийся целиком перечень предметов: 5 серебряных зеркал, 5 церемониальных костюмов, 16 *bar-udu* (мер? мешков?) шерсти высшего качества и т. п. Надо полагать, эти ценности составляли часть добычи разгромленных эламитов. После этого в тексте опять лакуна, после которой отправитель пишет: «Жив ли еще правитель Лагаша? Жив ли еще привратник (или мажордом) Энанатум-сипадзи(д)?»¹⁴⁸ В заключительной части письма, начало которой повреждено, автор просит богиню Нинмару, чтобы та спешно отправила вести. Письмо датировано пятым годом правления Энанатума II. В свете этого до-

¹⁴⁷ P. Michalowski. *Letters from Early Mesopotamia*. 1993, P. 11—12 (No. 1).

¹⁴⁸ Этот привратник или управляющий известен также по одному административному документу времен Энметены. Он был назван (*en-an-na-tum₂-sipad-zid*: «Энанатум — праведный пастырь») в честь Энанатума I.

кумента, можно предположить, что этот правитель и его семья погибли при вторжении эламитов. Если так, то это должно означать, что либо эламиты временно заняли Гирсу, столицу лагашского государства, либо в момент налета Энанатум находился в городе Лагаше, который и подвергся разграблению. Пятый год, которым датируется письмо, принято считать последним годом Энанатума II.

Если вышеизложенная реконструкция верна, то после эламского налета в Лагаше уже не оставалось здравствующих членов правящей фамилии. В таком случае, Энентарзи не встретил бы серьезной оппозиции при захвате власти — сопротивляться было просто некому. К тому же, верховный жрец Нин-Гирсу был наиболее могущественной фигурой в государстве после правителя и являлся родителем царствовавшей семьи, по крайней мере дальним. Иногда утверждается, что *sanga* Нин-Гирсу был, как правило, сыном правящего «энси». ¹⁴⁹ Насколько это верно вообще и в частности (т. е. были ли Энентарзи сыном Энметены) — неизвестно. И. М. Дьяконов не исключал, что Энентарзи мог быть сыном своего предшественника, влиятельного при Энметене жреца-*sanga* Дуду. ¹⁵⁰ Й. Бауэр, сообщая о разных гипотезах, воздерживается от окончательных выводов по этому поводу. ¹⁵¹ На основании имеющихся источников такие выводы пока сделать невозможно.

Когда Энентарзи сменил Дуду на посту верховного жреца Нин-гирсу, он, по всей видимости, был уже довольно пожилым человеком. Самые ранние надежно датированные документы, имеющие к нему отношение (договор о покупке дома его женой Димтур [BIN 8, 352] и договор о покупке рабыни), помечены семнадцатым годом Энметены. Ясно, что Энентарзи пережил Энметену и его сына и наследника Энанатума II. Однако имеется лишь небольшая группа хозяйственных текстов из архива храма Бау, в которых прямо указано, что он занимал должность правителя, а его жена стояла во главе храмовой администрации. Судя по датировочным формулам, правил он всего пять лет. На первом месяце шестого года Энентарзи лагашский престол унаследовал его сын — Лугальбанда. Поскольку строительных и посвященных надписей от Энентарзи не сохранилось (возможно их не было вообще), ни о степени разрушений, причиненных Лагашу в ходе эламского рейда, ни о восстановитель-

¹⁴⁹ См., в частности, CAD, vol. Š/1, P. 382 (словарная статья *šangū*).

¹⁵⁰ ИДВ I, С. 200.

¹⁵¹ J. Bauer. Op. cit. P. 474.

ных работах нам ничего не известно. Статуя его дочери Геме-Бау (Нгеме-Бабы) относится к тому периоду, когда он был еще жрецом Нин-Гирсу; в этом качестве к нему обращается и автор цитировавшегося выше письма Луэна.

Лугальанда

Правление преемника Энентарзи, Лугальанды (полное имя: lugal-an-da-ni-hun-ga₂, т. е. «[разве] царь не с помощью Ана воцарился?»), также освещается источниками крайне неполно. Помимо административных документов, возлагающих ответственность за управление храмовым хозяйством Бау на его жену Барагнамтару (или Барнамтару), мы располагаем оттисками печатей правящей четы и сильно разрушенной надписью на кирпиче. В последней упоминается сооружение и именование стелы и статуи, которые были посвящены (по крайней мере, стела) богу Нин-Гирсу. Статуя носила название «Лугальанда-хунга не [устаёт] ради Ги[рнуна]». Из перечня жертв (DP 66 VI 7—8) известно, что другая скульптура Лугальанды с похожим названием («Нингирсу не устаёт ради Гирнуна») была установлена в святилище Нингирсу Тирас/ш. Третья статуя под названием «Нанше — мать Лугальанды» находилась в храме Нанше Сира (Nik 23 XI 4).

Судя по датировке хозяйственных текстов, Лугальанда правил шесть лет. На первом месяце седьмого года Лугальанды правителем стал Уруинимгина.

Уруинимгина

Уруинимгина — фигура чрезвычайно интересная и во многом загадочная. Специалисты спорят по поводу самых разных аспектов, связанных с этим правителем, — начиная с точного звучания его имени и характера его «реформ», текст которых трудночитаем и толкуется разными учеными по-разному, и кончая его участием после того как Лугальзагеси захватил власть почти во всем южном Двуречье. Попробуем остановиться на этих проблемах по порядку.

Некоторые исследователи, отличающиеся особой приверженностью к точности, последовательно передают имя этого правителя как u₂gi-ka-gi-na (написание слога, или вернее знака, ka заглавными буквами означает условность чтения; иными словами, неизвестно

как он в точности звучал).¹⁵² Дело в том, что знак, изначально представлявший собой рисунок человеческой головы с зачерченным ртом, помимо значения «рот» (по-шумерски ka), передавал такие слова, как «говорить» (dug₄), «слово» (inim), а также «нос» (kir₄). В связи с этим имя долго читали как «Урукагина». Не вдаваясь в дальнейшие детали, скажем, что в последнее время в литературе возобладала тенденция интерпретировать в данном случае знак KA как inim. Поэтому большинство исследователей употребляет форму «Уруинимгина». В добавок заметим, что чтение первого слога также в некоторой степени условно. По новейшим данным слово «город» (идеограмма URU) реально произносилось в шумерском как /iri/. В таком случае наиболее добросовестная транслитерация имени выглядела бы как URU-KA-gi-na, а транскрипция — как */iri(i)nimgina/ или что-то в этом роде. Примерный перевод этого имени: «город надежного слова/рта (?)».¹⁵³

Правление Уруинимгины проходило в довольно беспокойной обстановке. Во-первых, внутри лагашского государства усиливалось недовольство различных слоев населения, вызванное политикой двух предшествующих правителей — Энентарзи и Лугальанды. При них функции правителя и верховного жреца практически сосредоточились в одних руках. Некоторые важные жреческие должности были полностью упразднены, а назначение на те, что остались, стало полностью зависеть от воли правителя. Кроме того, примерно 2/3 храмовых хозяйств перешли во владение правителя и его семьи. Положение общинников, видимо, также ухудшалось. Во-вторых, заметно активизировались соседние с Лагашем государства — в первую очередь Умма, некогда разгромленная Энанатумом и с трудом сдерживаемая Энметеной. Вспомним также о вышеупомянутой гипотезе о гибели Энанатума II в результате налета эламитов, которым удалось добраться до Лагаша, а возможно и до столичного го-

¹⁵² Детали дискуссии об имени URU-KA-gi-na можно почерпнуть в следующих работах (в хронологическом порядке): *Th. G. Pinches*. The Armherst Tablets Part I: Texts of the Period Extending to and Including the Reign of Bûr-Sin. London. 1908. P. 14; *W. G. Lambert*. The Reading of the Name uru.KA.gi.na // *OrNS* 39. 1970. p. 419; *Он же*. The Reading of Uru-KA-gi-na again // *AulaOr* 10. 1992. P. 256—258; *D. O. Edzard*. Irikagina (Urukagina) // *FS Civil*, 1991, P. 77—79; *P. Steinkeller*. The Reforms of Urukagina and Early Sumerian Term for Prison // *FS Civil*. 1991. P. 227, note 2; *Он же*. Rez. zu: Marzahn J., *Altsumerische Verwaltungstexte aus Girsu/Lagaš*, VS XXV, Berlin 1991 // *JAOS* 115. 1995, S. 541—542; *G. J. Selz*. Zum Namen des Herrschers URU-INIM-GI-NA(-AK): ein neuer Deutungsvorschlag // *N.A.B.U.* 1992. No. 44.

¹⁵³ *J. Bauer*. *Op. cit.* S. 475.

рода Гирсу. Этот малоизвестный рейд был симптоматичен: судя по всему, несколько последних предшественников Уруинимгины ничего не предпринимали для укрепления военной мощи или, хотя бы, обороны Лагаша. Таким образом, реально росла внешняя угроза. В конечном счете недовольство значительных слоев лагашского населения привело к тому, что Лугальбанда был низложен, хотя и оставлен в живых (предположение А. Даймеля о его насильственной смерти, скорее всего, не соответствует действительности).¹⁵⁴

Уруинимгину иногда называют узурпатором, на что нет никаких оснований. Возможно, он был родственником (сыном?) или свойственником Лугальбанды. Й. Бауэр считает его сыном Баранамтары, жены предыдущего властителя Лагаша. Новый правитель был вынужден предпринять какие-то меры для улучшения сложившейся ситуации. Ввиду необходимости проведения оборонных мероприятий, Уруинимгина получил титул *lugal*, а с ним и особые полномочия. Под давлением обстоятельств (и, может быть, руководствуясь опытом Энметены) Уруинимгина начинает проведение своего рода «реформ», основная суть которых известна из текста, иногда называемого «Законами Уруинимгины» (надписи, на основании которых этот памятник реконструируется, находятся на идентичных, полностью сохранившихся глиняных конусах В и С [= текст В/С] и на сильно поврежденном конусе А; имеется также частично сохранившаяся каменная пластина овальной формы с текстом схожего содержания, которую чаще приписывают предшественнику Уруинимгины — Энметене). Поскольку попытки полного и связного перевода этого текста пока что довольно неубедительны, и даже наиболее понятные их отрывки вызывают множество споров, ограничимся самым общим обзором мероприятий этого правителя.

1. Был наведен некоторый порядок в храмовом хозяйстве: восстановлены упраздненные ранее должности высших жрецов (*sanga*); упорядочена оплата жрецов и отменены поборы с них; сокращены поборы с более или менее высокопоставленных членов храмового персонала; отменен произвол чиновников, ведавших рядом отраслей хозяйства (скотоводство, рыболовство, речной транспорт) и взимавших с них чрезмерные налоги (т. е. сверх нормы официальных поставок храму — в свою пользу); держателям служебных наделов (*šub-lugal* в широком смысле) было сделано две

¹⁵⁴ ИДВ I, с. 207; J. Bauer. Op. cit. S. 477.

важных уступки: (а) неограниченное право отчуждения имущества (кроме земли, которая была собственностью храма) и (б) неограниченное право пользования колодцами и арыками на служебном наделе и, вместе с тем, ограничивался произвол начальников держателя надела; было восстановлено (часто лишь номинально) право собственности богов на храмовые хозяйства, присвоенные Эненгарзи, Лугальандой и членами их семей.

2. Были приняты меры для защиты общинников — прежде всего против долговой кабалы и распродажи общинных земель. Были приняты законы против долговой кабалы, а долговые и продажные сделки были отменены. Употребляемый в тексте термин *ama-ar-gi₄*, обычно переводимый как «освобождение, свобода» (аккадский эквивалент: *andurārum*) надо понимать именно как освобождение от долгов.¹⁵⁵ Защита общины не была первоочередной задачей правителя, но она и не ограничивалась пустыми словами. В рассматриваемый период, и даже несколькими веками позже, правитель сохранял многие черты племенного вождя, чьей обязанностью была забота о сирых и убогих. Указание на это содержится в конце текста: «чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил, он (Уруинимгина) заключил с Нин-Гирсу этот завет» Кроме того, храм и дворец не были заинтересованы в разорении и обезземеливании больших масс общинников.

3. Было установлено то, что можно в каком-то смысле назвать ядром будущего уголовного законодательства: сформулированы законы против грабежа, воровства и убийства, охранявшие частную собственность и устои патриархальной семьи. При этом надо подчеркнуть, что ни в Раннединастический период, ни в более поздние эпохи месопотамской истории до самого ее конца никакого разграничения между «уголовным», «гражданским» и т. д. законодательством, естественно, не проводилось.

В итоге, как считал И. М. Дьяконов, реально от реформы выиграли лишь жрецы и храмовые дружинники, тогда как льготы, полученные мелким храмовым персоналом и общинниками были довольно незначительны. С современной точки зрения, реформы носили регрессивный характер: тормозилось разложение общины, развитие ростовщичества и товаро-денежных отношений и прочие «прогрессивные» процессы. Однако Уруинимгина и другие авторы подобных мер скорее думали о возвращении к традиционным порядкам, спра-

¹⁵⁵ Буквальное значение *ama-ar-gi₄* — «возвращение к матери (из долгового рабства?)».

ведливым и в некотором смысле эталонным, нежели сознательно «имели целью задержать процесс исторического развития».¹⁵⁶

До недавнего времени считалось, что Уруинимгина правил семь лет — после седьмого года его правления документы храма Бау внезапно иссякают.¹⁵⁷ Однако недавно был обнаружен короткий административный текст, датируемый восьмым годом Уруинимгины,¹⁵⁸ что впрочем мало меняет общую картину. О конечной участи Уруинимгины почти ничего не известно. Похоже, что в результате наступления Лугальзагеси пострадала лишь северная часть лагашского государства, а Уруинимгине удалось отсидеться в Гирсу. Разорение храма Бау и прочие разрушения в главных городах Лагаша связаны уже с другим завоевателем — семитским вождем Шаррумкеном (Саргон Аккадский или Саргон Древний). С этого царя начинается новая эпоха в истории Двуречья.

Государство Умма

Умма заслуживает отдельного обсуждения по крайней мере по двум причинам: она была всегда тесно связана с соседним Лагашем (вспомним хотя бы извечный территориальный конфликт) и ее последний досаргоновский правитель Лугальзагеси совершил нечто беспрецедентное в истории Месопотамии.

Лугальзагеси

Из-за относительной скудости источников о событиях в Раннединастической Умме мы знаем гораздо меньше, чем о лагашской истории той же поры. После Иля, бывшего современником Энметены и оставившего одну надпись, на трон Уммы взошел его сын Гишша(г)киду(г). От жены последнего также дошла одна надпись. Впоследствии Гишшагкидуг женился на собственной тетке. Этот правитель был младшим современником Энметены и царствовал примерно в то же время, что Энанатум II и Эненгарзи. Лугальзагеси, по всей видимости, не был связан родством с этой семьей.¹⁵⁹ Своим отцом Лугальзагеси называет персонажа, имя которого не поддает-

¹⁵⁶ ИДВ I, С. 210.

¹⁵⁷ Ibidem, С. 214.

¹⁵⁸ G. J. Selz. Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš, 1: Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad // FAOS 15/1. Stuttgart. 1989. S. 352—353; *Он же*. Verwaltungsurkunden in der Eremitage in St. Petersburg // ASJ 16, 1994, S. 221.

¹⁵⁹ J. Bauer. Op.cit. S. 493.

ся точному чтению (возможно Бубу или что-то похожее; оно передается комбинацией знаков U_2-U_2 , что можно интерпретировать как $bu_{11}-bu_{11}$, wa_3-wa_3 или wu_x-wu_x). Не исключено, что «Бубу» был посажен на престол Уммы урско-урукским царем Эншакушаной. По времени его правление в Умме совпадало с царствованием Эненгарзи и Лугальанды в Лагаше. Сын «Бубу» Лугальзагеси видимо пришел к власти более или менее одновременно с лагашским Урунимгиной. В шумерском Царском списке Лугальзагеси фигурирует в качестве единственного представителя так называемой III династии Урука. Судя по списку, он правил 25 лет, куда, надо полагать, входят годы его царствования как в Умме, так и в Уруке.

Точная дата воцарения Лугальзагеси в Уруке неизвестна; видимо это произошло вскоре после его опустошительного набега на Лагаш. В этом случае он должен был сменить на урукском престоле Эншакушану. Документы из Забалама, собранные и опубликованные М. А. Пауэллом,¹⁶⁰ указывают на обширные связи Лугальзагеси. Об этом, в частности свидетельствуют пожалования земельных участков правителям Нипшура, Адаба и урукскому жрецу с титулом lu_2-mah , которые он сделал на седьмом году правления.

В большой надписи из Нипшура (Luzag. 1) Лугальзагеси именуется царем Урука и царем Страны (*kalam*, т. е. Шумер). Такой же титул носил и Эншакушана. При этом Лугальзагеси уже не возвращается к традиционному званию *en ki-en-gi*, «владыка Шумера». Претензии Лугальзагеси значительно превосходили устремления его предшественников. Он считал, что Энлиль подчинил ему все чужеземные территории от восхода до заката, от Нижнего моря (Персидский залив) и до самого Верхнего (Средиземного) моря, само собой включая земли по течению Тигра и Евфрата. Если столь обширные захваты действительно имели место, они были лишь следствием одноразовой военной экспедиции. Лугальзагеси безусловно не мог долго удерживать территории вдали от месопотамского Юга.

При внимательном изучении надписи в глаза бросается ее трехчленная структура: все упоминаемые земли можно разделить на (1) небольшое ядро, где власть Лугальзагеси была действительно сильна; (2) остальной Шумер и (3) чужеземные области. Конкретно называются города Урук, Ур, Ларса, Забалам и *KL.AN*, составлявшие нечто вроде лояльного оплота Лугальзагеси. О благополучии этих городов царь заботился в первую очередь. В священном Нипшуре он

¹⁶⁰ M. A. Powell. Texts from the Time of Lugalzagesi... P. 1—58.

приносил богатые дары общешумерскому Энлилю. Остальные шумерские области упоминаются как бы «оптом», почти вперемешку с иноземными территориями. Религиозные титулы, присвоенные царем, также указывают на его связь с узким кругом главных божеств, почитаемых на незначительной верной ему территории. Один из таких титулов — жрец-*išib* Ана (в интерпретации И. М. Дьяконова — «шаман» или «волхв»), другой — «попечитель Инаны». Оба связаны с Уруком, где Ан и Инана были главными божественными правителями. Титул «великий визирь З/Суэна» указывает на связь царя с Уром, а эпитеты «градоправитель Уту» и «названный Уту по имени» — с Ларсой. Из Уммы происходят титулы *lu₂-mah* и «возлюбленное дитя Нисабы (Нисабак)». Идеологическая связь с городом KLAN не прослеживается, так как этот город в окрестностях Уммы, скорее всего, имел общий с ней пантеон.¹⁶¹ Эпитеты «энсигаль Энлиля», «вскормленный добрым молоком Нинхурсаги» и «наделенный мудростью Энки» служат почти единственными указаниями на то, что власть Лугальзагеси признавали, соответственно, в Нишпуре, Кеше и Эреду. Титул «верховный управитель всех богов» символизирует его претензии на власть над Шумером в целом.

Весьма интересно, как Лугальзагеси рассматривает реализацию своей власти над всем Шумером. «Энлиль, владыка всех земель, дал ему лугальство над Страной (*kalam*) и взоры Страны к нему обратил ... все чужие земли к его ногам поверг ... страны от восхода до заката ему подчинил ... от восхода до заката Энлиль ему противника не оставил». Таким образом проходил этот процесс в «астральной плоскости». В соответствии с этим, на земле «все владыки Шумера (*ki-en-gi*) и правители всех чужих земель склонились перед городом Уруком из-за божественной силы царственности». Похоже, что шумерский царь пытался объединить соперничающие государства в некое подобие единой державы.

Этому беспрецедентному процессу не было суждено завершиться. Власть Лугальзагеси была непрочно и долго не продержалась. Одна из главных причин этого кроется в том, что он остановился на полпути. С одной стороны, он совершил нечто небывалое в истории Двуречья, а именно, объединил под своей властью почти всю Южную Месопотамию, или Шумер. С другой же стороны, сотворив столь нетрадиционное деяние, Лугальзагеси практически не порвал с традицией и остался в сущности обычным номовым правителем,

¹⁶¹ D. O. Edzard. KLAN^{ki} // RIA 5. 1976—1980. S. 586.

так и не став объединителем страны. Он перебрался из родной ему Уммы в традиционную твердыню гегемонов — Урук и позволил местным жрецам и энси избрать себя лугалем. Поэтому он, скорее всего, оказался в руках местных олигархических клик, став как бы очередным правителем Урука. Опираясь на традиционную верхушку храмовой и общинной знати шумерских номов, Лугальзагеси довольствовался тем, что в каждом из них принимал из рук местных старейшин местные жреческие или правительственные титулы (см. выше). Кроме того, как уже говорилось, концепция унитарного государства была чужда нижнемесопотамскому менталитету и с трудом усваивалась им. Не доведя борьбу со старыми противниками до конца (Киш был разгромлен, но лугалей Киша он не уничтожил; Лагаш был побежден, но Уруинимгина некоторое время оставался у власти), Лугальзагеси столкнулся с совершенно новым врагом, разительно отличавшимся от прежних. В неординарности этого противника заключается вторая причина поражения коалиции пятидесяти шумерских правителей, организованной Лугальзагеси. Шумерский военный союз был разгромлен в трех решающих сражениях (при Уруке, На-гур(?)-заке и Уре), а Лугальзагеси — в конечном счете пойман, приведен в цепях в Ниппур и отдан «Энлилю, судье его», т. е. подвержен суду оракула, который, скорее всего, приговорил его к смерти.

Кем был этот выдающийся персонаж, выступивший против всего Шумера? Почти одновременно с правлением Лугальзагеси начинается возвышение человека, прозванного Шаррум-кен (*Šarrum-ken*: «царь истинен»), или Саргон Древний. Грандиозная фигура этого восточносемитского властителя, чуждого шумерским «энам» и «лугалам» как этнически, так и идеологически, стоит у начала следующей эпохи в истории Месопотамии и всей Западной Азии эпохи «империй» или «деспотий». С его приходом завершился Раннединастический период — время строительства первых городских стен, создания первой настоящей письменности, написания первых «законов» и ведения первых кровопролитных войн.

Религия в Раннединастическом Шумере

Религия: общие соображения

Любая попытка исчерпывающего анализа религии (или религий) Месопотамии обречена на провал. За подобную задачу, по словам

А. Лео Оппенхейма, не следует даже братья.¹⁶² В отношении отдельных периодов истории Двуречья этот приговор все еще в значительной степени имеет силу. Свидетельства, освещающие многие сферы религиозной жизни просто отсутствуют. Определенную информацию можно извлечь из имен собственных, но этот источник часто переоценивают. Дело в том, что имена отражают местные и семейные традиции и обычаи, а также инновации и моду. Поэтому буквальное значение имени или его элементов не следует принимать за непосредственное выражение религиозного чувства. Выбор фразы, составляющей имя собственное, не зависел в полной мере от согласия самого именуемого и его близких. Кроме того, имена подвержены сильному «износу». Царские надписи и административные документы храма Бау проливают свет на некоторые — к сожалению, весьма немногие, — аспекты официальной религии. Хотя так называемые списки жертв дают представление о дарах, приносимых богам по праздникам, свидетельства об их повседневном «обеспечении» отсутствуют. Мифы в рассматриваемый период представлены весьма неполно, а те, что дошли до нас по большей части непонятны. Молитвы, гимны, посвященные богам, ритуальные тексты (например, описания празднеств) отсутствуют полностью. Даже заклинания — жанр, хорошо засвидетельствованный уже в период Фары, — представлены в последней фазе Раннединастического периода очень немногими образцами.

Поэтому, с целью восстановления полной картины, исследователи вынуждены так или иначе дополнять отрывочные, чаще всего изолированные факты старошумерских источников. Ряд явлений идеологии досаргоновского периода, предвосхитивших новошумерскую религиозную традицию, подтверждает вывод о том, что религия была и остается крайне консервативной сферой культуры. Много из того, что было впервые зафиксировано на письме 200 с лишним лет спустя после рассматриваемого периода, при Гудеа, представляет собой идеологическое наследие гораздо более ранних эпох. Порой определенную ясность в этот круг проблем вносят не только месопотамские источники, но и материалы сравнительного религиоведения. Конечно, прибегая в подобных реконструкциях к позднейшим представлениям, мы рискуем исказить истинное положение

¹⁶² «Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии — задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует» (А. Лео Оппенхейм. *Op. cit.* С. 136).

ния дел и представить религию старошумерского периода в неверном свете. Таким же образом, используя для сравнительного анализа данные, полученные за пределами Месопотамии, можно утратить восприятие самобытного шумерского мира.

Ограничимся здесь отдельными аспектами, сопроводив их для иллюстрации краткими выдержками из источников.

Одна из наиболее распространенных концепций шумерского миропонимания — представление о *me*, т. е. «божественной силе»,¹⁶³ как обычно передается это выражение. В старошумерских текстах пока что обнаружено лишь одно место, где это понятие встречается самостоятельно, а не в составе личных имен или названий храмов (надпись Лугальзагеси II 21—25). Интересующие нас строки звучат так:

barag-barag ki-en-gi, ensi₂ kur-kur-ra, ki-unug^{ki}-ge, me nam-nun-še₃, mu-na-gam-e-ne

«Все владыки Шумера и (градо)правители чужеземных стран перед Уруком из-за божественной силы княжества склонились».

Элемент *me* часто встречается в именах собственных и несколько реже — в названиях храмов. Вот несколько примеров последних: *me-kulab_x*(NUMUN.UNUG)^{ki}-ta («божественные силы [исходят] из Кулаба»); *me-ki-kug-ta* («божественные силы [исходят] из „святого места“»); *me-NIGIN₃-ta* («божественные силы [исходят] из [помещения под названием] *нигар*»);¹⁶⁴ *me-girim₃-ta* («божественные силы [исходят] из вод»);¹⁶⁵ *me-an-ne₂-si*: «божественные силы наполняют небеса») входит глагол *si* «наполнять, заполнять». Этот же глагол восстанавливается в имени Мекисаль(си) (*me-kisalle-[si]*: «божественные силы [наполняют] передний двор храма»).

Обладателями божественных сил считались царь или царица. Имен, где сочетались бы слова *en* и *me* не засвидетельствовано. В данном контексте употребляются термины *lugal* и *nin* — соответственно, «царь» и «владычица/царица». Встречаются следующие имена с упоминанием царственных особ как носителей *me*: *lugal-megal-gal* («царь [обладает] великим/великими *me*»); *nin-me-dug₃-ga*

¹⁶³ Термин *me* также переводится как «суть» или, скорее, «сущи» (мн. ч.).

¹⁶⁴ По мнению Й. Бауэра, знак NIGIN₃ здесь следует читать именно как /nigar/: J. Bauer. Op. cit. S. 496.

¹⁶⁵ Чтение *girim₃* — по М. Кребернику (M. Krebernik. Die Beschwörungen aus Fara und Ebla // TSO 2. 1984. S. 242—252).

(«царица/владычица благих *ме*»); *nin-me-zi-da* («владычица праведных *ме*»); *nin-me-sikil-an-na* («царица [обладает] чистыми *ме* [бога] Ана/небес»).

В этой связи не совсем понятно употребление глагола *DU* (возможно за этой идеограммой скрывается не один глагол, а какое-то сочетание; спектр значений, передаваемых знаком, происходящим от рисунка ноги, довольно широк: «нога; идти; нести; стоять, ставить; находиться» и т. п.). Примеры: *me-siraga₃-DU* («*ме* находятся [?] в Сираре»); *šul-me-šar₂-ra-DU* («юноша находится [?] около бесчисленных *ме*»); наконец, *me-lu₂-nu-DU* можно понимать как «*ме* при нем не находятся», либо как «*ме* при [этом] человеке не находятся», либо — что правдоподобнее остальных переводов — как вопросительную форму «разве *ме* не при [этом] человеке?» (т. е. разве они не помогают ему?).

Силы *me* обладают рядом конкретных свойств, из которых нам известны лишь положительные — к ним апеллируют имена собственные. Они чисты (*nin-me-sikil-an-na*: «царица [обладает] чистыми *ме* [бога] Ана/небес»); они благи (*nin-me-dug₃-ga*: «царица/владычица благих *ме*», *me-an-pe-dug₃*: «благие *ме* Ана» или «Ан сотворил *ме* благими»);¹⁶⁶ они праведны (*nin-me-zi-da*: «владычица праведных *ме*»); они неисчислимы (*šul-me-šar₂-ra-DU*: «юноша находится [?] около бесчисленных *ме*») или, по крайней мере, весьма многочисленны (*GAN₂ me-lu-lu*: «поле многих *ме*» — название местности); они возвышенны (*me-tah-ra-e₃*: «возвышенные *ме* сияют» [или «... сияя, выступают вперед»]). Их также невозможно одолеть или ниспровергнуть (*me-sag₃-nu-di*: «*ме* неодолимы»), и они обладают благополучием и здоровьем или же передают эти качества другим объектам (так, имя Меса/илим [*me-sa/ilim*]¹⁶⁷ можно перевести как «*ме* благополучны/дают благополучие»). Когда элемент *me* встречается в названиях храмов, он приобретает функцию устрашения (*e₂-me-huš-gal-an-ki*: «дом, [обладающий] великими страшными *ме* неба и земли»).

Понятию *me* родственно и слово *me-li₉-m* (традиционная транслитерация — *me-lam₂*), обозначающее «страшное сияние, ужасный блеск» и т. п. — внушающий ужас аспект бога, царя или храма.

¹⁶⁶ Последний перевод принадлежит Й. Бауэру: «An hat die *me* gut gemacht» (*J. Bauer*. Op. cit. S. 497).

¹⁶⁷ Элемент *sa/ilim* (DI), как полагает большинство исследователей, наверняка аккадский или, по крайней мере, семитский (сравни евр. *šālôm*, араб. *salām*- и т. д. со схожими значениями). Что касается начального слога *me-*, то его можно истолковать как шумерское слово *me* «сила» (что, в частности, делает Й. Бауэр).

Свидетельств о феномене *me-li₉-m* на данный период немного. В частности, храм Нин-Гирсу Антасура и помещение для колесницы этого бога (*e₂-giš-gigir-ra*) носят одинаковый эпитет *e₂ me-li₉-be₂ kur-kur-ra (a-)dul₅* — «дом, ужасное сияние которого все чужие земли покрывает». Имеется также имя собственное *e₂-me-li₉-su₃* со схожим значением: «дом обширного/далеко распространяющегося страшного блеска». Еще одно имя — *me-li₉-kur-ra* — вызывает некоторые трудности при интерпретации. Скорее всего, оно представляет собой краткую форму от какого-то не дошедшего до нас полного имени (последнее должно было включать глагол). С учетом значения предыдущего имени, *me-li₉-kur-ra* можно понять как «ужасное сияние достигает горной местности/чужой страны».

Представления, связанные с понятием *me* и выраженные в старошумерских именах и названиях, хорошо вписываются в картину, известную нам по более поздним мифам и гимнам в честь богов и храмов. С другой стороны, уже не ощущается каких-либо следов более архаичного «пласта» представлений о *me* в том виде, как они сохранились, например, в мифе об Энки и Инане.¹⁶⁸ Г. Фарбер, которая последней пыталась определить существо и функцию *me*, высказала следующее мнение относительно их группировки в последнем мифе: «этот список *me* скорее всего сложился *ad hoc*, он не отражает никакой письменной традиции и уж, тем более, шумерского мирозерцания (в целом)».¹⁶⁹ Если мы не побоимся привлечь материалы сравнительной антропологии, как это сделал Й. ван Дейк в отношении меланезийского понятия *мана*,¹⁷⁰ то окажется что явления, названные в мифе об Энки и Инане в числе *me*, без особых натяжек сопоставимы со сверхъестественными силами, которые опи-

¹⁶⁸ Краткое содержание мифа: Инана получает в городе Эредуге (Эре/иду) «силы» или «сути» *me* от своего отца Энки и везет их в небесной ладье в собственный город — Унуг (Урук). Передумав, Энки посылает за «сутями» чудовищ, которые должны вернуть их в Эредуг. При этом рассказ о преследовании Инаны чудовищами повторяется шесть раз, а названия более ста (!) *me* перечисляются без пропусков и сокращений четыре раза. В данном контексте *me* воспринимаются с одной стороны как некие силы, а с другой — дары цивилизации и виды человеческой деятельности (например, ремесло плотника, медника и т. п.). Из-за плохого состояния текста исход повествования неясен: «сути» могли быть как возвращены в Эредуг, так и оставлены в Унуге. Русский текст мифа в переводе В. К. Афанасьевой имеется в сборнике «От начала начал» (От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997).

¹⁶⁹ G. Farber. *me (garza, parzu)* // RIA 7, 1987—1990, P. 610—613.

¹⁷⁰ J. van Dijk. *Sumerische Religion* // Asmussen, J. P., Laessoe, J., Colpe, C. (ed.). *Handbuch der Religionsgeschichte* 1. Göttingen. 1971. S. 440.

сал Ф. Р. Леманн, исследовавший *мана* еще в 1922.¹⁷¹ При этом всё же надо учитывать, что вопрос о привлечении этнографии для восстановления явлений глубокой древности как будто бы аналогичных каким-либо явлениям, характерным для примитивных обществ наших дней, остается в некоторых отношениях спорным. С другой стороны, принадлежность различных *ме* тем или иным богам и их географическое распределение по святилищам, реконструируемое по другим мифам (и, в еще большей степени, по гимнам, которые посвящались богам и храмам), соответствуют взглядам более поздней эпохи.

Антропоморфное олицетворение сверхъестественных сил шумеры обозначали словом *dinġir* — «бог». Этимология слова непрозрачна, поскольку оно, по всей видимости, было заимствовано шумерами из какого-то языка-субстрата. В клинописи *dinġir* передается знаком ЗВЕЗДА, который на самом деле употреблялся для передачи абстрактного понятия «высота» и конкретного понятия «небо» и, насколько известно, никогда — для передачи собственно слова «звезда». Здесь выражена связь божества с небесной сферой, хотя небо составляло лишь часть того пространства, в котором, по понятиям жителей древней Месопотамии, боги пребывали и действовали. Связь понятий «бог» и «небо» на уровне клинописной графики вероятно отражает определенное преобладание небесных («уранических») богов над силами Земли — хтоническими божествами. Это неудивительно, если мы вспомним, что клинопись была изобретена в Уруке — городе небесного бога Ана. Кроме того, подобные представления хорошо вписываются в идеологическую картину Месопотамии и ранних цивилизаций в целом — в их пантеонах верхние ступени иерархии чаще всего занимали фигуры небесного происхождения.

Имена крупных и мелких божественных персонажей, все из которых принадлежали к одному пантеону и имели собственные культы, сопровождалась детерминативом божественности, который происходит от знака DINGIR («бог») и совпадает с ним по форме. Этот детерминатив засвидетельствован в древнейших урукских текстах, начиная со слоя IVa. Однако не во всех местных писцовых школах Двуречья этот отличительный признак привился сразу — иначе как объяснить тот факт, что в текстах Ур-Нанше он то и дело пропадает

¹⁷¹ F. R. Lehmann. *Mana*. Der Begriff des "außerordentlich Wirkungsvollen" bei Südseevölkern. Leipzig. 1922.

перед именами даже наиболее выдающихся представителей лагашского пантеона. Если единичный пропуск детерминатива перед именами *nin-ki* в более поздней надписи Эанатума на «Стеле коршунов» (1 Rs. V 40) следует, видимо, считать ошибкой, то в надписях Ур-Нанше он еще опускается довольно часто (*es₃-ir* 24 III 1; *ga₂-tum₃-dug₃* 51 IV 6; *kinda₂-zi* 51 VI 11; *lugal-URU×GAN/tenū* 25 III 4; *nin-gir₂-su* 21 и 22 а 5; *nin-mar^{ki}* 51 V 1; *šul-šag₄* 51 VI 9). Более того, даже в течение последней фазы периода РД IIIb, некоторые имена по-прежнему остаются без детерминатива божественности, либо пишутся с ним весьма нерегулярно. Причины этого в каждом конкретном случае могут быть совершенно разными.

Так, перед именем бога неба Ана детерминатив не ставился во избежание возможных ошибок: сдвоенный знак AN (поскольку AN отличается по форме от DINGIR) давал бы чтение *na_b*. Однако местное божество с точно таким именем (Наб) почиталось в Лагаше. В старовавилонскую эпоху этот бог носил эпитеты *dumu-sag-an-na* («первороденный сын Ана») или *dumu-sag-/gašanmungara/* («первороденный сын [богини] Гашанмунгары»). Имя этой богини переводится как «госпожа-крестьянка» либо как «владычица земледельцев». В древнейшую эпоху имя Наб регулярно писалось без детерминатива. Данное правило в основном соблюдалось и в старовавилонское время с тем, чтобы избежать двусмысленности, поскольку сочетание трех знаков AN обычно читается как *mul* «звезда».

Не ставился детерминатив и перед именем птицы Зуд (или Анзуд),¹⁷² занимающей промежуточную нишу между богами и демонами, которая в эпосе о Лугальбанде предстает в качестве божества судьбы отдельного человека. Здесь слог *an* выполняет вспомогательную функцию, указывая на полную форму имени.¹⁷³ К этой же группе относится имя обожествленного царя Урука Гильгамеша (пошумерски Бильгамес), которое пишется то с детерминативом божественности, то без него.

Эпитеты богов — по крайней мере на той стадии, когда они еще не развились в самостоятельные божественные сущности — также пишутся без детерминатива. В частности, сюда относятся эпитеты *kug-nun* («святой/светлый князь»), *lugal-eden-na* («владыка степи/области Эден») и *subi₃* («сияющий» — вероятно, прозвище бога Луны).

¹⁷² В переводе В. К. Афанасьевой — «орел Анзуд». См. От начала начал..., С. 192—203 и 403—408.

¹⁷³ *J. Bauer. Op. cit. S. 498.*

Знак UD, обозначающий «солнце», «день» и прочие понятия этого круга, находился в ходе фазы РД IIIb в переходной стадии. С одной стороны, в царских надписях и документах храмовой администрации мы встречаем хорошо известное по позднейшим текстам нормативное написание имени солнечного бога — ^dutu. С другой стороны, в именах собственных, которые сохраняют более консервативное написание, отдельно стоящий знак UD противопоставляется сочетанию ^dutu. По мнению Г. Зельца,¹⁷⁴ за написанием UD в ряде случаев скрывается имя супруги солнечного бога Уту — богини ^d/šerda/, что означает «утро».

Считалось, что божественной силой обладает также дверь и отдельные ее части. Личные имена из Гирсу, содержащие элемент za-ga (камень, который клали под дверную ось), порой сопровождался детерминативом dingir. Имена мелких божеств вроде Луммы и Мамы, равно как и коллективные существительные типа en-ki и nin-ki (соответственно «владыки земли» и «князья земли»), выписывались в Лагаше без детерминатива, тогда как в Умме того же периода имя Лумма писали с детерминативом. Без детерминатива пишутся также названия следующих предметов: стел (na-du₃-a или na-gu₂-a), эмблем (ur-in-du₃-a), арф (balag), священных литавр (ub₅-kug), а также шест Ниндары (gi-muš-^dnin-dar). Написания старошумерского времени отличаются от новошумерских именно тем, что в последних детерминатив божественности ставится перед названиями всех предметов, так или иначе связанных с божеством, — оружия, символов, штандартов, стел, музыкальных инструментов, тронов, кораблей и т. п. Это вовсе не означает, что вера в предметы, «заряженные» божественной энергией, — явление относительно позднее. Скорее это значит, что священные предметы первоначально не наделялись самостоятельным божественным статусом.

Наиболее значительные боги периода РД IIIb предстают в антропоморфном облике. В огромной фигуре на лицевой стороне «Стелы коршунов» легко узнаваем, несмотря на отсутствие божественного рогатого венца (фрагмент рельефа с этим головным убором разрушен), бог Нин-Гирсу. Тем не менее, сохранились некоторые свидетельства иных, более архаичных представлений об этом и других богах. Даже в довольно позднем тексте Гудеа имеется фрагмент, где о главном лагашском боге говорится: «Нин-Гирсу, истин-

¹⁷⁴ G. J. Selz. Verwaltungsurkunden in der Eremitage in St. Petersburg // ASJ 16. 1994. S. 220—221.

ное семя Энлиля, из горы рожденный (hur-sag-e tu-da)». Под горой Хурсаг (точнее — Хурсанг) в текстах, особенно наиболее древних, часто подразумевалась богиня Нинхурсаг(а), т. е. «владычица горы», супруга Энлиля.

В этой связи надо отметить явление, известное на примере множества имен богов, историю которых можно проследить на протяжении достаточно значительного промежутка времени и которые проходили в своей эволюции две, а возможно и три стадии. Древнейшая стадия — это обожествление явлений посредством детерминатива божественности, который ставился перед соответствующими словами; например, ^dtu-r. На второй стадии к этой конструкции добавляется личностный элемент, который наделяет имя антропоморфными чертами; ^dtu-r преобразуется в ^dnin-tu-r. В качестве таких «персонифицирующих» элементов чаще всего употребляются слова nin, lugal и en. В небольшом отрыве за ними следуют šul и NU.NUS. Наконец, на третьей стадии происходит подчинение составляющей-явления составляющему-личностному посредством родительного падежа. Таким образом, из ^dnin-tu-r по идее должно получиться *^dnin-tu-ra(k), хотя последняя форма этого имени реально не засвидетельствована. Для большей ясности приведем перевод всех стадий рассматриваемого имени в толковании Т. Якобсена: «(обожествленная) родильная хижина» → «владычица—родильная хижина» → *«владычица родильной хижины».¹⁷⁵ Анализ развития имен наиболее крупных и известных божеств показывает, что к периоду РД IIIb многие из них уже обрели форму, характерную для вышеуказанной третьей стадии. Так, элементы имен Энки (^den-ki-k) и Нинхурсаги (^dnin-hur-sag(+ak)), возможно, связаны генетивной конструкцией. С другой стороны, составляющие в именах Энлиля (^den-lil₂: «господин-ветер») и Нинтур (^dnin-tu-r) представляются равноправными. В именах незначительных божеств, которые прежде всего и сохранились в составе имен собственных, преобразование форм без элемента nin (и прочих подобных личностных элементов) в формы с таковыми элементами началось в период РД IIIb и продолжалось в течение всей новошумерской эпохи, завершившись уже в старовавилонское время, когда аккадские имена заметно вытесняли шумерские. Собственно ко времени РД IIIb относятся лишь два примера, а большая часть материала взята из имен периода III

¹⁷⁵ Th. Jakobsen. Notes on Nintur // OrNS 42. 1973. P. 279—281.

династии Ура. В редакции периода Фары¹⁷⁶ храмового гимна из Кеша имя богини рождения, о которой уже говорилось, звучит просто как ^dtu-r, тогда как в его старовавилонской версии¹⁷⁷ она, разумеется, названа ^dnin-tu-r, причем последняя форма вошла в употребление уже в досаргоновский период. Еще пример: в хозяйственных документах имя одного и того же рыбака в одном случае пишется ur-^dnin-igu-a-mi-DU, а в другом — ur-^digu-a-mi-DU. Божественную составляющую имени рыбака можно перевести либо как «(госпожа,) в городе она стоит», либо как «(госпожа,) в город она воду приносит». Любопытно, что данная сверхъестественная персона может быть как женского, так и мужского пола. Для искусственного «исправления» последней формы имени нет никаких оснований.¹⁷⁸

На первой и второй стадиях своей эволюции имена богов указывают на то, что прежде их облик вовсе не был антропоморфным, или, возможно, на некое состояние, в котором божество существовало одновременно и как неантропоморфное явление, и как существо схожее по виду с человеком.¹⁷⁹ На основании одного лишь изменения формы имен установить точное время трансформации богов в сторону чисто человеческого облика представляется невозможным. Надо полагать, что данный переход сначала произошел в духовной сфере, а затем был закреплён на уровне имен.

Здесь опять будет небесполезен материал этнографии. Так, одновременное существование божества в разных формах хорошо известно по мифам североамериканских индейцев, где Земля представляется, с одной стороны, плоскостью под ногами людей (чью «грудь», тем не менее, нельзя тревожить плугом), а с другой — старухой, которую можно иногда повстречать. Приведем более близкий пример: в старовавилонском гимне богине Нисабе (Нисабак), опубликованном Д. Райзманом в сборнике в честь С. Н. Крамера,¹⁸⁰ строки 10—11 звучат следующим образом: nin-mi e₂-kur-ra ku₂-bi za-e-me-en, e₂-an-na-ka ku₂-bi-me-en, т. е. «госпожа моя, пища Экура ты, пища Эаны ты». Таким образом, Нисаба(к) здесь одновременно и богиня, и поедаемое людьми зерно урожая. На уровне природ-

¹⁷⁶ R. D. Biggs. An Archaic Sumerian Version of the Kesh Temple Hymn from Tell Abū Salābikh // ZA 61. 1971. P. 193—207.

¹⁷⁷ G. B. Gragg. The Kesh Temple Hymn // TCS 3. 1969. P. 155—188.

¹⁷⁸ Ср. G. J. Selz. Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš, 2: Altsumerische Wirtschaftsurkunden aus amerikanischen Sammlungen // FAOS 15/2. 1993. S. 606.

¹⁷⁹ J. Bauer. Op. cit. S. 500.

¹⁸⁰ D. Reisman. A "Royal" Hymn of Išbi-Erra to the Goddess Nisaba // FS Kramer (AOAT 25). 1976. P. 357—365.

ных явлений Ан равнозначен небу, Энлиль — воздуху, Уту — солнцу, Шерда — утру, а Гибиль — огню.

Некоторые боги первоначально мыслились как обладающие сверхприродной силой предметы: Игалима («дверь дикого быка»), Зара («камень под дверной осью»), Нинтур («госпожа—родильная хижина»), Саман («лассо»). Имя Хендурсага буквально обозначает «посох/жезл первого». К нему, вероятно, следует присоединить имена ^dPA.IGI.DU и ^dPA.KAL — соответственно «посох идущего впереди/во главе» и «ценимый посох». Также имеются божественные сущности изначально растительного происхождения, например, Ашнан (предположительно «зерно»), Гишзид («прямое/правильное дерево»), возможно также Гишбаре (если это действительно означает «дерево, [которое] распускается») и Кугсуг («священный стебель»).

Ряд божеств имели, по крайней мере изначально, форму животных: Нингилин — мангуста, Нинпириг — льва, Ниншара (и Шара) — хищной птицы, Шамаган — четвероногого обитателя степей. Кроме того, за написанием ^dnin-MUŠ×MUŠ-da-gu в списке богов из Шурушака скрывается некое божество в виде рыбы.¹⁸¹

Элемент *nin*, часто встречающийся в именах богов, до сих пор служит источником известных трудностей для ученых. Присутствие этого элемента в именах как богинь, так и богов, может послужить для историков религии доказательством первоначальной обоеполости месопотамских божеств.¹⁸²

С другой стороны, большинство исследователей клинописных текстов подходят к этой проблеме с более трезвых позиций: по их мнению, слово *nin*, изначальный род которого не установлен, могло принадлежать к тому же классу имен, что и *dumu* «дитя» (назовем это условно средним родом; ср. также греч. *tò τέκνον*, нем. *das Kind*, англ. *child*, которому соответствует местоимение *it* и т. д.). В таком случае *nin* вполне могло первоначально означать как «господин», так и «госпожа». Судя по новейшим наблюдениям в области палеографии, знак NIN можно считать лигатурой из знаков MUNUS и NAM₂. Это сочетание, вероятно, передавало значение «женщина-вождь» или «женщина, (которая является) правителем».¹⁸³ Таким образом, знак, составленный из двух идеограмм (пол + социальный статус), с

¹⁸¹ M. Krebernik. Die Götterlisten aus Fāra // ZA 76. 1986. S. 199.

¹⁸² G. Widegren. Evolutionistische Theorien auf dem Gebiet der vergleichenden Religionswissenschaft // G. Lanczkowski (ed.). Selbstverständnis und Wesen der Religionswissenschaft. Darmstadt. 1974. S. 110 + Anm. 68.

¹⁸³ J. Bauer. Op. cit. S. 501: «Frau(, die) ein Fürst (ist)».

самого начала содержит в себе довольно однозначное указание на половую принадлежность обозначаемого лица, сохраняя это указание и в дальнейшем. Весьма маловероятно, что все мужские божества, имена которых начинаются на *nin*-, постепенно меняли свой пол в ходе некой исторической метаморфозы. С другой стороны, есть вероятность, что уже ко времени появления знака NIN в письменности (или, по крайней мере, начиная с периода Джемдет-Наср) в живом шумерском языке слово *nin* стало употребляться только для обозначения понятий «госпожа» и «сестра». Иными словами, похоже, что в ходе эволюции шумерского языка постепенно происходило — надо думать, не без влияния клинописной графики — сужение значения слова *nin*. В шумеро-аккадских «словарях» позднейших периодов оно обрело общеизвестную однозначную форму: *nin* = *bēltum* («госпожа, владычица»).

По словам Г. Радке, «древнейшее однозначное свидетельство, остающееся от бога, — это его имя».¹⁸⁴ В этом отношении ситуация благоприятна, поскольку имена месопотамских божеств известны в изобилии. Один лишь «Вавилонский пантеон» А. Даймеля («*Pantheon Babylonicum*», 1914) насчитывает около 3 300 имен, а ведь эта работа уже давно не отражает современного состояния знаний в этой области. Если ограничиться только раннединастическим Лагашем, можно насчитать почти 80 богов. Их имена отражают картину, характерную для Нижней Месопотамии в целом, — смесь заимствований из языка-субстрата (возможно, нескольких таких языков), из аккадского адстрата (или даже субстрата), а также собственно шумерских элементов. Хурритские заимствования на шумерском юге в эту пору не засвидетельствованы. Это говорит либо о значительной удаленности отсюда «ядра» ареала хурритского расселения, либо о нашем всё еще неудовлетворительном знании хурритского языка, особенно на древнейших этапах его развития. Имена эламских богов также не засвидетельствованы, что довольно странно, если принять во внимание тесные торговые связи Двуречья с Эламом и давние военные конфликты между этими регионами. Одной из причин этого также может оказаться неадекватное наше знание эламского языка. В списке богов из Абу-Салабиха (период Фары) всё же присутствуют имена эламских божеств, но они представлены в «шумеризированном» виде. В настоящее время шумерский язык

¹⁸⁴ G. Radke. Zur Entwicklung der Gottesvorstellung und der Gottesverehrung in Rom. Darmstadt. 1987. S. 3.

изучен достаточно хорошо, и шумерский языковой материал — в данном случае, в области имен — легко выделяется на фоне шумерского. С другой стороны, выявить протошумерских богов, т. е. богов, которых пришлое (прото)шумерское население принесло в Месопотамию со своей гипотетической прародины, пока не удается.

При классификации имен богов чисто внешним отличительным признаком может служить окончание (ауслат): одни оканчиваются на согласную, а другие — на гласную. Таким образом, получаются две большие группы. Восходят ли они к разным субстратам, сказать невозможно. Возьмем для примера божеств, упоминаемых в текстах из лагашского государства.

К первой группе (консонантный ауслат) относятся следующие имена: ^dašna_n, богиня зерна (если диалектная форма ^dezinu не является более правильной); ^dga₂-tum₃-dug₃, именуемая «матерью Лагаша»; ^diškur, бог бури, почитавшийся также в Нимине; ^dlamar, богиня-защитница; ^dli₉-si₄-n — богиня, не имевшая самостоятельного культа в Лагаше и фигурирующая лишь в названии одного из месяцев; ^dsaman₃, «лассо»; божество ^daš₁₀-bar; а также Нисаба(к) или Нидаба(к) (^dnid/saba-k) — богиня, называемая в текстах Уруинимгины хранительницей правителя Уммы Лугальзагеси.¹⁸⁵

Относительно недавние исследования У. Ламберта¹⁸⁶ и Г. Зельца¹⁸⁷ возможно говорят о том, что функция богини-защитницы не была для Нисабы изначальной. Эти ученые сделали попытку установить значение имени богини, исходя из материала шумерского языка. Ламберт увидел в окончании -k показатель шумерского генитива, придя, в результате, к толкованию nin+d/sab: «госпожа (чего-то неизвестного под названием) dab/sab» Еще дальше пошел Г. Зельц, который, исходя из функции богини как покровительницы зерна и из особенностей написания ее имени, объясняет последнее как nin+še-ba-ak, т. е. «владычица хлебных рационов».

Однако Й. Бауэр¹⁸⁸ выдвигает два аргумента против рассуждений Зельца и один — против толкования Ламберта. Против этимологии, предлагаемой Зельцем, говорит полное отсутствие сколько-

¹⁸⁵ Надо полагать, что чередование d/s в имени богини указывает на первоначальное звучание */nidzaba/, где */dz/ — слитный звук типа звонкого «ц».

¹⁸⁶ W. G. Lambert. Further Notes on ENLIL AND NINLIL: The Marriage of Sud // JAOS 103. 1983. P. 64—65.

¹⁸⁷ G. J. Selz. Nisaba(k): "Die Herrin der Getreidezuteilungen" // FS Sjöberg. 1989. S. 491—497.

¹⁸⁸ J. Bauer. Op. cit. S. 502.

нибудь убедительных интерпретаций параллельной формы *nidabak*. Второй контраргумент относится к обоим ученым: если бы одна или другая шумерская этимология была верна, следовало бы ожидать другое написание — не посредством *одного* словесного знака (в новоассирийском варианте он выглядит как сочетание *ŠE.SUM.IR*),¹⁸⁹ а через легко читаемую последовательность знаков, начинающуюся с *nin-* (скажем, **^dnin-sab*, **^dnin-še-ba-(ak)* и т. п.). В качестве единственного убедительного примера написания имени божества через один словесный знак можно привести лишь идеограмму *MUŠ₃*, которой записывается имя Инаны. Однако, вполне возможно, что дошедшая до нас форма */inana/* — результат народной этимологии, восходящий к старому дошумерскому имени.¹⁹⁰

Вторая группа (вокальный ауслаут) включает имена, перечисленные ниже. Божество *^da-da-na* располагало собственным культом, но в текстах засвидетельствовано лишь единожды (DP 223 X 3). Ауслаутное *-/a/*, возможно, надо считать шумеризированной частью. Имя богини *Бау* в настоящее время имеет несколько чтений: *^dba-U₂*, *^dba-wa₃*, *^dba-wu_x*. Кроме того, в отечественной историографии ее часто называют Баба (*^dba-ba₆*). По-разному читается и имя бога *Асари* (краткая форма от *^dasar(i)-lu₂-hi*: бог-покровитель заклинателей, предшественник вавилонского Мардука). Если чтение *^dasar* принять за основное, его следует отнести к первой группе — с консонантным ауслаутом.¹⁹¹ Однако, скорее всего, первоначальной была форма с гласным окончанием: *^dasari*, *^dasaru*. К этой же группе относится *^dab-U₂* — имя встречающееся исключительно в составе географических названий и имен собственных и, подобно имени богини *Бау*, имеющее несколько чтений. Далее надо назвать богиню *Нанше* (*^dnānše* или *^d/nazi/*; при последнем чтении имя можно перевести как «госпожа рыб»), а также богинь *^dezinu* и *^dza-za-gu₉*. Последняя из них — одна из сестер *Бау* и младших детей *Нин-Гирсу*. Что касается остальной «молодежи» в семье патриарха *Нин-Гирсу*, то *Зарму* и *Зурму* в старошумерскую эпоху еще не засвидетельствованы, а четыре других имени вполне выводимы из шумерских составляющих. Наконец, упомянем главного бога *Уммы*, *Шару* (*^dšara₂*), которому *Уруинимгина* отсылал дары в *Нишпур*.

¹⁸⁹ Впрочем, Р. Боргер расчленяет знак *nisaba* на *SE-NAGA*: см. *AbZ*, S. 150.

¹⁹⁰ *J. Bauer*. Op. cit. S. 502.

¹⁹¹ В одной надписи *Гудеа* (цил. В IV 1) встречается форма *^dasar-re*, т. е. *^dasar* в «агентиве».

Таким образом, всего получается 14 божественных имен. Так называемые «банановые» имена — например, Забаба (^dza-ba₄-ba₄), бог войны и верховное божество города Киша — за пределами Лагаша почти не зафиксированы.

На фоне этих субстратных и (до)шумерских имен в старошумерский период выделяются лишь три имени, которые с уверенностью можно считать аккадскими. Это ^dsi-bi₂, бог числа «семь» (по-аккадски *sebe*), ^dsu:en, бог Луны, и ^d/šerda/ — богиня утра и супруга солнечного бога Уту. Сюда в некотором смысле примыкает имя «дверного» бога (^dza-ga: хотя за этой формой в конечном счете скрывается аккадское заимствование, данный божественный персонаж во все не обязательно был заимствован у аккадцев. Имеется также божество ^dPA.KAL, имя которого Ж. Боттеро в свое время читал как ^dpa-dan, т. е. «путь, тропа» (в таком случае оно происходило бы от аккадского *radānum*).¹⁹² В настоящее время специалисты склонны отказаться от этой интерпретации.¹⁹³

Что касается этимологизируемых шумерских имен, составляющих основную массу традиционного материала, можно только гадать о том, какой процент здесь составляют народные этимологии, переводы или дошумерские имена, шумеризированные посредством добавления элементов типа *nin*, *en* и *lugal*. С. Моренц писал, что прозвища богов, образованные от географических названий, например «тот, (что) из Нехена (т. е. Иераконполя, или «Города сокола» — птицы, олицетворявшей египетского бога Хора)» или «Нехенский», заменяли подлинные, давно табуированные имена.¹⁹⁴ Многие имена в Месопотамии принадлежат как раз к этому типу — вспомним хотя бы Нин-Гирсу, «владыку Гирсу».

Значительная часть богов, издревле почитаемых в лагашском государстве, а также огромное количество божеств, со временем проникших туда извне, всегда вызывали у историков религии серьезные трудности. Создав определенную иерархию, ученые расположили в ней богов во всей сложности их взаимоотношений. За образец первоначально была взята человеческая семья, где субординация строилась по линии отец—сын и мать—дочь, а на уровне супругов, а также братьев и сестер имело место одноранговое, от-

¹⁹² J. Bottéro. Les divinités sémitiques anciennes en Mesopotamie // *Moscatti, S.* (ed.). Le antiche divinità semitiche. StSem. Roma. 1958. P. 44.

¹⁹³ J. Bauer. Op. cit. S. 502.

¹⁹⁴ S. Morenz. Ägyptische Religion // Die Religionen der Menschheit 8. Stuttgart. 1960. S. 23.

носителем равноправное сосуществование. Мелкие божества, по примеру ближайшего окружения земного царя или правителя, мыслились как придворные, подчинявшиеся верховному богу. Такой представлялась структура лагашского пантеона в исследованиях Т. Пфаффратса,¹⁹⁵ продолженных и детально разработанных А. Фалькенштейном¹⁹⁶ с привлечением всех доступных источников, включая старошумерские. В последнее время работу в этом направлении возобновил Г. Зельц.¹⁹⁷

В целом, специалисты сходятся на том, что иерархия богов с ее сочетанием субординации и равноправных отношений складывалась не произвольно, но под влиянием исторических условий и процессов. Говоря о богах государства Лагаш, Г. Зельц делит их на два круга — внутренний и внешний. Когда Гирсу, Лагаш и Нимин — три древних центра, очевидно существовавшие некоторое время как самостоятельные политические образования — слились в единое лагашское государство, возникла необходимость объединения местных верховных божеств. Так образовался внутренний круг.

Внешний круг образовывали культовые центры нелагашских божеств, расположенные на территории Лагаша и свидетельствующие о внешних контактах этого государства в области идеологии. Эти связи имели место еще до образования общелагашского государства, хотя после объединения их интенсивность заметно возросла. Особое внимание Г. Зельц обращает на три соседние государства. Контакты Гирсу с Нишпуром зафиксированы лишь в относительно позднее время. Сильное влияние, заметное прежде всего в городе Лагаше (центральная часть государства), здесь оказывал Урук и, наконец, имеются сведения о древних связях с югом, в особенности с городом Эреду(г). Названные культовые центры действительно оказывали наиболее сильное влияние на религию Лагаша, однако они не были единственными источниками внешней культурной «экспансии». В этой связи надо назвать по меньшей мере еще 6—7 городов: Кеш, Бадтибира, Киабриг, Каркара, Энегир и, возможно, Куар. Влияние этих центров было весьма разным не

¹⁹⁵ Th. Pfaffraths. Zur Götterlehre in den altbabylonischen Königsinschriften. Mit einem ausführlichen Register der auf die altbabylonische Götterlehre bezüglichen Stellen // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums 6/V—VI. Paderborn. 1913.

¹⁹⁶ A. Falkenstein. Zum Pantheon des Stadtstaates von Lagaš und zur Kulttopographie // AnOr 30. 1966. S. 55—170.

¹⁹⁷ G. J. Selz. Studies in Early Syncretism: The Development of the Pantheon in Lagaš. Examples for Inner-Sumerian Syncretism // ASJ 12. 1990. S. 111—142.

только по интенсивности, но также по способам проявления и мотивам.

Как отмечает Й. Бауэр, Г. Зельц видимо не учел то, что каждое из трех политических образований, предшествовавших объединению имело собственную внутреннюю структуру, где сельская округа подчинялась сети крупных и мелких поселений и храмов.¹⁹⁸ Эпоха равноправных сельских общин на юге Месопотамии давно миновала. Поэтому есть серьезные основания полагать, что уже на древнейшей стадии пантеон каждого из трех главных центров вобрал в себя божеств окрестных селений. Конечно, конкретные доказательства этой «абсорбции» привести трудно, так как имеющиеся в нашем распоряжении источники очень редко позволяют делать выводы о столь отдаленном прошлом. Таким образом двойную схему Зельца можно было бы расширить до тройной, добавив туда еще один круг божеств — внутри того, что он называет «внутренним».

Гирсу

Гирсу — центр северо-западной области, а также, поскольку правители перенесли сюда свою резиденцию, столица всего лагашского государства. Главным божеством как округа Гирсу, так и всего государства является Нин-Гирсу, буквально «владыка Гирсу». В старошумерских источниках на первый план выступают воинственные черты бога. Был ли он также, подобно сыну Энлиля Нинурте, с которым его часто сравнивают, и богом земледелия, сказать невозможно. На основании одного изолированного факта, А. Фалькенштейн¹⁹⁹ считал возможным, что Нин-Гирсу первоначально был местным солнечным богом: известно, что где-то к западу или северо-западу от Гирсу уже в досаргоновскую эпоху у Нин-Гирсу был храм с таким же названием, как у святилища Уту в Ларсе — e₂-bar₆-bar₆ («белый дом»). Кроме того, лишь на том основании, что о Нин-Гирсу, как и о боге Lugal-URU×GAN/tenū (которого на самом деле следует идентифицировать с Амашумгальаной), рассказывали, будто он принимал ванну, Г. Зельц²⁰⁰ полагает, у «владыки Гирсу» имелись также черты бога растительности, что Й. Бауэр считает ошибочным.²⁰¹

¹⁹⁸ J. Bauer. Op. cit. S. 504.

¹⁹⁹ A. Falkenstein. Die Inschriften... S. 94.

²⁰⁰ G. J. Selz. Studies... S. 117.

²⁰¹ J. Bauer. Op. cit. S. 504.

Возможно, здесь стоит вспомнить, что наряду с Нин-Гирсу в списке богов из Абу-Салабиха²⁰² фигурирует и некий Гирсу (^dgir₂-su), о котором из местных источников неизвестно ровным счетом ничего. Если бы имена ^dnin-gir₂-su и ^dgir₂-su не значились в одном документе, они могли бы представлять две стадии развития одного и того же имени (см. выше).

Самый значительный храм Нин-Гирсу — это Энинну (e₂-ninnu, т. е. «дом Нинну» или «дом пятидесяти»), находившийся в Гирсу. По мнению Й. Бауэра, в слове ninnu надо видеть дошумерское название храма, образованное от наименования какого-то топографического объекта. Связь названия Нинну с числом «пятьдесят» (ninnu), видимо, состояла лишь в том, что древние писцы видели в знаке 50 удобное средство для передачи на письме уже непонятного им названия.²⁰³ Знак e₂, как и в очень многих названиях храмов, играет роль смыслового указателя. Иными словами, в историческом плане его можно рассматривать как детерминатив к древнему топониму Нинну. Помимо Энинну, Нин-Гирсу «владел» еще несколькими храмами в окрестностях Гирсу. Важнейшими из них были Ахуш, Тирас (Тираш) и Антасура.

Супругой Нин-Гирсу считалась Бау — довольно невыразительная фигура как в старошумерских, так и в более поздних письменных свидетельствах. Ее единственным эпитетом, применявшимся в раннюю эпоху, было ninus-sa₆-ga, т. е. «добрая жена» или «благосклонная жена». Бау была покровительницей Урукуга, «Святого града», и там находился ее важнейший храм, e₂-tar-sir₂-sir₂-ra. А. Фалькенштейн считал Бау ипостасью богини Гатумдуг в Гирсу, а «Святой град» с его храмом (Э)тарсирсира помещал в Лагаше.²⁰⁴ По мнению Й. Бауэра, на это нет никаких оснований. Вполне возможно, что раннединастический Гирсу возник как раз в результате слияния обеих частей Гирсу, центром которых служил храм Энинну, со «Святым градом», образовавшимся вокруг храма (Э)тарсирсира.²⁰⁵

Детьми божественной четы были Шульшагана («юноша, [который] ему [т. е. Нин-Гирсу] по сердцу») и Игалима («дверь дикого быка»). Насколько известно, их культ не выходил за пределы Гирсу. Их храмы назывались, соответственно, ki-tuš-akkil-li₂ («обиталище

²⁰² P. Mander. Il Pantheon di Abu-Šalabikh // Contributo allo studio del pantheon sumerico arcaico, 1986, P. 29.

²⁰³ J. Bauer. Op.cit. S. 504.

²⁰⁴ A. Falkenstein. Die Inschriften... S. 64—65, 72.

²⁰⁵ J. Bauer. Op. cit. S. 505.

скорбных воплей») и $e_2-me-hu\check{s}-gal-an-ki$ («храм страшных божественных сил неба и земли» или «храм, [который обладает] ужасными *ме* неба и земли»). Если культ Шульшаганы и Игалимы был занесен в Лагаш извне, то об этом ничего неизвестно. Из группы божеств, именуемых в текстах Гудеа «сестрами/братьями Бау и младшими детьми Нин-Гирсу», в старошумерский период известна только одна триада: Нипаз («та, что является в сиянии» или «та, что открывается в свете»), Урнунтаза («та, что вышла из княжеского лона») и Зазару. Этим трем богиням Уруинимгина возвел «дома» — святилища типа часовен внутри храма «благосклонной богини-защитницы». Существование божественной «семерки» Гудеа уже в досаргоновском Лагаше весьма маловероятно, поскольку богиня Гангир(нун)а («служительница „Высокой дороги“ [название улицы в Гирсу, по которой двигались процессии]»), включенная позже в состав «семерки», была еще вполне самостоятельной фигурой. Только она носила в старошумерское время эпитет «жрица-*лукур* Нин-Гирсу». Исходя из этого прозвища, а также из некоторых документов раннединастического Лагаша, ее следует причислить скорее к ближайшему окружению Нин-Гирсу, чем к его потомству. В одном из текстов (Ukg 6) упоминается, что у богини было в Гирсу собственное святилище, где регулярно отправлялся ее культ.

Помимо уже упомянутых членов свиты Нин-Гирсу, известны лишь две фигуры Раннединастического периода: богиня $^d\text{nin}-mu_2$ и бог $^d\text{kinda}_2-z\check{i}$. Чтение $^d\text{nin}-mu_2$ основано на написании $^d\text{nig}_2-mu_2$, которое встречается в одном документе из Гирсу периода Фары (RTC 8 II 6) и которое, по примеру современного ему написания $^d\text{nig}_2-gir_2-su$, следовало бы транскрибировать как $^d\text{nim}_5-mu_2$, что подтверждается и чтением $-mu_2$.²⁰⁶ Чтение $^d\text{nin}-sar$ (SAR = mu_6), вероятно, надо считать устаревшим. Нинму носит эпитет gir_2-la_2 , буквально «кинжалоносица», что многие специалисты понимают как «мясник (Нин-Гирсу)», хотя столь кровавое занятие следовало бы поручить мужскому персонажу. (Под «мясником» здесь имеется в виду прежде всего тот — или та, — кто осуществляет заклание жертв в храме. Здесь лучше подошел бы термин «резник», употребляемый по отношению к иудеям.) Однако есть указания и на другую сферу ее деятельности. Так, согласно одной из последних интерпретаций мифа об Энки и Нинхурсаге, принадлежащей

²⁰⁶ J. Bauer. Op. cit. S. 505.

П. Аттингеру,²⁰⁷ Нинму — перворожденная дочь Нин-Гирсу и Бау, которая, в качестве «госпожи, [дающей] рост», выполняет функцию богини растительности. Схожая трактовка имеется в отечественной публикации мифа В. К. Афанасьевой: «Нинсар (или Нинму) — госпожа-растение (сад, трава). Все имена рождающихся богинь значимы, и таким образом объясняется в мифе появление или отдельной отрасли хозяйства, или отдельных видов растительности».²⁰⁸ Г. Зельц последовательно именует эту богиню «мясником-женщиной» (*butcher-woman*).²⁰⁹

Наконец, последний из известных божественных персонажей «при дворе» Нин-Гирсу — это Киндази(д), т. е. «правильный цирюльник». На этом рассмотрение туземного круга богов Гирсу следует завершить — ведь раздутый божественный административный аппарат, приписываемый Нин-Гирсу во времена Гудеа, в досаргоновском Лагаше не известен. Причины этого могут быть разными. По словам Й. Бауэра, либо местные боги «вели замкнутую жизнь», либо наши источники недостаточно обстоятельны.²¹⁰

Объединение трех некогда независимых частей государства было бы в значительной степени закреплено строительством храма верховного божества каждого из них в центрах двух остальных. Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что связь Гирсу с центральными областями государства — а, следовательно, с городом Лагашем (аль-Хиба) — была в этом отношении довольно слабой. В Лагаше Нин-Гирсу посвятили важный храм с дошумерским названием Багара. Если использовать в качестве аналогии открытие посольств в недавно признавших друг друга государствах, то представительство богини Бау в этом городе служил Эдам (*e₂-dam*: «дом супруги»), который мог быть как отдельным зданием, так и особой частью вышеназванного комплекса Нин-Гирсу (для сравнения приведем в пример помещение *e₂-dam* в составе святилища *su₃-gal^{ki}* — см. ниже). С другой стороны, великая лагашская богиня Гатумдуг не имела собственного пристанища в Гирсу, если только ее не идентифицировали в столице с Бау. Жертв в этом городе ей также не приносили; во всяком случае, они были не из числа поступлений в храм Бау.

²⁰⁷ P. Attinger. Enki et Ninhursaga // ZA. Bd. 74. 1984. S. 1—52.

²⁰⁸ От начала начал..., С. 360.

²⁰⁹ G. J. Selz. Studies in... P. 114.

²¹⁰ J. Bauer. Op. cit. S. 506.

Религиозные связи между Гирсу и Нимином были сильнее. Покровительница Нимины Нанше считалась сестрой Нин-Гирсу, хотя неясно старшей или младшей. Ее божественный брат располагал в Нимине храмом Нинегара (nin-ne₂-gar-ra: «сестрой поставленный»), которому соответствовал храм, построенный для сестры в Гирсу — Сесегара/Шешегара (ses-e-gar-ra: «братом поставленный»). Второе святилище Нанше находилось в Кисале, недалеко от Гирсу. Из Нимины могут происходить и другие божества. Так, поскольку Шулу-туль (возможно «юноша-пастух») имел в Нимине два храма (e₂-mah и es₃), а в Гирсу — только один, можно заключить, что он происходит из южной части государства, и «переехал» в столицу лишь после воцарения Ур-Нанше. Последний был основателем династии и, видимо, уроженцем юга. Поэтому вполне понятно, что он не захотел расстаться с семейным богом и на новом месте.

Боги Хендурсага и Месанду (чтение последнего слога во втором имени условно) имели храмы в Гирсу и Нимине. Поскольку Хендурсага тесно связан с кругом Нанше, гонцом которой считался, он появился в Гирсу вместе с богиней. О происхождении Месанду пока что ничего не известно. В новошумерский период этот бог уже не упоминается.

Лагаш

Пока что мы не располагаем сколько-нибудь подробной информацией о городе Лагаше — в ходе американских раскопок в аль-Хибе пока что было обнаружено едва более полдюжины хозяйственных документов досаргоновского периода. Тексты же из Гирсу освещают жизнь в Лагаше довольно слабо. Известно, что во время главного праздника богини Нанше жена правителя имела обыкновение покидать Гирсу, направляясь в Нимин. При этом она проезжала через Лагаш. Однажды Гудеа, насколько можно понять из описания его сновидения, сел на корабль и по пути к храму Сирара причалил в Лагаше, дабы принести там жертвы Гатумдуг и помолиться. Во время этой остановки его жена — она, по всей видимости, путешествовала по суше, — принесла жертвы главным божествам древней столицы. Среди них нет тех незначительных фигур, что составляли «самый внутренний» круг туземных богов, что неудобно для исследователей, поскольку анализируя взаимосвязи мелких божеств друг с другом и с главными богами можно было бы подробнее исследовать внутреннюю структуру пантеона центральной области лагашского государства. В тексте говорится о жертвах, принесенных Га-

тумдуг (уже тогда она носила эпитет «мать Лагаша»), Нин-Гирсу Багарскому, Инане Ибгальской, Нанше из Шагепеды и Энки Тардагальскому. В связи с еще двумя местами упоминаются Абсуэга («Абсу/Абзу канала») и $ki\text{-}su_3\text{-}sug_x$ (PA.SIKIL) («место [ячменного] стебля»). Благочестивый обход правящей четы завершился в городском «месте возлияния» в честь умерших ($ki\text{-}a\text{-}nag$). Помимо Инаны и Энки, которые первоначально вообще не были богами лагашского государства (о них еще будет сказано), в городе Лагаше представлен Нин-Гирсу как владыка северной части «страны» и Нанше как верховная богиня ее южной части. Божественные брат и сестра явно занимали в Лагаше особо выдающееся положение. Выражение $e\text{-}ki\text{-}sur\text{-}ra$ ${}^d\text{nin-gir}_2\text{-}su\text{-}ka$ $e\text{-}ki\text{-}sur\text{-}ra$ ${}^d\text{nan}\check{s}e$ («пограничный ров Нин-Гирсу, пограничный ров Нанше») встречается в большой надписи Энметены (Ent. 28/29) четырежды. За «правым словом Энлиля» ($inim\text{-}si\text{-}sa_2$ ${}^d\text{en-lil}_2\text{-}la_2\text{-}ta$) в надписи следуют «правое слово Нин-Гирсу, правое слово Нанше» (соответственно, $inim\text{-}si\text{-}sa_2$ ${}^d\text{nin-gir}_2\text{-}su\text{-}ka\text{-}ta$, $inim\text{-}si\text{-}sa_2$ ${}^d\text{nan}\check{s}e\text{-}ta$). Позже упоминаются «зерно Нанше, зерно Нин-Гирсу» ($\check{s}e\text{-}{}^d\text{nan}\check{s}e$ $\check{s}e\text{-}{}^d\text{nin-gir}_2\text{-}su\text{-}ka$). Кроме того, Гудеа говорит о себе, что он «право Нанше (и) право Нин-Гирсу сохранил» (статуя В VII 38—41). На основании этих часто употребляемых оборотов можно сделать вывод, что божественная пара Нанше-Нин-Гирсу упоминалась, когда речь шла о государстве Лагаш в целом. С одной стороны, это соответствует восприятию и способу выражения, характерному для менталитета ранней эпохи, а с другой — передает реальное соотношение значимости городов в составе лагашского государства. Судя по всему, в рассматриваемую эпоху город Лагаш был оттеснен на третье место после Гирсу и Нимины. Об этом говорит и «платежная ведомость», где перечисляются хлебные порции, полагающиеся участникам крупномасштабного культового праздника (DP 159). На этом событии собрались храмовые певчие со всех концов государства. Было бы логично предположить, что каждый город и каждое святилище предоставили персонал, соответствующий их величине. Из Гирсу прибыло в общей сложности 63 певчих, из Нимины 42, а из Лагаша — каких-то 20. Если этот критерий верен, то Лагаш досаргоновской поры был втрое меньше Гирсу и вдвое меньше Нимины.

Нимин

Данных о Нимине значительно больше, и они позволяют изучить внутреннюю структуру этой южной части государства подробнее.

Непосредственно на «канале, текущем к Нимину» стоял храм, называвшийся Сирара. Это непонятное для шумерских писцов название передавалось в старошумерский период сочетанием знаков UD.MA₂.NINA(.KI).TAG, что можно интерпретировать как «когда корабль достиг (букв. „коснулся“) Нимины». Хозяйкой Сирары была самая могущественная богиня лагашского юга — Нанше (возможно это имя читалось Нази). Эпитеты *nin-ug₁₆-n* (либо «могучая госпожа», либо, согласно толкованию М. Сивила, «владычица штиля») ²¹¹ и *nin-kur-sikil* (Х. Штайбле интерпретирует этот эпитет как «владычица „Чистой горы“» или, точнее, «госпожа, [которая] „Чистой горой“ [владеет]: Herrin[, die] einen ‘Reinen Berg’ [hat]) ²¹² мало дают для понимания ее природы. Любое из этих толкований кажется бессмысленным, если вспомнить, что храм богини именовался «горой, которая поднимается из вод» или «горой, которая возвышается над домами/храмами». При анализе перевода Штайбле возникает вопрос, почему понятие «владения» или «обладания» горой (глагол *haben*), которое он непременно хочет внести в свое прочтение имени, не выражено обычной конструкцией родительного падежа. Судя по наличию агентива, генитив в данном эпитете отсутствует. Поэтому здесь больше подошел бы перевод «госпожа, (которая) гору очищает» или «владычица—чистая гора». В итоге остается сказать, что точный смысл эпитета богини до конца неясен. ²¹³

Весь образ жизни этой южной окраины Лагаша, особенно в древнейшие времена, был тесно связан с водой — морем, болотами и озерами. Рыба была в этих местах не только основным продуктом питания, но и одним из ключевых религиозных символов. Само название «Нимин» передается идеограммой АВ×НА: знак РЫБА, вписанный в знак СВАТИЛИЩЕ. Будучи снабженной детерминативом божественности, эта идеограмма обозначает имя верховной богини края — Нанше. В Нимине находилось место жертвоприношений под названием *ib-ku₆-ku₂*, т. е. «(здание) Иб, (в котором) рыбу поедают». Кроме того, как следует из религиозного гимна (VS 10, 199 III 42 — IV 23), первоначальное ампауа Нанше — владычица рыб. В ее образе еще угадываются архаичные черты хозяйки или владычицы зверей (древняя божественная фигура, олицетворявшая пло-

²¹¹ M. Civil. The Statue... P. 55.

²¹² H. Steible. Die altsumerischen... (I). S. 174 Ean. 62 IV, II 1'.

²¹³ J. Bauer. Op. cit. S. 508.

дорогие и считавшаяся покровительницей животных и растений; часто обозначается греческим словосочетанием *πότλα θηρών*).

Супругом Нанше считался Ниндара. Ему также поклонялись в Нимине, но происходил он из небольшого поселения в окрестностях *ki-es₃^{ki}(a)* (букв. «место святилища»), где находился его главный храм. Последний именовался *e₂-sukud-DU*, что примерно переводится как «дом глубины/бездны».²¹⁴ В старошумерский период это название пока что не зафиксировано.

Дочерью вышеназванной божественной пары была Нинмара — богиня Гуабы, небольшого города в подчинении Нимины. Нинмара была замужем за малоизвестным богом Лугальмушбаром, чье имя, возможно, надо понимать как «царь/владыка (с) чужеземным лицом». Место происхождения Лугальмушбара неизвестно. В Нимине у этой четы было общее место почитания, однако был ли это отдельный храм или просто часть комплекса Сирары, неясно. В Нимин был перенесен и культ бога с плохо читаемым именем *Lugal-URU×GAN₂/tenū*. Городок, бывший для него «родным», находился между Нимином и Лагашем. Связывали ли его с Нанше какие-либо родственные отношения, сказать невозможно.

Где-то между Нимином и Лагашем надо искать и место под названием *ki-ni-ni^{ki}* — «место—зиккурат, место зиккурата». Культ верховной богини этого поселения, Думузидабз/су («правое дитя Абз/су»), был также экспортирован в Нимин. В случае с Хендурсагой («посох первого»), считавшимся в позднейшей традиции гонцом Нанше, невозможно определить, местного ли он происхождения, а если не местного, то откуда появился. В свете известной по позднейшим текстам твердой «привязки» Хендурсаги к Нанше, его старошумерский титул «старший гонец Абз/су» (En. I 29 I 1—2) не следует воспринимать как окончательное доказательство его происхождения из Эреду.²¹⁵ К тому же и собственно элемент *absu*, например в имени Думузидабсу, не содержит никаких указаний на Эреду.

К внутреннему кругу богов Нимины относятся Ашнан, Эсирнун, Гантура, Нинура и Шулутуль со своими двумя местами почитания в «Святилище» (*es₃*) и в «Высочайшем доме» (*e₂-mah*). Бог Месанду, чей культ отправлялся не только в Нимине, но и в Гирсу, возможно происходит из последнего города. О первоначальных центрах куль-

²¹⁴ Часто встречающееся прочтение *e₂-lal₃-DU*, по мнению Й. Бауэра (*J. Bauer*. Op. cit. S. 508), ошибочно.

²¹⁵ *J. Bauer*. Op. cit. S. 508.

та этих божеств, как и о характере их отношений с Нанше, источники умалчивают. В списках жертвоприношений эти боги и дары, подносимые им, перечисляются отдельно. Таким образом они выделяются из некоторого количества адресатов жертвоприношений более низкого ранга, которые даже не упоминаются в списках из Нимины, а если и встречаются в документах, то в виде группы из 19 или 20 «наименований». В данной группе объединены культовые символы, музыкальные инструменты богов, статуя основателя династии Ур-Нанше и фигуры прочих незначительных божеств. Они перечислены ниже. Божество ^dama-nu-mu-dib — «мать не проходит мимо» или (возможно, этот вариант точнее), «мимо матери не проходящий». Думузигуэн (^ddumu-zi gu₂-en; букв. «правое дитя совета») — как и в случае с Думузидабсу неясно, идет ли здесь речь о богине, или это бог (а может быть, опять-таки, богиня), которого следует связывать с богом-пастухом Думузи. Богиня Нинтур, имеющая дополнительный эпитет zag-ga (т. е. «Нинтур стороны» или «Нинтур святилища»), отличающий ее от «просто» Нинтур. Богиня ama-uru-da-mu₂-a — «мать, вместе с городом выросшая». К этой же группе относятся Ниншубур(a), ^dPA-IGI.DU, Ишкур (^diškur), ^dPA.KAL и, наконец, ^dasar(i/u).

На фоне вышеназванных божеств выделяется группа богов, получивших в Нимины «постоянную прописку» после образования единого лагашского государства. Именно тогда здесь было введено почитание матери Лагаша Гатумдуг. Кроме того, нельзя исключать, что культ Инаны и ее посланницы и советчицы Ниншубуры²¹⁶ попал в Нимин не в результате прямого урукского влияния, а опосредованно, через Лагаш.

Уже упоминавшееся поклонение Нин-Гирсу в храме Нинегара указывает на религиозные связи Нимины с Гирсу. В мелком поселении Сургаль («Большое вади») неподалеку от Нимины находилось сооружение под названием e₂-dam (Fö 32). Хотя прямых доказательств этому нет, можно допустить, что, подобно лагашскому храму с аналогичным названием, местный e₂-dam также служил местом поклонения богине Бау.

Судя по двум текстам из архива храма Бау (DP 55 и DP 60), жена правителя останавливалась в Гуабе как минимум на время про-

²¹⁶ Ниншубур(a) (шум. nin-subur: «госпожа-свинья») возможно первоначально обладала (обладал?) чертами гермафродита. Здесь для удобства об этом божестве говорится в женском роде.

ведения одного праздника. Скучные данные обоих списков, единственной функцией которых было перечисление выдач, не позволяют сделать выводы о родстве между всеми этими божествами. Отличие между документами состоит в том, что в одном содержится описание даров значительным богам, а другой в дополнение к этому упоминает еще одну группу из 11 получателей жертв. При сравнении списков, весьма удивляет тот факт, что ни в кратком, ни в более подробном тексте жертвы Лугальмушбару не упомянуты, хотя ему полагалось поклоняться как супругу Нинмары (вспомним об их совместном культе в Нимине). Среди туземных богов Гуабы также упоминается бог или богиня Игиамаше (igi-ama-še₃: «[тот/та, что] перед матерью»). Судя по имени, это, вероятно, сын или дочь Нинмары. Из мелких фигур местного значения, названных в подробном списке, можно назвать Лугальпаза и одну из ипостасей богини Нинтур.

Само собой, в текстах хорошо представлены и высшие боги Нимины. Нанше располагала собственным святилищем под названием igi-gal₂ (возможно переводится как «[то, на что] бросают взор»), ее супругу Ниндаре и гонцу Хендурсаге приносились жертвы. Почтение далекой столице выказывалось поклонением ее божественному покровителю Нин-Гирсу.

Не покидая пока Гуабы, перейдем к божествам, происходящим из культовых центров за пределами лагашского государства.

Внешние влияния

В южной части лагашского государства был широко распространен культ Энки. Так, в Гуабе этому богу принадлежали два святилища: Пасир («широкая могила»?) и Ки(гиш)гигид («место длинного тростника»). В текстах встречается только единичное упоминание о культе некой Инаны из Муша (muš₃^{ki}; текст DP 55 VI 2). Местоположение этого населенного пункта неизвестно.

После богини Нанше, важнейшим божеством Нимины был «иностраный» Энки, чье имя сопровождалось здесь эпитетом gi-gu₃-na («Энки главного храма»). Энки считали отцом богини; в списках его имя предшествует именам ее супруга Ниндары и божественной четы Нинмара—Лугальмушбар.

Религиозное влияние юго-западной Месопотамии проявляется и в отправлении культа Асари/у — бога, явно совпадающего с Асарлухи (⁴asar-lu₂-hi). Последний был сыном Энки, предшественником вавилонского Мардука и покровителем жрецов-заклинателей. Пер-

воначальным центром его культа был Куар — предположительно, поселение в непосредственной близости от Эреду. Культ Асари мог прийти в Нимин как непосредственно из Куара, так и опосредованно — через Эреду. Й. Бауэр считает первую возможность наиболее правдоподобной. Здесь он исходит из материала местных личных имен, содержащих название «Куар» в качестве составляющего элемента: $amag-ku_6-a^{ki}$ («телец [из] Куара»), $ku_6-a-ki-dug_3$ («Куар — место доброе/хорошее») Более веских доказательств в пользу этого маршрута заимствования, по его словам, предоставить нельзя.²¹⁷ Из окружения Энки в Нимин попал также бог Ниндуба («владыка [глиняной] таблички»), именуемый «верховным жрецом-ишибом Эреду» (Gudea, цил. В IV 4).

Божество $Lugal-URU \times GAN_2/ten_6$ — фигура не местная, но ассимилированная в лагашский пантеон. Первоначальное место его культа находилось где-то в ближайших окрестностях Нимины. В надписях правителей (En. I 26; Ent. 26) его уравнивают с божеством Амаушумгальана, а также идентифицируют с «возлюбленным супругом» ($dam\ ki-ag_2(a)$) Инаны. Упоминание здесь Инаны — одно из свидетельств урукского влияния в Лагаше. Связи с Урукком, видимо, отражены и в поклонении богу по имени Наб, который был первенцем небесного Ана — одного из главных божеств Урука.

На юге Лагаша внешние — особенно южные — влияния были особенно ощутимы. Поэтому пантеон Нимины — города под покровительством Нанше — более многолик, чем столичный. Среди лагашских богов, принятых в его состав были также Ишкур, бог бури из Каркары (поздняя традиция считала его братом-близнецом Энки), и Ниназ/су, бог благополучия и подземного мира из Энегира. Останавливаясь в Нимине, жена правителя приносила жертвы и в храме Эадда. Последний храм принадлежал Энлилю и был заложен Энметеной.

Город Лагаш, в особенности на ранних стадиях его истории, также подвергался урукскому влиянию в области религии. Об этом свидетельствует ее лагашский храм Эана ($e_2-an-na$) — полный тезка соответствующего святилища в Уруке. Лагашская Эана часто именовалась Ибгаль ($ib-gal$), что вероятно означает «овальный храм». При раскопках в аль-Хибе был обнаружен овальный в плане культовый комплекс, который отождествили с Эаной/Ибгалем лагашских текстов.

²¹⁷ J. Bauer. Op. cit. S. 510.

Надо заметить, что внешние влияния на лагашское государство в области религии далеко не ограничивались культурами вышеперечисленных божеств. Детали этих связей и пути заимствования во многом еще остаются неясными, что можно сказать и о роли тех или иных «пришлых» божеств в лагашских центрах.

Подведя итог, перечислим главных божеств раннединастического Шумера, так или иначе оставивших заметный след в идеологии лагашитов (в скобках указан первоначальный центр их культа):

- Ан, бог неба (Урук): некоторые лагашские божества считались его детьми, его имя часто входит в состав лагашских имен собственных;²¹⁸
- общешумерский Эниль, бог воздуха (?) и земли, верховный владыка всего между небом и Мировым океаном, на котором покоилась земля (Нипшур), а также его супруга Нинлиль: правители Лагаша часто носили эпитет «герой Эниля» (ur-sag den-lil₂-la₂);
- Инана, богиня плотской любви и распри (Урук): имела собственные храмы в лагашском государстве, возможно почиталась под несколькими ипостасями;
- Энки, бог мировых пресных вод, владыка мудрости и человеческих судеб (Эреду);
- Уту, бог Солнца (Зимбир, или по-аккадски Сиппар, а также Ларса[m]).

Несмотря на то, что мифология даже одного отдельного города или государства — уже не говоря о шумерской мифологии в целом — чрезвычайно запутана с точки зрения современной логики, трое из этих божеств (Ан, Эниль и Энки) составляли, по шумерским понятиям, верховную триаду всей совокупности богов. Поэтому их присутствие в Лагаше скорее закономерно, чем неожиданно. О роли Эниля как общего бога для всей «Страны» уже говорилось.

Иерархия: должности дворца и храма

Раннединастический материал по социальной вообще и жреческой в частности иерархии богаче, чем в Протописьменную эпоху, однако и здесь остается много неясного.

Так, в работе Й. Ренгера «Исследования по жречеству старовавилонского периода» («Untersuchungen zum Priestertum in altbaby-

²¹⁸ J. Bauer. Op. cit. S. 515.

lonischer Zeit») ²¹⁹ можно прочесть гораздо больше об участии жрецов-sanga в администрировании и сделках по предоставлению займа, нежели об их чисто культовых обязанностях, что диктуется прежде всего состоянием источников по этому вопросу. Красноречива уже сама эволюция значения слова sanga. Если первоначально этот термин означал «жрец», ²²⁰ то в более позднюю эпоху он стал обозначать «управляющего» или «управителя» храма. Тот факт, что sanga иногда были правителями некоторых шумерских городов (Умма, Исин) ²²¹ говорит, во-первых, о том, что этот титул был достаточно важен и, видимо, находился на самом вершине некоторых храмовых (и дворцовых) иерархий, и, во-вторых, является еще одним подтверждением тесной связи между светской и духовной властью в Нижней Месопотамии.

Чем древнее период, тем меньше источников, описывающих его. При этом они вовсе не становятся информативнее. Поэтому, при рассмотрении разных типов религиозных властей, приходится довольствоваться отдельными аспектами.

Рассмотрение иерархии можно начать сверху — с фигуры правителя, который, будучи в большинстве случаев верховным жрецом, а порой даже богом, возглавлял как светскую, так и духовную социальную «пирамиду».

Как уже говорилось, градоправители (ensi₂, en) и пари (lugal) претендовали на божественное происхождение. В этой связи часто упоминается «факт» их рождения богиней, реже — зачатия богом. Таким образом, правители становились на земле богами во плоти. Логическими последствиями этого стала практика написания царских имен с детерминативом божественности (dingir), а также манера изображать царя в рогатой короне, бывшей символом божественности. Хотя данные обычаи были введены в обиход царями династии Аккаде и, таким образом, находятся уже за рамками рассматриваемого материала, тенденции, которые привели к этому, ясно прослеживаются по крайней мере с Раннединастического периода. В связи с этим возникает ряд вопросов. Каково было отно-

²¹⁹ J. Renger. Untersuchungen zum Priestertum in altbabylonischer Zeit 1. Teil // ZA 58. 1967. S. 110—188; *Он же*. Untersuchungen zum Priestertum in altbabylonischer Zeit 2. Teil // ZA 59, 1969, S. 104—230.

²²⁰ Этот перевод весьма условен — точнее было бы сказать «разновидность жреца (высокого ранга)». Специалисты неоднократно подчеркивали, что в древнем Двуречье не существовало общего слова со значением просто «жрец».

²²¹ J. Postgate. Op. cit. P. 260.

шение подданных (в особенности жречества) к подобным амбициям? Надо ли рассматривать претензии правителей на божественность и культ царей как две стороны одного процесса? Здесь, как и во многих других случаях, единственным источником служат имена собственные.

О. Вестенхольц подметил, что в Нипшуре, где никогда не было своих царей, элемент *lugal* («царь») встречается в составе имен собственных даже чаще, чем элемент «Энлиль» — имя верховного бога этого города.²²² При этом ученый оговаривается, что нельзя полностью исключать, что *lugal* служит здесь эпитетом какого-либо небесного владыки (например, того же Энлиля), а не земного повелителя. Он также обращает внимание на то, что имена с элементом *nin* чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Имена последнего типа требуют еще более осторожной интерпретации: *nin* может означать не только «(божественная) владычица» или «царица», но и «сестра». Дело в том, что специальный знак *nin₉* («сестра») в большинстве писцовых школ не употреблялся; поэтому знак *nin* часто на практике передавал оба понятия. Большое распространение имели также имена с элементом *en* («господин, владыка»); чаще всего их носили правители Урука и верховные жрецы Бау (Бабы). Имена, в состав которых входило бы слово *ensi₂* («градоправитель», первоначально — «жрец-строитель») отсутствуют полностью. Правда, оно встречается в конструкции *ensi₂-gal*, которая ко времени III династии Ура стала означать «правитель старого города» и которая, в свою очередь, входит в состав имени *en-ensi₂-gal*.²²³

Наряду с именами, в состав которых входят общие обозначения *lugal* и *nin*, есть имена, содержащие, в свою очередь, имена конкретных правителей. Древнейшее засвидетельствованное имя этого типа носил сторож или смотритель, которого звали *en-an-na-tum₂-sirad-zi*, т. е. «Энанатум — пастырь праведный». Поскольку этот персонаж служил в Лагаше при Энметене, он был назван в честь Энанатума I, а не Энанатума II.

Плохо поддается интерпретации имя *lum-ma-en-me:te-na*. На первый взгляд, в его состав входит имя лагашского правителя, однако Й. Бауэр склонен толковать его как «Лумма — господин сам по

²²² A. Westenholz. *Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia Chiefly from Nippur 1: Literary and Lexical Texts and the Earliest Administrative Documents from Nippur* // *BiMes* 1. Malibu. 1975, P. 6—8.

²²³ J. Bauer. *Op. cit.* S. 519.

себе» (или «сам себе господин»).²²⁴ С другой стороны, имена типа ^dnanše-ama-lugal-an-da («Нанше — мать Лугальанды») и ^dutu-igi-du-lugal-an-da («Уту ведет Лугальанду [букв.: „идет впереди Лугальанды“]») толкуются вполне однозначно.

Имеются также три одинаково образованных имени с царским именем Уруинимгина: uru-inim-gi-na-^den-lil₂-le-su, uru-inim-gi-na-^dnanše-su и uru-inim-gi-na-^dnin-gir₂-su-ke₄-su, что соответственно переводится как «(боги) Энлиль/Нанше/Нин-Гирсу знают Уруинимгину».

Жены лагашских правителей носили особый титул — возможно титул жрицы. Особенно хорошо известна в этом плане Барагнамтара, супруга Лугальанды. В списке жертв, принесенных ею в Сираре и по пути туда, знак *mulus* («женщина») чередуется с сочетанием PAP.PAP. Последнее можно было бы считать продублированной пометкой, если бы оно не было дважды зафиксировано в совершенно определенном контексте: в списке профессий периода Фары, а также в одном документе, где говорится: «... PAP.PAP, мать города, (которая налог) во дворец принесла» (RTC 44). Другой титул подобного рода передавался сочетанием NI.A.A, чтение которого неизвестно. Г. Зельц полагает, что такой титул носила Димтур, жена правителя Лагаша Энентарзи.²²⁵

Поскольку число документов времен Энентарзи невелико, зафиксировано лишь два имени, в состав которых входит вышеупомянутый титул: NI.A.A-ama-tu и NI.A.A-ama-da-ri₂, соответственно «N. — моя мать» и «N. — мать вечная». В первом из этих имен слово «мать» надо понимать не буквально — это уважительное и одновременно доверительное обращение к высокопоставленной женщине или богине, сравнимое с эпитетом а-а («отец»), употребляемым по отношению к богам в старовавилонских мифах и в шумероязычных гимнах богам.

Имена, в состав которых входит PAP.PAP, более многочисленны и разнообразны, чем те, что образованы с помощью NI.A.A. Например, известно имя ^dnin-mar-ama-PAP.PAP («Нинмар[a] — мать PAP.PAP»), похожее по содержанию на имена PAP.PAP-^dba-U₂-mu-tu и PAP.PAP-^dnanše-mu-tu (соответственно, «PAP.PAP родила Бау/Нанше»). Однозначно толкуется имя PAP.PAP-dingir-mu («PAP.PAP — моя богиня[-защитница]»). Сюда же относятся имена PAP.PAP-zi-mu («P. — дыхание моей жизни») PAP.PAP-ama-da-ri₂ («P. — мать вечная»; ср. такое

²²⁴ Ibidem.

²²⁵ G. J. Selz. *Altsumerische...* // FAOS 15/1. 1989. S. 382.

же имя с NI.A.A, упомянутое выше). Труднее поддаются толкованию следующие имена: ^dinana-UR-PAP.PAP («Инана — жизненная сила Р.»), PAP.PAP-^dinana-ra-du («Р., стоит она рядом с Инаной» [?]), PAP.PAP-^dinana-da-gal-di («Р. с Инаной/при Инане храбра») и, наконец, ^dba-U₂-men-zi-PAP.PAP («Бау — праведный [?] венец Р.»).

Своей ориентацией на конкретных членов правящей династии, эти имена доказывают, что среди служащих, занятых на хозяйственных объектах, подчиненных царственной чете, культ правителя был распространен настолько, что большинство имен с элементами lugal и nin вполне могли подразумевать здравствующих правителей. Чтобы ответить на ранее поставленный вопрос — как воспринимались притязания правителей на божественность — остается проанализировать эти имена.

Среди имен, содержащих элемент lugal, зафиксированы такие, как lugal-anzud₂-mušen («царь — [божественная] птица Анзу[д]» или «царь — [мифический] орел Анзуд»), lugal-^dnanše-mu-tu («царя [богиня] Нанше родила»), а также lugal-dingir-mu («царь — мой бог[-покровитель]»). Последнему соответствует имя с упоминанием царицы: nin-dingir-mu («госпожа [= царица] — моя богиня[-защитница]»).²²⁶ Таким образом, у нас есть указание — хотя и косвенное — на отношение населения (по крайней мере, какой-то его части) к обожествлению правителей: детям давались имена, в которых царь уравнивался с божеством и выражалась надежда на его сверхъестественную защиту.

Имена собственные явно отражают царскую идеологию в том виде, в каком мы находим ее в надписях правителей, включая и представление о божественной природе царственных фигур. Материал имен также вносит исправления в однобокую картину, получаемую в результате изучения строительных и посвячительных надписей (они составлялись почти исключительно правителями-мужчинами), — обожествлялся не только правитель, но и его жена.

Должность правителя была в досаргоновском Лагаше наследственной. Как правило, отца сменял на троне старший сын. Правилам, конечно же, сопутствуют исключения. За время правления I династии Лагаша таких исключений было три. В случае Энанатума I мы наблюдаем в качестве наследника не сына предыдущего правителя (Энанатума), а его младшего брата. Таким образом, должность перешла к боковой линии дома Ур-Нанше. После того, как эта линия

²²⁶ J. Bauer. Op. cit. S. 520.

оборвалась на Энанатуме II, должность перешла к другому знатному семейству, несомненно связанному родственными узами с вымершим домом. Это была семья верховного жреца Нин-Гирсу. Вторым и, видимо, последним представителем этой семьи на престоле Лагаша был Лугальбанда. Родственные связи последнего правителя этой династии, Уруинимгины, точно не установлены. Если И. М. Дьяконов считал его свойственником Лугальбанды,²²⁷ то Й. Бауэр пишет об отсутствии каких-либо четко идентифицируемых родственных уз между ними.²²⁸ Как бы то ни было, Уруинимгина видимо был сильной и харизматической личностью. К тому же, он носил титул *gal-up* («предводитель»), подобающий реальному обладателю власти.

В Уруке периода РД I дело обстояло совершенно иначе. В шумерском «Царском списке» и в эпосе о Лугальбанде сохранились исторические воспоминания, из которых ясно, что должность местного правителя (*en*) не передавалась по наследству — считалось, что богиня Инана выбирает нового «эна» из нескольких претендентов; обычно это был самый способный или наиболее угодный ей. Так, Лугальбанда был самым младшим из семерых братьев-военачальников, но не сыном Энмеркара, которого он сменил на урукском троне.

Вопрос о том как претендент становился царем или правителем, безусловно интересен. Однако не менее интересно и то, как он расставался с этой должностью. Известно, например, что Ур-Нанше занимал должность правителя весьма долго. При этом, насколько можно судить по имеющимся данным, умер он в преклонном возрасте и естественной смертью. Однако, начиная с середины досаргоновского периода и вплоть до объединения Месопотамии под властью Саргона, риск насильственной смерти правителя стал расти по мере обострения конфликтов между шумерскими государствами. Царю часто приходилось вести воинов в битву. Так, Энанатум был ранен стрелой (Ean. 1 IX 2—5) и, в свою очередь, при взятии Уруаза убил правителя этого города (Ean. 2 IV 12—15; Ean. 3 IV 16—19). Ур-Нанше захватил в плен одного из правителей Уммы, о дальнейшей судьбе которого ничего неизвестно.

В этой связи стоит упомянуть также две формулы проклятий, которые угрожают вражескому правителю тем, что в случае нарушения клятвы его убьют люди собственного города (Ean. 63 III 3'—4'; Ent. 28/29 VI 26—29). В «Стеле коршунов» (Ean. 1 VIII 1—3) есть

²²⁷ ИДВ I, С. 207.

²²⁸ J. Bauer. Op. cit. S. 520.

отрывок, свидетельствующий о том, что желаемое здесь вовсе не выдавалось за действительное, но соответствовало ему. Эанатум рассказывает, как его противник, разбитый правитель Уммы (имя последнего не сохранилось; возможно это был персонаж, известный под условно читаемым именем Уш [UŠ]), умер именно такой позорной смертью. Подобно тому, как многие африканские племена убивают — или, по крайней мере, избивают — неудачливого заклинателя дождя, после страшного поражения, нанесенного Лагашем, подданные набросились на злополучного повелителя и убили его. Считалось очевидным, что боги отворачиваются от такого вождя. Он утрачивает то, что именуется древнеперсидским термином *xʷar(e)nah* — божественную милость, которая даруется праведному властелину и отбирается у него в случае прегрешений или неудач.

Также возникает вопрос, мог ли правитель отказаться от своей должности, «уйти в отставку», как сейчас говорится. Хотя эпосы, впервые зафиксированных на письме лишь при III династии Ура (XXI в. до н. э.), трудно назвать безупречными свидетельствами по Раннединастическому периоду (XXVIII—XXIV вв. до н. э.), некоторые данные на этот счет всё же имеются. Интересующая нас ситуация относится к Уруку и описана в эпосе о Лугальбанде. «Эн» Урука Энмеркар долго и безуспешно осаждал город Аратту. Чувствуя, что богиня Инана покинула его, Энмеркар отправляет домой в Урук героя Лугальбанду. Последнему поручено передать богине горькие упреки правителя: почему, некогда избрав Энмеркара вождем, она бросает его теперь на произвол судьбы? Поскольку богиня его больше не поддерживает, он просит ее об отставке.

Вышеизложенное проливает новый свет на строительные и почитательные надписи правителей. Практически, цари были просто вынуждены добиваться успеха и развивать его — хотя бы на словах. Похваляясь в надписях (и, видимо, в устных прокламациях, поскольку грамотность была доступна весьма ограниченному кругу людей) своими деяниями, они как бы рапортовали подданным о том, что по-прежнему пользуются доверием богов.

Как уже подчеркивалось, на юге Двуречья правитель был также и верховным жрецом (*ensi*₂, *en*, *sanga*). Однако это занятие чаще всего не было для него основным. Собственно культовые функции выполнялись многочисленным и разнообразным храмовым персоналом, названия и точные обязанности которого не всегда поддаются однозначному толкованию. О *sanga* — жреце-администраторе

высокого ранга — уже говорилось. Помимо него существовал еще ряд обозначений жрецов, к которым мы сейчас обратимся.

Многие авторитетные издания, в частности «Аккадский словарь» В. фон Зодена (*Akkadisches Handwörterbuch*), часто не дают точного перевода шумерских и аккадских жреческих должностей, ограничиваясь пометками типа «разновидность жреца» (*ein Priester*). На это есть серьезные основания — об этих должностях известно довольно немного. Сделав эту оговорку, назовем некоторые из них. Жрец-*išib* (в переводе И. М. Дьяконова «шаман, волхв») временами занимал видное место в храмовой иерархии. Так, известно, что после захвата большинства важнейших центров южного Двуречья, царь Уммы Лугальзагеси был провозглашен в Уруке ишибом.²²⁹ Часто упоминается жрец-*gudu*₄; в Уре это был самый распространенный жреческий титул. Данный тип жреца был очень часто связан с тем или иным богом, на основании чего Дж. Постгейт дает следующий практический перевод термина: «жрец бога X».²³⁰ Исходя из этимологии аккадского эквивалента этой должности, *pašišu*, этот тип жрецов был как-то связан с ритуалом помазания. В раннединастических текстах встречается также профессия *gala*, что переводится как «(храмовый) певчий» или «жрец, поющий плач» (*lamentation-priest*). Судя по некоторым изображениям и шумерским пословицам, жрецы-*gala* могли быть кастратами, что часто практиковалось и в Европе до XIX в. н. э. включительно. При храмах находился персонал, обладающий специальными навыками: уже упомянутые певчие, гадатели, певцы-музыканты (*nar*), акробаты, заклинатели змей и даже дрессировщики медведей. Эти «артисты» принимали участие в представлениях, которые показались бы нам цирковыми, но были на самом деле частью ритуального действия.²³¹ «Заклинателем», помимо уже упомянутого «шамана» (*išib*), мог быть более низкий по рангу *maš-maš*. Из позднейших текстов ясна также значительная роль жреца-гадателя, называвшегося по-аккадски *bārū* (в шумерском есть несколько соответствий). Практика гадания на печени животного (как правило, овцы) довольно древнего происхождения, но степень распространения этого обычая в Протописьменный и Раннединастический периоды не совсем ясна. Среди на первый взгляд «обычного» храмового персонала выделяется парик-

²²⁹ ИДВ I, С. 212.

²³⁰ J. Postgate. Op. cit. P. 126.

²³¹ I. J. Gelb. *Homo Ludens in Early Mesopotamia* // *Studia Orientalia*. Helsinki. 1976. P. 46, 43—76.

махер или цирюльник (*šu-i*). Его присутствие объясняется не просто тем, что обитатели храма любили ходить подстриженными и чисто выбритыми. Дело в том, что чистота носила в Месопотамии ритуальный характер (вероятно, здесь позволительно привести уравнение *физическая чистота = ритуальная чистота*). Поэтому человек, которому предстояло общение с богом — чаще всего это был жрец или правитель, иногда оба в одном лице, — мылся, брил бороду, голову и волосы на теле, часто появляясь на церемонии в обнаженном виде. Должность цирюльника, таким образом, приобретала культовую сторону.

Естественно, помимо людей, так или иначе связанных с культом, при храмах находилось значительное число «светского» персонала. Это были обслуживающие храм работники самых разных профессий: мельники, привратники, сукновалы, носильщики топлива, водоносы, маслобой, пастухи, медники, экономеры, лодочники, бурлаки, ткачи, уборщики, плетельщики циновок, посыльные, камнерезы, стражники и т. п. Данный перечень почти дословно повторяет один текст из храма Нинурты в Нишпуре,²³² правда несколько более позднего периода, чем интересующий нас.

Что касается жриц, то они несомненно присутствуют в Месопотамии досаргоновского времени: известны шумерские названия нескольких разновидностей жриц, в частности *ni-gig* (аккадское *qadištu*: буквально «священная»; традиционное мнение, что это была храмовая блудница подвергается в новейшей литературе серьезному пересмотру), *lukur* (*naditu*: безбрачная жрица), *suhur-la₂* (*kezretu*: буквально «носящая косу»; еще одна разновидность жрицы) и т. д. Надо заметить, однако, что основная масса материала о жрицах начинает поступать в наше распоряжение только с Аккадской династии. Иными словами, то, что известно об этих женщинах, относится скорее к *qadištum*, *naditum* и *kezretum*, нежели к их шумерским прототипам. В аккадское же время, видимо, происходит оформление должности *ni₂us-en*, или *entum* — верховной жрицы лунного бога Суэна в Уре, которой обычно становилась дочь общемесопотамского «царя» (*lugal, šarrum*), например, дочь Саргона Энхедуана. Таким образом, эти сведения находятся вне хронологических рамок рассматриваемого периода. Некоторое исключение составляют лишь плакальщицы (*um-ma-ir₂*) и некие «жены отцов/старцев»

²³² M. Sigrist. *Les sattukku* dans l'Éšumeša durant le période d'Isin et Larsa. Malibu: Bibliotheca Mesopotamica 11. 1984. P. 160.

(dam-ab-ba), упоминаемые в собственно старощумерском тексте, где речь идет о похоронах Барагнамтары, жены лагашского «энси» Лугальанды. Входили ли они в постоянный состав храмового персонала, сказать трудно.

Завершая этот сюжет, заметим, что в должности большинства из упомянутых храмовых служащих не было ничего «сакрального» в нашем понимании этого слова: они зачастую продавались, покупались или выменивались. Вполне можно было быть жрецом на одну неделю, жрецом «на 0,5 ставки» и т. п.

Для более полного понимания культа досаргоновского периода не было бы лишним перечислить различные виды жертвоприношений и выражения, использовавшиеся в разных типах молитв. Однако обо всем этом известно немного. Данный беглый обзор явлений религиозной жизни старощумерского периода можно завершить анализом неправильного употребления понятия «жертвоприношение», которое иногда встречается в литературе. Если понимать под жертвоприношением просто любой дар божеству, то это понятие применимо. Однако, как только речь заходит об отношениях собственности, это понятие едва ли подходит здесь. Согласно представлениям рассматриваемой эпохи, бог является собственником своего храма и прилегающей к нему недвижимости. Люди, чьим высшим долгом была забота о богах, работали на этих объектах в качестве оплачиваемых служащих. Поэтому бог — как собственник всего храмового имущества — имел полное и само собой разумеющееся (и никогда не оспариваемое людьми) право на все будничные и праздничные приношения в виде натуральных продуктов. Подобные регулярные приношения часто именовались sa₂-dug₄. Они, как правило, включали следующие продукты: хлеб (ninda), лепешка с маслом/салом (ninda-ia₃), мука эммера (eša), пиво (kaš), рыбные лепешки (utu₂), вино (geštin) и некоторые другие.²³³ О жертве или жертвоприношении в строгом смысле слова речь может идти лишь в том случае, когда отдельно взятый верующий выделял часть собственного дохода (или натуральной платы) и жертвовал ее божеству. Подобную жертву верующий приносил прежде всего собственному богу-защитнику, предкам или духам, а не могущественному богу, располагающему собственным храмом и культом. Посвятельный дар, жертвуемый кем-либо из собственного имущества, внешне подходит под вышеизложенные критерии жертвоприноше-

²³³ J. Postgate. Op. cit. P. 120.

ния, но все-таки не является актом официального «регулярного обеспечения» бога.

Кроме того, глагольную конструкцию *giš tag*, по мнению Й. Бауэра, не следует переводить просто как «приносить (в) жертву» (*opfern*).²³⁴ Буквальное значение этого оборота — «касаться (горящего) дерева». Если предложенная интерпретация верна, *giš tag* обозначает только такой вид жертвоприношения, при котором боги снабжались сжигаемой пищей (видимо, они «поглощали» дым). Сожжение жертв было типичным для ветхозаветной религии, а следовательно привычным способом для людей западной культуры (включая, конечно, и исследователей). Однако в Месопотамии жертвенную пищу чаще всего ставили перед изваяниями богов или медленно проносили мимо них.²³⁵ Именно поэтому *giš tag* нельзя понимать как «приносить жертву» вообще.

Война и военное дело

Обострение отношений между шумерскими малыми государствами («городами-государствами») симптоматично для последней фазы Раннединастического периода. Это напряжение разряжалось в войнах, всё чаще следовавших одна за другой. Постоянный рост населения при всё возрастающем иссушении почвы имел своим результатом освоение новых районов, ставших плодородными благодаря искусственному орошению. Государства разрослись, их границы стали соприкасаться. Поэтому борьба между Лагашем и Уммой за плодородную местность Гуэдена вспыхивала вновь и вновь при жизни каждого поколения. Разрешение конфликта благодаря вмешательству незаинтересованной стороны (царя Месалима) — событие одноразовое. Оно принесло лишь краткий мирный период: Умма в это время ослабла, а Лагаш был достаточно силен, чтобы эффективно защищать границы.

Объединение нескольких или даже всех государств Южного Двуречья под властью единого центра не только говорило о стремлении честолюбивых правителей к власти, но и давало уникальную возможность для замирения объединенной территории. Могущественные правители (И. М. Дьяконов применял здесь термин «лу-

²³⁴ J. Bauer. Op. cit. P. 523.

²³⁵ А. А. Оппенгейм. Op. cit. С. 152.

галь-гегемон») всё чаще пытаются создать единое государство или, по крайней мере, государственное образование крупнее прежних. Эанатум овладел значительной частью Южной и Средней Вавилонии. Первую попытку основать единую «империю» предпринял Эншакушана из Урука. Это была II династия Урука (она же, по всей видимости, и II династия Ура), цари которой называли себя «лугаль Страны, эн Шумера/Урука»²³⁶ и которая существовала весьма недолго. Здесь на сцену вступает Лугальзагеси, царь Уммы и единственный представитель III династии Урука. Ему удалось осуществить беспрецедентное: в течение одного-двух десятков лет он владел всей Месопотамией. В конечном счете, задачу объединения Двуречья решил на достаточно долгое время Саргон Аккадский.

Эта борьба и связанные с ней ритуалы празднования победы были главными сюжетами искусства, а военные экспедиции и выигранные сражения — одной из важнейших составляющих царских надписей, если те выходили за рамки строительных и посвячительных текстов. Судя по «Штандарту из Ура» (он представляет собой перламутровую инкрустацию), «Стеле коршунов из Телло», а также изображениям военных эпизодов из Киша и Мари, вооружение того времени было более или менее единообразным. Шумерские города опирались на два рода войск: колесницы и пехоту. На «Стеле коршунов» (Илл. 7) мы видим только одну боевую колесницу — на ней едет царь и полководец Эанатум во главе лагашского войска. Возникает вопрос: можно ли вообще на этом основании говорить о колесницах как о самостоятельном роде войск? Однако в нижнем ряду военной стороны «Штандарта из Ура» изображены четыре колесницы на полном скаку. Это число не надо воспринимать буквально: скорее всего они символизируют целое мобильное подразделение армии Ура. Возможно, здесь мы имеем дело с местной спецификой. Доступные до сих пор письменные свидетельства не дают ясного ответа на вопрос о том, было ли применение боевых колесниц действительно массовым. В своей большой надписи (Ent. 28/29 III 19—21) Энметена сообщает, что правитель Уммы Ур-Лумма был вынужден оставить на берегу канала Луммагирнунта 60 упряжек ослов. Известно, что колесницу тащила упряжка из четырех ослов (или онагров); поэтому данный отрывок может означать, что через канал удалось переправить в целостности и сохранности не более шестидесяти

²³⁶ Первое, или одно из первых, упоминание термина «Шумер» (ki-en-gi) в исторических надписях.

колесниц. Однако, он может также означать, что Ур-Лумма потерял обоз в процессе поспешного бегства. Посвящая богу войны Нин-Гирсу боевую колесницу, сооружая помещение для нее или стойло для упряжных ослов, правители Лагаша лишь повторяли то, что делали для своего царя как «верховного главнокомандующего».

Из хозяйственных текстов ясно, что повозка, обозначаемая словом *gigir*₂ (обычно переводится «боевая колесница»), служила и для мирных целей. Так, инспектор Эниггаль, верховный управляющий храма Бау, располагал упряжкой ослов и еще одним-двумя запасными. Фураж для этих животных обеспечивался храмом. Таким образом, ему полагался «служебный транспорт».

Направляясь на большой праздник богини Нанше в Нимине, жена правителя также ехала на повозке типа *gigir*₂. Погребения с повозками в Хурсагкаламе (близ Киша) и глиняные, также кишские, модели повозок, а также изображения колесниц на «Штандарте из Ура» и урском посвященном рельефе указывают на то, что на юге Двуречья одновременно использовались два типа повозок: с одной и двумя осями. Чаще попадаются изображения четырехколесных повозок. На одном лишь «Штандарте из Ура» (военная сторона) изображены пять таких колесниц. Кузов повозки представлял собой нечто вроде ящика с высокой передней стенкой, которая достигала до уровня груди стоящего за ней возницы. Была и стенка пониже, доходящая примерно до колен. Конструкция в передней части колесницы укреплялась посредством перекрещивающихся перекладин, а боковины — с помощью деревянных рам. Большой колчан, судя по древним изображениям, крепился слева от передней части;²³⁷ на урском «штандарте» из него торчат копыя, а на «Стеле коршунов» также секира с длинным древком и кожаный раздвоенный кнут. Оси располагались довольно близко друг к другу, и зазор между огромными передними и задними колесами был невелик. Каждое колесо состояло из двух сплошных деревянных полукружий, скрепленных с внешней, а может быть и с внутренней, стороны металлическими скобами. Оси находились в особых футлярах. Обод колеса иногда обивался металлическими штифтами, ко-

²³⁷ В частности так считает Й. Бауэр (*J. Bauer*. Op. cit. P.526). Однако есть и другие интерпретации: ср. реконструкцию М. В. Горелика, где колчаны прикреплены к лицевой стороне повозки, наискосок (ИДВ I, ил. 60 [цв. вкладка]). Неоднозначное толкование любых древних изображений схожего типа связано с отсутствием в них перспективы и точной композиции. Поэтому возница мог в некоторых случаях находиться не спереди или сзади от копейщика, а *рядом* с ним (см. ниже в тексте).

торые уменьшали износ колеса и повышали его силу сцепления. Длинное прямое дышло урских повозок крепилось к днищу. На уровне холки упряжных ослов к дышлу приделывались спаренные кольца для поводьев. Последние проходили через зарубку в центральной части передней стенки повозки, затем через кольца на дышле и крепились к кольцу, продетому в нос одного из ослов. Упряжка состояла из четырех животных, бегущих бок о бок, в одну шеренгу.

На колеснице помещались двое. На урских повозках мы видим впереди возницу, а за ним — воина с копьем на особой приступке. Возница также вооружен. Что касается формы дышла, то имелся еще один вариант, примененный, в частности, в колеснице Эанатума, — дышло изгибалось вверх прямо перед передней стенкой, а кольца для поводьев крепились на верхней точке изгиба. Судя по фрагменту рельефа из Ура с изображением двухколесной повозки, устеленной шкурами, подобная разновидность дышла была известна и там.

На «Стеле корщунов» Эанатум изображен на своей колеснице стоящим спереди. В левой руке он заносит копье, в правой держит кривой меч. Возница, чья плохо сохранившаяся фигура значительно меньше, в данном случае находится позади правителя. Поводья он, видимо, держал в левой руке, поскольку в правой у него тоже копье. Оба способа расположения экипажа колесницы имеют свои недостатки. Если копейщик стоит сзади, он вынужден наносить лишь боковые удары, чтобы не задеть возницу. Если сзади стоит возница, копейщик мешает ему свободно управляться с поводьями. Впрочем, нельзя полностью исключить, что возница иногда находился и рядом с воином — при отсутствии перспективы, композиция древних изображений была весьма условна.

Своеобразный вид упряжки изображен на медной модели повозки из Тель Аграба. Здесь расставивший ноги возница расположился на неких козлах позади высокой надстройки или передней стенки. Ноги он поставил на ось по обе стороны от этой подпорки. Хотя композиция выглядит довольно странно (можно вообразить, что возница сидит на козлах как на мотоцикле), ее объяснение вполне тривиально — рессор на тогдашнем транспорте не было.

Упряжка из четырех запряженных в ряд ослов применялась как для двухколесных, так и для четырехколесных повозок. Согласно хозяйственным документам из Гирсу, эти животные получали дополнительный фураж в виде ячменя. Ежедневный рацион составлял по 3 бана (чуть больше 15 л) ячменя на упряжку взрослых ослов и по 2 бана (чуть больше 10 л) на упряжку молодых ослов или ослиц.

Сведения хозяйственных текстов относительно изготовления повозок довольно скудны. М. Сивил насчитывает четыре самостоятельных типа повозок: *gigir*₂, *mar* (что, по его мнению, является краткой формой от *mar-gid*₂-*da*), *nig*₂-*šu-k* и *nar.na-da*.²³⁸ П. Штайнкеллер считает, что термин *nar.na-da* относится к разновидности салазок,²³⁹ и потому должен быть исключен из этого списка. Таким образом, остаются три обозначения: *gigir*₂ — боевая колесница с одной или двумя осями, *mar(-gid-da)* — грузовая повозка или телега, *nig*₂-*šu-k* — разновидность повозки, о внешнем виде которой у нас пока нет никакого представления (буквальный перевод: «вещь руки»).

Военный эффект этой неповоротливой повозки не мог быть особенно значительным. Таким образом, основной груз войны ложился на пехоту. Вооружение шумерских пехотинцев того времени было весьма скудным по сравнению с оснащением воинов эпохи поздней бронзы и, тем более, железного века. Здесь необходимо вспомнить, что металл в Нижнюю Месопотамию приходилось ввозить. Пехотинцы, изображенные на военной стороне урского «штандарта», движутся развернутым строем. Они босы, хотя сандалии были, в принципе, известны. На них бахромчатые юбки, поверх которых — плащи, доходящие до икр. Такой плащ скреплялся наверху металлической застежкой. На первый взгляд, он украшен узором типа «горошек» — вероятно это небольшие металлические бляхи, нашитые сверху и превращавшие плащ в некий прототип доспехов. Голову воина защищал слегка заостренный сверху шлем, который крепился ремешком под подбородком. То, что в урских погребениях обнаружены бронзовые шлемы, вовсе не означает, что у каждого воина был металлический шлем; в обычном исполнении это скорее был кожаный головной убор. Обозначение *sag-šu*₄ (букв. «покрытие головы»), употребляемое с детерминативом *zabar*₃ («бронза»), впервые появляется при Урунимгине (Ukg. 4 V 11 // 5 V 8). Единственное оружие пехотинца — копьё или, скорее, пика, которую он держит обеими руками. Нет никаких указаний, что шумерская пика использовалась как метательное оружие наподобие римского «пилума». Метнув такое копьё, рядовой шумерский воин просто остался бы безоружным. Шумерское название пика — *gid*₂-*da*, буквально «длинная» (ср. аккадское *ariktū*); оно выписывалось с детерминативом *giš*.

²³⁸ M. Civil. The Farmer's Instructions: A Sumerian Agricultural Manual // *AulaOr-s* 5. 1994. P. 93—94.

²³⁹ P. Steinkeller. Threshing Implements in Ancient Mesopotamia: Cuneiform Sources // *Iraq* 52. 1990. P. 21—23.

Экипаж боевой колесницы одет по-другому: вместо стесняющего движения плаща, на вознице и копейщике накидка из овечьей шерсти, закрывающая левое плечо и оставляющая правое свободным. Спешившийся возница, которого мы видим слева в верхнем ярусе урского «штандарта», держит особой формы топор и клинок.

Арсенал, отображенный на «Стеле коршунов», ненамного богаче. Стоящий на колеснице Эанатум облачен в шлем с тщательно выполненными «футлярами» для ушей, диадемой и «футляром» для свернутых в пучок волос. Этот почти наверняка металлический убор очень похож на роскошный золотой шлем Мескаламдуга из урской гробницы последнего (Илл. 8). В отличие от урских шлемов, конструкция, защищающая голову Эанатума (как и простые шлемы его солдат), под подбородком не закреплялась. В левой руке царя пика, в правой — кривой меч. Это своеобразное оружие, видимо, называлось по-шумерски *ul₄-gal* (= акк. *namṣāru*), хотя полной уверенности в этом нет. Из прикрепленного к колеснице колчана торчит кнут, целая охапка пик и топор того же типа, что мы видим у возницы с урского «штандарта». Каждый из следующих за Эанатумом воинов вооружен пикой и топором. Весьма диковинное построение представляет собой фаланга во главе с босым Эанатумом, изображенная ярусом выше.

Изображение так или иначе стилизовано и потому нереалистично. Разглядеть за ним реалии битвы довольно сложно. Поверх сомкнутых (или почти сомкнутых) щитов мы видим девять голов в шлемах. Им соответствуют девять пар ног босых ног, которые видны под нижним краем щитов. Последние изображены «в фас» и прикрывают практически всю фигуру воина. Каждый щит обит тремя рядами блях, надо полагать металлических. В каждом ряду — три бляхи. Из-за правого края всей конструкции торчат два топора уже известного нам типа. Из-за левого края каждого щита высовываются шесть пар рук, сжимающих пики. Поскольку никто из нормальных представителей вида *Homo sapiens* не в состоянии держать обеими руками пику и одновременно нести щит, эти задачи были, видимо, распределены между бойцами. Один воин держал обеими руками тяжелый щит высотой почти в человеческий рост, прикрывая по крайней мере двух копейщиков по бокам от него. Имеется источник (Nik 281), где можно найти подтверждение такому разделению функций. В этом документе зафиксирована выдача оружия двум, если можно так сказать, «офицерам» (или «капитанам»). Первый, Урсаг, имеет в подчинении семерых «старшин». Он

получает в общей сложности 37 пик и 14 щитов. Старошумерское обозначение щита выписывается e-ur₃, чему соответствует позднейшее написание e^{eb}₇-ur₃. При взгляде на эту ведомость становится ясно, что каждый «старшина» получает пики и щиты в примерно одинаковой пропорции: на один щит приходится по 2—3 пики.

Второй отряд под началом Амарки (не считая его, здесь 10 «старшин») состоит из двух по-разному вооруженных «взводов». Первый вооружен, опять-таки, пиками и щитами (в соотношении 5:1 соответственно). Каждый «старшина» второго подразделения, состоящего исключительно из рыбаков, получил по десять двойных топоров (их шумерское название dur₁₀-tab-ba; на «Стеле коршунов» изображений таких топоров нет, зато в захоронениях Ура найдены бронзовые оригиналы), по десять топоров с лезвием (dur₁₀-zu₂-diš/aš₁₀: это обозначение наиболее часто упоминаемой разновидности) и лишь по одному щиту. Интерпретация данного документа не лишена некоторой неопределенности — возможно речь здесь идет не о снабжении войска оружием вообще (например, о его первой выдаче), а только о восполнении утерянного оружия.

До нас дошло несколько списков «призывников». В одном из них (DP 135) возможно упоминается название щитоносца. При каждом из двух подразделений по 20 и 26 человек упоминаются шестеро бойцов, обозначаемых оборотом ama-ERIM-kam (букв. «мать войска»). Не исключено, что за этим выражением и скрывается «щитоносец».

Другой документ, где говорится об оружии (Nik 298), дает нам представление о количестве используемого вооружения. Здесь дается список оружия, поставленного несколько раз для царицы кузнецом по имени Шубур. Список датирован четвертым годом правления Уруинимгины. Всего в нем упоминаются 200 двойных топоров и 82 наконечника для пик (IGI-giš-gid₂-da). На основании общего веса всей поставки, можно подсчитать, что двойной топор весил около 105—106 сиклей, т. е. несколько менее 1 кг,²⁴⁰ а наконечник пик — 15—16 сиклей, т. е. около 130 г. К сожалению, источник умалчивает о металле, из которого было отлито оружие: это могла быть как медь, так и бронза.

²⁴⁰ Согласно Й. Бауэру, 1 $\frac{3}{4}$ фунта. Поскольку фунты он имел в виду немецкие (около 500 г), то в метрической системе получается примерно 875 г. См. J. Bauer. *Op. cit.* S. 529.

Еще один тип оружия — короткий прямой меч, или кинжал (*gir₂*). Такие мечи в изобилии находят археологи (например, роскошный кинжал из погребения Мескаламдуга; Илл. 9), хотя в документах пока что обнаружено лишь одно случайное свидетельство о них. Вышеупомянутый кузнец Шубур получает семь бычьих рогов, из которых он должен изготовить либо рукоятки, либо ножны для мечей (*Fö 15*). Что именно — неясно, поскольку идеограмма *KAM*, обозначающая изготавливаемые предметы, не поддается однозначному толкованию. Имеется косвенный аргумент в пользу того, что это все-таки рукоятки: слово «ножны», по крайней мере во время III династии Ура, передавалось сочетанием знаков *MUNUS.US*.

О существовании в Нижней Месопотамии лука и стрел известно из урукской стелы с изображением львиной охоты периода Джемдет-Наср, иначе III II (ср. также *ZATU 48*). В силу отсутствия в этом регионе подходящей древесины (и почти полного отсутствия вообще какой бы то ни было), лук не получил здесь широкого распространения. Тем не менее, сфера его применения вовсе не ограничивалась охотой, как например считал С. Гэдд.²⁴¹ Так, в решающем сражении с Уммой Эанатума задела стрела. Имеются и другие изображения лука. Например, на стене осады, которая вырезана на белой каменной плите (Илл. 10) из царского дворца г. Мари досаргоновской эпохи, мы видим лучника — тот высовывается из-за прикрытия и целится вверх, собираясь пустить стрелу с зазубренным наконечником в противника, стоящего наверху (видимо, на стене, изображение которой не сохранилось). Сверху падает сраженный противник. В хозяйственных документах луки встречаются редко, и при этом в небольших количествах (*Fö 57 II 2*; *DP 419 I 5* и т.д.). Изготавливались они неизменно из туземного «дерева сладкого зерна» (*giš-še-dug₃*).

Датировочные формулы из Нишпура, нестандартное название одного месяца из Гирсу, а также царские надписи недвусмысленно говорят о том, что дело могло доходить до осады. Шумеры называли это *ugu-da tuš* — «сидеть у города». Сейчас довольно трудно получить правильное представление о том, как проводилась осада в досаргоновские времена — ведь тогда еще не было тех осадных машин, что ввели в оборот ассирийские цари I тысячелетия до н.э. Слово, обозначающее «гаран» (шум. (*giš-*)*gud-si-aš*, букв. «однорогий бык»; ср. англ. (*battering*) *ram*, нем. *Widder*, *Sturmbock*) впервые по-

²⁴¹ С. J. Gadd. *The Cities of Babylonia* // САН, vol. 1, part 2. 1971. P. 123—124.

является в гимнах, посвященных царям III династии Ура.²⁴² Две осады Раннединастического периода запечатлелись в памяти поколений особенно ярко. Их описание составило содержание эпических произведений и дошло до нас в таком виде. Поскольку полный текст этих произведений можно восстановить лишь по копиям старовавилонского времени, правомерен вопрос, насколько они достоверны в качестве свидетельств той уже отдаленной эпохи. В эпосе «Гильгамеш и Ака (Агга)» речь идет об осаде Урука войском города Киша во главе с царем Акой. Впрочем, если верить эпосу, осада закончилась очень быстро: стоило Гильгамешу появиться на городской стене, как он парализовал врагов своим «ужасным сиянием». Энкиду захватил вражеского предводителя посреди его войска и привел к Гильгамешу, которому тот был вынужден покориться.

Еще один пример: правитель Урука Энмеркар практически безуспешно осаждают Аратту. Осажденные защищаются — на воинов, стоящих под стеной, обрушивается град камней и дротиков. Мы так и не узнаем, какие конкретные шаги осаждающих привели к падению города. Что касается срока осады, то на этот счет лишь намекается. В эпосе сообщается, что осада заняла больше времени, чем предполагалось — прошел год, а город так и не был взят. При виде свежей зелени нового урожая на окрестных полях, урукские воины начинают роптать. В конечном счете, осада всё же венчается успехом благодаря тому, что полководец испрашивает совета у Инаны в Уруке (через Лугальбанду). Та предлагает посланнику провести ритуал для магического усиления оружия под названием «анкара». Хотя поэт не упоминает об этом специально, Энмеркар безусловно проводит ритуал, после чего урукское войско захватывает и сжигает Аратту. К сожалению, сказитель умалчивает о том, каков был непосредственный вклад воинов в эту победу. Видимо, это было несущественно для целей поэмы.

Поскольку эпос не дает здесь конкретной информации, мы можем лишь предполагать, каким образом проходила осада. Наилучший способ взятия города несомненно состоял в следующем. Избегая длительной осады, надо было разбить врага в открытом сражении и, преследуя его по пятам, ворваться вместе с ним в город прежде чем

²⁴² W. Heimpel. Tierbilder in der sumerischen Literatur // StPohl 2. Roma. 1968. S. 177; Å. W. Sjöberg. Hymns to Ninurta with Prayers for Šūsin of Ur and Būrsin of Isin // FS Kramer (AOAT 25). 1976. P. 424. Надо сказать, впрочем, что стенобитные орудия упоминаются уже в досаргоновой Эбле: P. Steinkeller. Battering Rams and Siege Engines in Ebla // N.A.B.U. 1987, Nr. 27.

осажденные успеют закрыть ворота. Если осада всё же начиналась, она никогда не длилась слишком долго. Датировки на царских надписях и документы времени Уруинимгины с большой долей вероятности указывают, что Гирсу подвергался осаде в течение трех лет подряд (или, возможно, три раза за три года?). В любом случае, ничего похожего на Троянскую войну здесь не было — города по десять лет подряд не осаждались. Взять город измором также было проблематично. Например, огражденная стенами территория Урука содержала достаточное количество незастроенных участков, что позволяло наладить производство зерна и прочих продуктов, достаточное для поддержания жизни осажденных. Кроме того, после каждого урожая в амбары попадало большое количество зерна, часть которого, безусловно, использовалась в качестве запаса. Питьевую же воду можно было получить в любой момент, выкопав колодец. И всё же, защищенные стенами города не были вполне неприступны — об этом мы узнаем из скурых сообщений о разрушении городов в царских надписях. К каким приемам прибегали с этой целью шумеры Раннединастической поры? Подкапывали городские стены или умели отводить каналы и реки таким образом, что вода подмывала укрепления? Или, может быть, насыпали у стены скат, по которому взбирались наверх? Единственное неудобство для нападающих здесь было в том, что им приходилось пробиваться с боем, двигаясь вверх по наклонной плоскости. Эти вопросы останутся без ответа до тех пор, пока не будут найдены тексты, или хотя бы фрагменты, проливающие свет на военную тактику того времени.

Хозяйство и управление им

Основные виды хозяйственной деятельности, типичные для Протописьменного периода, перешли и в Раннединастическую эпоху. Изменилось главным образом лишь соотношение между ними: всё более заметную роль играло земледелие (прежде всего, выращивание ячменя [še] и, в меньшей степени, эммера [ziz₂]) и овцеводство, тогда как значение охоты, рыболовства и свиноводства постепенно снижалось. Поскольку социальная система Нижней Месопотамии претерпевала значительные изменения, менялись — хотя и менее заметно — как формы землевладения, так и хозяйственное администрирование. Впрочем, детальное сравнение административно-хозяйственных систем двух периодов невозможно, так как наши

сведения о Протописьменном периоде далеко не полны, в первую очередь, благодаря неразвитости протоклинописной системы письма.

Административная отчетность Раннединастической поры становится детализированной и обстоятельной, допуская более однозначную интерпретацию. Лагашская, да и вообще шумерская, экономика Раннединастической поры лучше всего изучена на примере храма богини Бау (Бабы) в Лагаше. Хозяйство этого храма считалось владением жены правителя (e_2-mi_2 , букв. «дом/хозяйство жены»). Это был огромный хозяйственный комплекс, включавший около 4 500 га земли, на которой размещались пашни, сады, огороды, загоны для разнообразного скота, рыбные хозяйства, пивоварни и прочие объекты. Храмовые земли делились на три категории:

1) ($a\check{s}ag$ -) $ni\check{g}_2-en-na$ — «земля правителя» или «жреческая земля», которую возделывали храмовые работники, получавшие инвентарь с храмовых складов. За работу они получали земельные наделы и натуральные выдачи. Доходы с этого типа полей шли главным образом на нужды самого храма, а именно: (а) на жертвоприношения; (б) на праздничные пиршества; (в) на крупные выдачи служащим культа и храмовой администрации; (г) на корм скоту; (д) на натуральные выдачи работникам и служащим низшего ранга (не более 4—5% всего урожая); (е) на международный обмен; (ж) на создание запасов.

2) ($a\check{s}ag$ -) $sukud$ — «земля-кормление», раздававшаяся в виде мелких наделов (парцелл) размером от 0,3 до 18 га должностным лицам храмовой администрации (кроме служителей культа, которые, видимо, снабжались общиной) и ремесленникам.

3) ($a\check{s}ag$ -) $apin-la_2$ или ($a\check{s}ag$ -) $nam-uru_4-la_2$ — «земля возделывания», которая выдавалась не за работу, за «зерно установленное» (= за долю в урожае) храмовым служащим и работникам, иногда даже рабам. Такие наделы давались в дополнение к служебным и всегда в индивидуальном порядке, а не семьям. Их типичный размер колебался от 1 до 3 га.

Людей, так или иначе связанных с храмом, можно разделить на четыре категории:

1) Должностные лица, совершавшие богослужение и жившие за счет собственных земель в общине, не считая праздничных выдач и некоторых поборов.

2) Храмовая администрация: управитель храма, заведующий житницами, торговые посредники, писцы, начальники рабочих отрядов и определенных участков работ. Теоретически они были пат-

риархально-зависимыми членами «дома» бога, но фактически имели значительные наделы и могли владеть рабами.

3) Патриархально-зависимые, реально подневольные работники: ремесленники (медники, кожевники, плотники, плетельщики, строители, судостроители, гончары, скульпторы, резчики печатей и т. п.), слуги и земледельцы-воины (AGA.UŠ). За труд они получали либо (а) земельные наделы и хлебные выдачи 4 раза в год, либо (б) только ежемесячный натуральный паек — т. н. «люди месяца» (lu₂-iti-da).

4) Низшая категория, включавшая (а) рабынь и их детей (geme₂ dumu), работавших в прядильных и ткацких мастерских, на кухнях, скотных дворах и в свинарниках; (б) т. н. «незрячих» (igi-pu-duh),²⁴³ в том числе носильщиков и носильщиц (il) и садовников. Все эти люди получали натуральный паек, но не индивидуально, как работники предыдущей категории, а по спискам. Типичный паек включал ячмень (по праздникам — эммер), растительное (кунжутное) масло и шерсть. В редких случаях они получали «землю-кормление». При наличии достаточных сил, они могли взять и «землю возделывания».

Общее количество непосредственных работников храма составляло около 1000 человек: 200 рабынь и носильщиц (+ 40—90 детей) и 750 мужчин, около одной трети которых получали наделы на «земле-кормления». (Общее население лагашского государства составляло в это время примерно 100 000 человек.) Из всех категорий этих работников к рабам можно однозначно отнести только женщин geme₂.

За пределами храмовых хозяйств находились общины, население которых значительно превышало количество храмового персонала. В соответствии с этим, все земли делились на две большие группы: (1) общинную, которой владели частные большесемейные коллективы, подчинявшиеся в основном народному собранию и совету старейшин, и (2) государственно-храмовую (позже царскую), где почти безраздельно властвовала храмовая администрация. Это разделение во многом определило черты всего нижнемесопотамского общества не только Раннединастической эпохи, но и последующих периодов (по крайней мере, до воцарения Касситской династии).

²⁴³ Буквально «глаза не раскрывающие/поднимающие», т. е. вероятно те, кому не полагалось глядеть, работая не поднимая головы.

Повседневная жизнь: рождение, брак, погребение

Источники сообщают главным образом о деяниях, совершенных правителями во имя богов и о ведении храмового хозяйства. Поэтому повседневная жизнь рядовых обитателей раннединастической Месопотамии в значительной степени остается в тени. Попробуем суммировать немногие твердо установленные факты на этот счет.

Рождение

При рождении ребенка важную роль играл «родильный кирпич» (или «кирпичи»). Списки богов из Шуруппака/Фары, сохраняющие, по наблюдениям М. Креберника,²⁴⁴ характерные черты урукских списков, упоминают имена двух богинь: ^dnin-SIG₄-tu и ^dnin-SIG₄-tu-lama_g — соответственно, «Госпожа родильный кирпич» и «Госпожа родильный кирпич, защитница». Возможен также перевод «Госпожа родильного кирпича/родильных кирпичей...» и т. п. (М. Креберник).²⁴⁵ В связи с этим же, Р. Д. Биггз²⁴⁶ обратил внимание на эпитет города Кеша — главного центра почитания богини-роженицы Нинтур — SIG₄-tu-tu, т. е. «Кирпич постоянных рождений» или «Кирпич, (на котором) вновь и вновь рожают» (IAS S. 48, 75–77). Это же прозвище Кеш носит и в сборнике храмовых гимнов, который составила Энхедуана — дочь Саргона Аккадского. Как показывает вариант этой строки из Ура, раньше ее толковали неверно: SIG₄ du₈-du₈ «с (хорошо) отполированными кирпичами» (TCS 3, 22, стр. 94 и др.). Согласно строке 396 шумерского мифа «Энки и мироустройство», Энки передает богине Нинтур «чистый кирпич/чистые кирпичи рождения» (SIG₄-tu-tu-kug).

Наконец, здесь важны два имени собственных. Одно из них относится к периоду Фары и звучит SIG₄-ga₂-tu «на моем кирпиче рожденный» (IAS 298 I 11). Второе зафиксировано в хозяйственных документах из Гирсу: SIG₄-ga₂-na-gi₄, т. е. «на моем кирпиче оно (дита) вернулось» (Nik I X 1).

Источники не дают однозначной информации о точном назначении этого кирпича (или этих кирпичей). Возможно, шумерская женщина производила на свет ребенка, сидя на корточках на подставке из кирпичей. Этому имеется параллель: египетская богиня

²⁴⁴ M. Krebernik. Die Götterlisten... S. 161—204.

²⁴⁵ Ibidem, S. 170 III 2; 168 I 16; 200.

²⁴⁶ R. D. Biggs. An Archaic... P. 195—196 (и прим. 13).

рождения и судьбы Месхенет считалась олицетворением кирпича, на который женщина опиралась коленями при родах.²⁴⁷

Такую позу при родах, а также кирпич в качестве подпорки для ног роженицы описали в Персии XIX и XX вв. немецкий врач Й. Полак²⁴⁸ и француз Массе.²⁴⁹ Возможно и другое объяснение: под «родильным кирпичом» подразумевается конкретный кирпич, служивший первой «подстилкой» для новорожденного. На него же клали пуповину и послед, с которыми его потом, возможно, закапывали.²⁵⁰ Кирпич также символизировал присутствие богини—покровительницы рожениц Нинтур. Похоже, что четыре отрывка из аккадского мифа об Атрахасисе говорят в пользу этой интерпретации. В них говорится о сотворении первых людей: эта мифическая сцена восходит к воззрениям, заимствованным из повседневной жизни.²⁵¹

Из описания рождения Эанатума на «Стеле коршунов» ясно, что роженице помогали (по крайней мере, в зажиточных семьях) акушерка и кормилица, и что акушерка давала новорожденному первое имя.

Для обозначения совсем маленького ребенка употреблялся термин *šag₄-dug₃*, что можно интерпретировать как «(тог, чье) сердце добро», «благой сердцем» или же «(то, от чего) сердцу хорошо». В зависимости от пола ребенка, к этому слову добавлялся знак *nitaḥ* или *muḥus*. (Те же обозначения применялись для коз и свиней.) Наиболее общее понятие — *dumu* «ребенок, сын».

О церемонии достижения зрелости, или инициации, которая занимает столь видное место в культуре многих родоплеменных обществ, в Месопотамии ничего неизвестно.

Брак

Если ограничиться досаргоновскими свидетельствами, немного можно сказать и об институте брака. Обычной формой брака раннединастической эпохи была моногамия, что верно и для правящих семейств Двуречья. Поэтому постановление, изложенное в реформах Уруинимгины, звучит весьма странно: «Прежние женщины

²⁴⁷ W. Helck. Meschenet (*Mšm.ḫ*) // WdM 1, 1965, S. 375; S. Morenz. Ägyptische Religion // Die Religionen der Menschheit 8. Stuttgart. 1960, S. 279; H. Bonnet. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. 1952, S. 458. Несколько иную интерпретацию дает С. Keller в: A. D. Kilmer. The Brick of Birth // JNES 46. 1987. P. 213, прим. 19.

²⁴⁸ J. Polack. Persien, das Land und seine Bewohner I. 1865. S. 219.

²⁴⁹ H. Massé. Croyances et Coutumes persanes, 1938, P. 36.

²⁵⁰ Так в: A. D. Kilmer. Op. cit. P. 213.

²⁵¹ W. G. Lambert, A. R. Millard. Atra-hasis. 1969, P. 259, S III 6, S III 15, 288, 294.

имели по двое мужчин (мужей?), нынешние женщины (эту) мерзость забросили» (Ukg. 6 III 20'-24').²⁵² Более того, по мнению Кинаста, «по двое мужчин» надо понимать как «от двух мужчин (и более)».²⁵³ На основании этого отрывка, Д. О. Эдзард пришел к выводу о существовании левиратной полиандрии,²⁵⁴ сюда же подходит термин «диандрия». Однако подобный обычай с трудом вписывается в общую картину, которую рисуют источники. На это указывает и тот факт, что легальное выражение *nam-dam₃-še₃ tuk* (букв. «брат в супружество/в жены») в рассматриваемом контексте не употреблялось. Поэтому, возможно, здесь предпочтительнее объяснение В. фон Зодена: поскольку из-за чрезмерно большой платы законный развод во многих случаях не осуществлялся, жены, убежавшие от мужей, просто вступали в новый брак и тем самым жили в бигамии.²⁵⁵

О свадебных обычаях раннединастической поры ничего не известно. Правда, в списке профессий из Телль Абу-Салабиха (MSL 12, 19, 157) мы находим «шафера» — *nimgir-si*, буквально «вестник рога», т. е. «посыльный, (который трубит в) рог». Это же слово встречается в качестве краткой формы имени собственного в документах из Гирсу. В чем конкретно состояло его участие в брачной церемонии, мы не знаем. Обозначение «зятя» — *mi₂-us₂-sa₂* — пару раз встречается в хозяйственных документах в контексте, больше напоминающем профессию. Раннединастических аналогов старовавилонским брачным контрактам, которые регулировали обоюдные юридические обязательства супругов, вопросы выкупа за невесту и приданного, равно как и соглашениям на случай расторжения брака, не имеется.

В одном старощумерском тексте (DP 75) группируются, в зависимости от их происхождения, подарки из имущества правителя Лугальанды и его жены Барагнамгары, которые их сын Уртарсир-

²⁵² И. М. Дьяконов здесь переводил: «Прежние женщины имели по 2 мужчин, нынешних женщин (за это) камнями забрасывают». Общий смысл в данном случае не меняется. См. И. М. Дьяконов. Реформы Урукагины в Лагаше // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М., 1997. С. 374.

²⁵³ H. Steible. Die altsumerischen... (II). S. 164 (27).

²⁵⁴ D. O. Edzard. Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // Genava n. s. 8. 1960, P. 254—258.

²⁵⁵ W. von Soden. Herrscher im alten Orient // Verständliche Wissenschaft 54. Berlin—Göttingen—Heidelberg. 1954. S. 13; Он же. Sumer, Babylon und Hethiter bis zur Mitte des zweiten Jahrtausends v. Chr. // G. Mann, A. Heuss (ed.). Propyläen Weltgeschichte 1. Berlin. 1961, S. 546.

сира должен поднести своей супруге Ниненеше. В общей сложности упоминается 36 различных предметов, в том числе: упряжка ослов, рабыня, мебель (кровать, стулья и скамеечка для ног), парадные и простые одеяния, бронзовая и медная утварь (зеркало, кадьница для благовоний [?]), разного рода каменные сосуды (*bur*), золотые и серебряные котлы, сосуды с мазями и ароматическими маслами, гребни, самшитовые веретена, небольшие весы, целый ряд различных украшений и, возможно, какая-то провизия. И все же, речь здесь идет не о так называемых «дарах невесты» (в некотором смысле — приданое), поскольку термин *nig₂-mi₂-us₂-sa₂* не употребляется. По мнению П. Штайнкеллера,²⁵⁶ здесь говорится о погребальных дарах, но это неверно. Время погребения колесниц и придворного персонала уже прошло.

Встречаются упоминания о разводе. В одном из параграфов реформ Уруинимгины (Ukg. 6 II 15'-21') среди различных зол упоминаются значительные штрафы для мужчин, желающих развестись. Так, правитель должен при этом расстаться с пятью сиклями серебра, а «великий визирь» (*sukal-mah*) — с одним. Какова была соответствующая контрмера, до нас не дошло, хотя можно предположить, что она состояла в снижении этой платы. Древнейший судебный документ о расторжении помолвки относится к аккадскому времени (SR 85). Об учреждении института *aštammu* известно из двух старошумерских имен собственных: *nin-eš₂-dam-me-ki-ag₂* («Госпожа любит *aštammu*») и *ur-eš₂-dam* («слуга *aštammu*»), хотя нельзя сказать наверняка, идет ли речь о явлениях, известных по источникам более позднего времени — трактирах, постоянных дворах и домах терпимости.

Погребение

Как известно, шумеры своих покойников предавали земле, а не сжигали. Кладбище обозначалось словом *ki-mah*, буквально «высокое/возвышенное место». Оно употребляется как в старошумерское время (Ukg. 1 V 6' и др.; SR 35 II 6), так и при Гудеа (статуя B V 1-4). Этот факт, примечательный сам по себе, символизирует также и четкую грань, проводимую между живыми и мертвыми. Означает ли это, что некогда столь популярные захоронения в домах уже не практиковались в Лагаше? В надписях Гудеа сообщается, что на похоронах храмовые певчие (*gala*) исполняли на арфах песни-

²⁵⁶ P. Steinkeller. Threshing... P. 21, прим. 29.

плачи, а плакальщицы (*ama-ir₂*) испускали крики. Таким же образом дело обстояло и в старощумерское время. Известно, что Урунимгина устроил пышные похороны Барагнамтаре — супруге своего предшественника Лугальанды. На этих похоронах были совершены два ритуала, число и профессии участников которых легко определить, так как они были поставлены на довольствие (TSA 9, Fö 137). Надо полагать, что первый документ составлялся для учета расходов на похороны, а второй был посвящен проведению первого поминального празднества у могилы. Подобные поминки типичны для многих культур — они назначаются по прошествии определенного срока после погребения или даже регулярно повторяются через конкретный промежуток времени. На похоронах присутствовали: 72 храмовых певчих, 60 «жен отцов/старцев» (*dam ab-ba*), а также 148 служанок, примерно $\frac{3}{4}$ которых прислал храм Нин-Гирсу и $\frac{1}{4}$ — храм Бау. Наибольшую «головную боль» для специалистов представляют 10 *ses-tu* Барагнамтары. Нельзя полностью исключить, что здесь действительно имеются в виду 10 «(едино)утробных братьев», так как мы уже видели, что семья Ур-Нанше была довольно велика. С другой стороны, это вполне могли быть люди, исполнявшие роль родных братьев в соответствии с ритуалом. Во втором документе «единоутробные братья» поразительным образом отсутствуют. Зато здесь присутствуют 92 храмовых певчих под руководством старшего певчего из Гирсу. Кроме того, в поминках участвуют 48 «жен старцев» и 177 служанок, т. е. примерно на $\frac{1}{6}$ больше, чем на самих похоронах. Расходы на каждого участника были незначительны. В первом документе расчет ведется по трем «разрядам зарплаты». По высшему разряду вознаграждение получают храмовые певчие: каждому полагается по одному «полухлебу» *bar-si*, т. е. хлебу из муки эммера, по двое «вечных», или печеных хлебов и по одной лепешке (или, возможно, оладье?). К среднему разряду относились «жены старцев» и «единоутробные братья»: они получали по одному «полухлебу» *bar-si* и по одной лепешке/оладье. Прислужницы (низший разряд) получали по двое «вечных» (печеных) хлебов, по одной лепешке/оладье, а хлеба из дорогого эммера не получали вовсе.

Затем, без указания конкретных рационов, отмечается, что все пили пиво.

Стоимость второго мероприятия учтена несколько точнее. Служанкам достались те же виды хлеба и в том же количестве, что и в

первый раз, плюс по одному «кули» пива каждой. По оценке М. А. Пауэлла,²⁵⁷ данная мера составляет от полулитра до 1,2 л.

С храмовыми певчими же на этот раз обошлись хуже — хлеба из эммера им не досталось. Они также получили по 1 «кули» светлого пива на человека. Старший певчий единолично получил 10 «вечных» (печеных) хлебов, и 6 хлебов из эммера, но остался без пива. Наконец, «женам старцев» были выданы те же пайки хлеба, что и при первом событии, плюс по одному «кули» светлого пива.

Персонал, чье вознаграждение учтено в двух наших документах, обозначен как «люди, проливавшие слезы на траурных церемониях Барагнамтары». Как видно, здесь отсутствуют те, кто должен был заниматься мертвым телом непосредственно — готовить покойную к погребению, переносить ее и копать могилу. Однако, вполне возможно, что этой категории работников была посвящена отдельная табличка. Документы, описывающие погребение Барагнамтары, умалчивают и о плакальщицах (старошумерское *um-ma-ir₂*, в надписях Гудеа — *ama-ir₂(-ga)*). Однако ряд документов, дающих хорошее общее представление о культовом персонале низшего ранга в государстве Лагаш (например, DP 159), ясно дают понять, что плакальщицы имелись — или, во всяком случае, заносились в ведомости — только в Гирсу. Причем даже там они присутствуют в жалком количестве пяти, если сравнить их с 40 храмовыми певчими и 18 исполнителями песен-плачей, имевшимися в городе Гирсу и со 171 храмовыми певчими, которыми располагало государство в целом. Поскольку в документе DP 159 немногочисленные *um-ma-ir₂* фигурируют в общем списке с *gala*, можно предположить, что они незримо присутствуют среди певчих и в текстах, освещающих похороны Барагнамтары.

Есть еще два важных момента, о присутствии которых на похоронах Барагнамтары никаких сведений нет. Мы ничего не знаем о жертвах, вполне возможно принесенных у могилы усопшей, и также ничего не знаем о дарах, призванных сопровождать ее в загробный мир — были ли они, и если да, то какие.

Вышеупомянутый источник DP 159 — это своего рода список выдач хлеба. Если точнее, то на пятом году правления Уруинимгины его жена Сасаг выдала хлеб в общей сложности 418 служащим, причем взрослые получили вдобавок рыбу и пиво, а также, как указано без дальнейших подробностей, «помазались жиром». Тут писец

²⁵⁷ М. А. Powell. Maße und Gewichte // RIA 7. 1987—1990, S. 505 (меры и веса).

не рассчитал свободное место — табличка оказалась слишком мала. Поэтому под конец он был вынужден сокращать текст и опустил как раз причину, по которой производились эти выдачи. Видимо они были одноразовыми. Вышеупомянутые 418 человек состоят из следующих групп: 176 храмовых певчих, 174 прислужницы и 68 детей последних. Если исключить детей, вся группа напоминает по составу персонал, присутствовавший на траурных церемониях Барагнамтары. Там на двух церемониях присутствовало соответственно 290 и 318 человек, здесь же (т. е. в Гирсу) это число больше примерно на 60 или, во втором случае, на 30 участников. Что еще интереснее, в одиночку город Гирсу либо не мог обеспечить необходимого количества храмовых певчих и служанок для нашего безымянного мероприятия, либо ему не было нужды делать этого. Как бы то ни было, они сходились туда со всего лагашского государства. Помимо крупных городов, в тексте упоминаются небольшие местечки и мелкие храмы, разбросанные по всей стране. Можно предположить, что число певчих и служанок, выделяемых в каждом случае, было пропорционально их величине. К сожалению, в настоящее время две части таблички — в первой записаны певчие, а вторая посвящена служанкам — не подлежат полноценному сравнению. Дело в том, что первые перечислены по географическому признаку (то есть если певчий происходит из крупного центра, то установить его принадлежность к какому-либо храму или богу невозможно), тогда как последние указаны в связи с их принадлежностью к конкретному божеству (то есть служанки, принадлежащие богине Нанше, могут происходить из двух, а то и пяти совершенно разных мест).

Таким образом, ясно, что святилищу многого недоставало, хотя на основании этих пробелов трудно сделать однозначные выводы. Например, не приняты в расчет небольшие храмы бога Нин-Гирсу — Ахуш, Антасура и Тирас/ш, — а также удаленные от важных центров культовые места бога Энки и Сагуб, где поклонялись богине Амагештин. Не поддается объяснению и то, почему лишь немногие города отправили и певчих, и служанок, тогда как большая часть отправила либо тех, либо других: так, город Гуаба с его храмом Нинмары представлен лишь служанками.

Прежде всего, загадку представляет собой причина проведения столь дорогостоящего обряда. Судя по внушительному числу участников, мы вероятно имеем дело с крупномасштабным трауром, а поскольку пятый год правления Уруинимгины одновременно явля-

ется вторым годом войны, это мог быть общелагашский поминальный ритуал в честь воинов, павших на этой войне.

Похоронам посвящено одно из постановлений в реформах Урунимгины (прежнее положение: Ukg. 4 VI 4-14 = 5 V 24 — VI 5, положение после реформ: 4 IX 26-34 = 5 VIII 32 — IX 1). Речь идет о плате, которую должен был вносить рядовой гражданин в случае смерти кого-либо (родственника?). После радикального снижения в результате реформы некто, обозначаемый как $uruh_x$ (KUSU₂.MUS₃), всё еще получал 3 кувшина пива, 80 хлебов, одного «первоклассного» козленка и одну кровать, а lu_2 - $umum$ - ma — 3 бана (около 18 л) ячменя. Согласно М. Сивилу,²⁵⁸ $uruh_x$ — это гробовщик. Функции lu_2 - $umum$ - ma пока что определить невозможно.

Раннединастическая пора была временем чрезвычайно дорогостоящих царских погребений. Наиболее поздние примеры скромных погребений с колесницами из Ингарры/Хурсагкаламы возле Киша с 1—2 людьми, погребенными вместе с «основным» мертвецом, встречаются вплоть до конца РД II. Таким образом, они на добрые 150 лет древнее эпохи Ур-Нанше. Ко времени последнего относятся 16 царских погребений из Ура с захоронениями свиты правителя (иногда до 80 человек) и богатыми загробными дарами (Илл. 11). В районе Гирсу и Лагаша никаких царских могил не обнаружено по сей день. Поэтому трудно сказать, оборудовались ли таким же образом и могилы лагашских правителей. Позднейшие документы из Гирсу не содержат указаний на погребение свиты вместе с царем. Вероятно данный обычай быстро вышел из употребления или же он был узко локальным и не практиковался в Лагаше.

В том, что эти погребения содержали большое число захороненных вместе с правителем людей (неважно, следовали ли они за усопшим добровольно или были отравлены) они далеко не уникальны. В этом отношении им не уступают, или даже превосходят их, царские могилы раннего Китая, а также, если верить Геродоту, скифские курганы I тыс. до н.э. Одиннадцать царских погребений из Аньяна в провинции Хэнань — как и в Месопотамии, там найдены колесницы — датируются временем поздней династии Шан (ок. 1300—1050 до н.э.) и содержат совместные захоронения разного рода. Загробная свита состояла из окружения правителя, могильщиков, убитых в целях соблюдения секретности, и множества

²⁵⁸ M. Civil. KBo 26 53 and Funerary Personnel // N.A.B.U. 1987, Nr. 9.

обезглавленных людей, принесенных в жертву.²⁵⁹ Что касается скифов, в четвертой книге своей «Истории» («Мельпомена», главы 71–72), Геродот описывает погребение скифского вождя на юге теперешней России в I тыс. до н. э.:

«... погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных» и т. д.²⁶⁰

Глава 72 начинается так:

«Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг царя выбирают самых усердных... Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней)...».

Впрочем, вернемся в Месопотамию. В ряде случаев ее обитатели начинали заботиться о погребении еще при жизни. Документ о покупке дома, датированный 17-м годом Энметены, устанавливает, что продавец, мойщик одежды по имени Ка, получает лишь определенную часть платы, а остаток — 10 сиклей серебра — подлежит уплате лишь когда его тело понесут (?) на кладбище (SR 35 = BIN 8, 352).

В документе о покупке поля из Адаба (ELTS Nr. 32 App.), который, по мнению Штайнкеллера, относится еще к досаргоновской эпохе, говорится, что bil₂-lal₃-la, управляющий храма из Кеша и продавец поля, передает своей жене Лалле множество ценных предметов, составляющих часть платы. Судя по тексту, Лалла либо уже умерла, и ценности отправляются в гробницу, либо они попадут туда позже, когда она умрет. Указание на это недвусмысленно: «она будет обитать с этим в могиле». В качестве погребального инвентаря названы 5 одеяний, одна кровать и одно кресло из самшита, четыре украшения из серебра (все разные) и одно из лазурита и, наконец, серебряное зеркало.

Остается упомянуть еще один тип погребения — для павших на поле битвы. Помимо того, что о таких погребениях сообщается в надписях правителей, одно из них изображено на обратной стороне «Стелы коршунов» (Илл. 12). На рельефе — целая гора из трупов и люди, поднимающиеся по лестницам типа стремянок с корзинами

²⁵⁹ *Chêng Tê-K'ung*. *Archaeology in China* 2. 1960, P. 72–77.

²⁶⁰ Здесь и далее русский перевод Геродота приводится по изданию: *Геродот*. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. «Наука». Ленинград. 1972.

земли, чтобы засыпать мертвых. Непосредственно справа начинается обряд жертвоприношения в присутствии правителя. На земле лежит крупный (1) и мелкий (6) скот. Передние и задние ноги животных связаны веревками, прикрепленными к деревянным кольям, вбитым в землю; они приготовлены к закланию. Над ними изображен (вероятно, имелось в виду, что он стоит рядом) обнаженный служитель культа с кувшином для возлияний. Он смотрит направо. Перед ним на циночке стоят две стройные вазы для приема пожертвований в виде напитка. Они украшены свисающими через край кисточками финиковой пальмы и устремленными вверх ветвями. Крайний справа — правитель, к которому и обращена вся сцена. Его фигура почти полностью утрачена: видны лишь нижняя часть церемониального одеяния и босые ноги. Поскольку обе сцены явно связаны между собой, можно говорить о жертвоприношении душам погибших.

На первый взгляд, толкование сцен на «Стеле коршунов» не представляет осложнений.

«Земля покрыта трупами врагов, которые отчасти служат пищей для ... слетевшихся коршунов... На третьем ярусе изображен обряд погребения своих воинов, на котором вождь приносит жертву мертвым».²⁶¹

В современных стеле надписях мы находим соответствие такому насыпанию холма над телами павших в бою — шумерское выражение $i\dot{s}.DU_6.KID_2-be_2$ *mu-dub*. Этот оборот занял в текстах прочную позицию: он следует за сообщением о победе над тем или иным городом или государством. Притяжательный суффикс *-be₂* после слова $i\dot{s}.DU_6.KID_2$ может относиться только к вышеупомянутому противнику. К тому же выводу можно прийти на основании одного фрагмента из большой надписи Энметены: «Кости своих людей (т. е. жителей Уммы) оставил он (разгромленный правитель Ур-Лумма) лежать по всей степи; для них он (Энметена) „холмы трупов“ в пяти местах насыпал» (Ent. 28 III 22—27 = 29 IV 13—17). Здесь говорится о пяти холмах, а Эанатум утверждает, что нагромоздил целых двадцать (Ean. 1 XI 12—15); в другом месте он сообщает, что «трупы их (врагов) достигали до основания небес» (Ean. 1 VII 21—22). Какой же полководец станет хвалиться собственными потерями? В этих братских могилах погребались при совершении жертвоприношений

²⁶¹ M. Falkner. Geiersteele // RIA 3, 1957—1971, p. 194 («Стела коршунов»: археология).

именно убитые враги. Как поступали с собственными убитыми? Подвергались ли трупы тщательной сортировке на своих и чужих, или же всех хоронили вместе, под одним холмом? Точного ответа на этот вопрос у нас нет.

Вслед за И. Е. Гельбом,²⁶² Дж. Н. Постгейт²⁶³ считает возможным, что в этих холмах покоились не павшие в пылу сражения враги, а те, что попали в плен и были затем убиты. Однако обсуждавшаяся выше участь писца Лупады и торговца Хурсагшемаха служит скорее доказательством относительно гуманного отношения к пленным.

²⁶² *I. J. Gelb. Prisoners... // JNES 32. 1973. P. 71—72.*

²⁶³ *J. Postgate. Op. cit. P. 254—255.*

Вопросы к части III

1. В чем особенность Лагаша применительно к ситуации с источниками?
2. Назвать основные источники по истории Раннединастического периода и сгруппировать их по различным признакам (на усмотрение студента).
3. Следы каких языков присутствуют в шумерских документах рассматриваемой эпохи?
4. Какая стадия шумерского языка отражена в письменных памятниках досаргоновского периода?
5. Основные этапы археологического исследования лагашского государства.
6. Какие поселения входят в состав «Лагаша в широком смысле»?
7. Перечислить фазы Раннединастического периода (с датировкой).
8. Назвать древнейшего известного нам шумерского правителя, который был историческим лицом.
9. Какие письменные памятники повествуют о противостоянии Киша и Урука?
10. Какие археологические памятники древнего Ура содержат, помимо прочего, информацию о торговых связях Шумера?
11. Кто был основателем наиболее долговечной лагашской династии?
12. Назвать основных внешнеполитических противников Лагаша.
13. Какой правитель Лагаша проявил наибольшие успехи на военном поприще, оставив памятник, рассказывающий о них?
14. Кто считается автором первых реформ или законов в истории Двуречья (и, возможно, всего человечества)?
15. Кому из шумерских царей удалось достичь почти полного политического объединения Нижней Месопотамии?
16. Возможен ли исчерпывающий анализ месопотамской «религии»?
17. Дать определение понятию *ме*.
18. Было ли в Месопотамии понятие, соответствующее идее «жрец вообще»? Назвать особенности должности жреца в Шумере.
19. Какие рода войск существовали в Раннединастическом Шумере?
20. Перечислить виды наступательного и оборонительного вооружения (на примере Лагаша и Ура).
21. Назвать два основных вида земель в Раннединастическом Шумере.
22. Какие земельных типы участков характерны для храмового землевладения (на примере храма Бабы)?

-
23. Перечислить основные категории работников храмового комплекса.
 24. Можно ли считать строй древнего Двуречья рабовладельческим (на примере Лагаша)?
 25. Что могло служить эквивалентом «зарплаты» в храмовых хозяйствах досаргоновского Шумера?
 26. Назвать господствующую форму брака в древнем Шумере.
 27. Какие формы погребения существовали в Раннединастическом Двуречье?

Заключение

Ни одна работа — будь то научная, научно-популярная или учебная — не в состоянии осветить с одинаковой обстоятельностью *все* аспекты рассматриваемой тематики. Говоря это, автор ни в коей мере не снимает с себя ответственность за те пробелы, неточности и недочеты, которые, вне всякого сомнения присутствуют в данной книге. Так, в идеале следовало бы уделить больше внимания характеристике хозяйственно-административной системы и социальной структуры Раннединастического времени и ряду других проблем, связанных с этим периодом. Тем не менее, учитывая то, что именно названный аспект получил широкое и всестороннее освещение в отечественной историографии (начиная с работ М. В. Никольского, А. И. Тюменева и В. В. Струве), данный пробел не представляется невозполнимым. Ввиду этого, а также прочих, не всегда очевидных недостатков этой работы, советуем заинтересованному читателю обратиться к рекомендованной библиографии в конце книги, а для углубленного изучения материала — к работам, упоминаемым в общей библиографии и примечаниях. Знакомство даже с незначительной частью этой литературы будет хорошим дополнением к настоящей работе и «трамплином» для самого серьезного изучения древнейших стадий истории Месопотамии.

Summary

The present work, *Pre-Sargonic Mesopotamia: The Earliest Phases of History*, deals with the Archaic Mesopotamia (Protoliterate Period) and the Pre-Sargonic epoch (Early Dynastic Period). Various aspects of this theme are being discussed on the basis of archaeological data and written records, as well as of recent—and not-so-recent—works of Russian and Western scholars on the subject. In addition to purely historical accounts, several brief essays treat related matters, such as the evolution of writing, the emergence and rise of Assyriology, the climate, geography and nature of Iraq. The publication is intended as a course book to be used at various departments of the RSUH.

Общая библиография (цитированная литература)

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета канонические. В русском переводе. С параллельными местами (Синодальное издание).

Вулли Л. Ур Халдеев. М.: Издательство восточной литературы, 1961.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики. Пер. с англ. Л. С. Горбовицкой и И. М. Дунаевской. Под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М.: «Радуга», 1982.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л.: Издательство «Наука».

Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

Дьяконов И. М. Люди города Ура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

Дьяконов И. М. Реформы Урукагины в Лагаше // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М. 1997.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия (= ИДВ I). Под редакцией И. М. Дьяконова. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1983.

История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы издательства, 1989.

Ковалев А. А. Из курса лекций по истории Древнего Востока // Вестник РГГУ. Вып. 4, Кн. I, 2000, с. 35—56.

Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Послесл. М. А. Дандамаева. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1990.

От начала начал. Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997.

Фридрих И. История письма. Пер. с нем. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

Хрестоматия по истории Древнего Востока: Учебное пособие, в 2-х частях. Ч. I/ Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М.: Высш. школа, 1980.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. Составление и комментарий А. А. Вигасина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Перевод с аккадского И. М. Дьяконова. и с его комментариями. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Adams R. McC., Nissen H. The Uruk Countryside. Chicago. 1972. P. 18.

Alster B. EN.METE.NA: "His Own Lord" // JCS 26. 1974.

Alster B. Some Ur 3 Literary Texts and Other Sumerian Texts in Yale and Philadelphia // ASJ 15. 1993.

The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (= CAD). Chicago—Glückstadt. 1956...

Attinger P. Enki et Ninhursaga // ZA. Bd. 74. 1984.

Bauer J. Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte // *Bauer J., Englund R. K., Krebernik M.* Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1. 1998. Freiburg, Schweiz: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998

Bauer J., Englund R. K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1. Universitätsverlag Freiburg Schweiz; Vandenhoeck & Ruprecht Göttingen, 1998.

Behrens H., Steible H. Glossar zu den altsumersichen Bau- und Weihinschriften // FAOS 6.

Biggs R. D. An Archaic Sumerian Version of the Kesh Temple Hymn from Tell Abū Salābīkh // ZA 61. 1971.

Biggs R. D. Enannatum I of Lagash and Ur-Lumma of Umma — A New Text // FS Kramer, AOAT 25. Nukirchen-Vluyn. 1976.

Biggs. R. D. Pre-Sargonic Riddles from Lagash // JNES 32. 1973.

Boessneck J., von den Driesch A., Stieger U. Tierknochenfunde der Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts Bagdad in Uruk-Warka, Iraq // BaM 15. 1984.

- Bonnet H.* Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. 1952.
- Borger R.* Assyrisch-babylonische Zeichenliste (= AbZ). Neukirchen-Vluyn. 1978.
- Bottéro J.* Les divinités sémitiques anciennes en Mesopotamie // *Moscatti S.* (ed.). Le antiche divinità semitiche. StSem. Roma. 1958.
- Butz K.* Landwirtschaft // RIA 6. 1980—1983.
- Butz K.* Zur Terminologie der Viehwirtschaft in den Texten aus Ebla // *Cagni L.* (ed.). La lingua di Ebla. Napoli. 1981.
- Butz K., Schröder P.* Zu Getreideerträgen in Mesopotamien und dem Mittelmeergebiet // BaM 16. 1985.
- Carroué F.* La Situation Chronologique de Lagaš II. Un Élément du Dossier // ASJ 16. 1994.
- Chêng Tê-K'ung.* Archaeology in China 2. 1960.
- Civil M.* The Farmer's Instructions: A Sumerian Agricultural Manual // AulaOr-s 5. 1994.
- Civil M.* KBo 26 53 and Funerary Personnel // N.A.B.U. 1987.
- Civil M.* The Statue of Šulgi-ki-ur₅-sag₉-kalam-ma. Part One: The Inscription // FS Sjöberg. OPSNKF 11. Philadelphia. 1989.
- Cooper J. S.* Studies in Mesopotamian Lapidary Inscriptions. II // RA 74. 1980.
- Cooper J. S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions 1: Presargonic Inscriptions // The American Oriental Society, Translation Series 1. New Haven. 1986.
- Cooper J. S., Heimpel W.* The Sumerian Sargon Legend // JAOS 103. 1983.
- Crawford V. E.* Inscriptions from Lagash: Season Four, 1975—76 // JCS 29. 1977.
- Cros G.* Nouvelles fouilles de Tello, publiées avec le concours de Léon Heuzy, François Thureau-Dangin. Paris. 1910.
- Damerow P., Englund R. K.* The Proto-Elamite Texts from Tepe Yahya // American School of Prehistoric Research Bulletin 39. Cambridge (MA). 1989.
- Dijk J., van.* Sumerische Religion // *Asmussen J.P., Laessøe J., Colpe C.* (ed.). Handbuch der Religionsgeschichte 1. Göttingen. 1971.
- Edzard D. O.* Irikagina (Urukagina) // FS Civil, 1991.
- Edzard D. O.* KI.AN^{ki} // RIA 5. 1976—1980.
- Edzard D. O.* Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // Genava n. s. 8. 1960.

Englund R. K. Texts from the Late Uruk Period // *Bauer J., Englund R. K., Krebernik M.* Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdybastische Zeit. Annäherungen 1. Freiburg, Schweiz: Vandenhoeck & Ruprecht. 1998.

Falkenstein A. Das Sumerische // HDO 1. Abt., Band 2, 1. und 2. Abschn., Lfg. 1. 1959.

Falkenstein A. Die Inschriften Gudeas von Lagaš I: Einleitung // *AnOr* 30. 1966.

Falkenstein A. Zum Pantheon des Stadtstaates von Lagaš und zur Kulttopographie // *AnOr* 30. 1966.

Falkner M. Geierstele // *RIA* 3, 1957—1971.

Farber G. me (garza, paršu) // *RIA* 7, 1987—1990.

Fernea. R. A. Shaykh and Effendi: Changing Patterns of Authority among the El Shabana of Southern Iraq. Cambridge, Mass. 1970.

Freedman R. D. The Cuneiform Tablets in St. Louis, Columbia University Ph. D. 1975.

Gadd C. J. The Cities of Babylonia // *CAH*, vol. 1, part 2. 1971.

Gelb I. J. Homo Ludens in Early Mesopotamia // *Studia Orientalia*. Helsinki. 1976.

Gelb I. J. Prisoners of War in Early Mesopotamia // *JNES* 32. 1973.

Glick Th. F. Irrigation and Society in Medieval Valencia. Cambridge, Mass. 1970.

Gragg G. B. The Kesh Temple Hymn // *TCS* 3. 1969.

Heimpel W. The Nanshe Hymn // *JCS* 33. 1981.

Heimpel W. Tierbilder in der sumerischen Literatur // *StPohl* 2. Roma. 1968.

Helck W. Meschenet (*Mšhn.t*) // *WdM* 1. 1965.

Jacobsen Th. Early Political Development in Mesopotamia // *ZA* 52. 1957.

Jacobsen Th. La géographie et les voies de communication du pays de Sumer // *RA* 52. 1958.

Jacobsen Th. Notes on Nintur // *OrNS* 42. 1973.

Jacobsen Th. Parerga Sumerologica // *JNES* 2. 1943.

Jacobsen Th. The Reign of Ibbi-Suen // *JCS* 7, 1953.

Jacobsen Th. Salinity and Irrigation Agriculture // *Bibliotheca Mesopotamica* 14. 1982.

Jacobsen Th. The Term Ensi // *FS Civil*. 1991.

Kilmer A. D. The Brick of Birth // *JNES* 46. 1987.

Kramer S. N. Cuneiform Studies and the History of Literature: the Sumerian Sacred Marriage Texts // *PAPS* 107. 1963.

- Kraus F. R.* Staatliche Viehhaltung im altbabylonischen Lande Lar-sa. Amsterdam. 1966.
- Krebernik M.* Die Beschwörungen aus Fara und Ebla // TSO 2. 1984.
- Krebernik M.* Die Götterlisten aus Fāra // ZA 76. 1986.
- Krecher J.* Das sumerische Phonem [g] // FS Matouš II. Budapest. 1978.
- Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient Civilizations: The Near East and Mesoamerica. Menlo Park: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc., 1979.
- Lambert W. G.* Further Notes on ENLIL AND NINLIL: The Marriage of Sud // JAOS 103. 1983.
- Lambert W. G.* The Reading of the Name uru.KA.gi.na // OrNS 39. 1970.
- Lambert W. G.* The Reading of Uru-KA-gi-na Again // AulaOr 10. 1992.
- Lambert W. G., Millard A. R.* Atra-hasīs. The Babylonian Story of the Flood. Oxford. 1969.
- Landsberger B.* Mesopotamia'da Medeniyetin Doğuşu/Die Anfänge der Zivilisation in Mesopotamien // AÜDTCFD 2. 1943—44, S. 419—437.
- Landsberger B.* Sümerler/Die Sumerer // AÜDTCFD 1. 1943. S. 88—102.
- Landsberger B.* Sumerlerin Kültür Sahasındaki Başarıları / Die geistigen Leistungen der Sumerer // AÜDTCFD 3. 1944—45.
- Lehmann F. R.* Mana. Der Begriff des "außerordentlich Wirkungs-vollen" bei Südseevölkern. Leipzig. 1922.
- Mander P.* Il Pantheon di Abu-Şālabikh // Contributo allo studio del pantheon sumerico arcaico, 1986.
- Massé H.* Croyances et Coultumes persanes, 1938.
- Michalowski P.* Letters from Early Mesopotamia // Writings from the Ancient World Society of Biblical Literature 3. Atlanta. 1993.
- Morenz S.* Ägyptische Religion // Die Religionen der Menschheit 8. Stuttgart. 1960.
- Owen D. I.* Of Birds, Eggs and Turtles // ZA 71, 1981, P. 30—31.
- Pfaffraths Th.* Zur Götterlehre in den altbabylonischen Königsinschriften. Mit einem ausführlichen Register der auf die altbabylonische Götterlehre bezüglichen Stellen // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums 6/V—VI. Paderborn. 1913.

Pinches Th. G. The Armherst Tablets Part I: Texts of the Period Extending to and Including the Reign of Būr-Sin. London. 1908.

Polack J. Persien, das Land und seine Bewohner I. 1865.

Postgate J. N. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London and New York: Routledge, 1996.

Powell M. A. Elusive Eden: Private Property at the Dawn of History // JCS 46. 1994.

Powell M. A. Maße und Gewichte // RIA 7. 1987—1990.

Powell M. A. Salt, Seed, and Yields in Sumerian Agriculture. A Critique of the Theory of Progressive Salinization // ZA 75. 1985.

Powell M. A. Texts from the Time of Lugalzagesi. Problems and Perspectives in Their Interpretation // HUCA 49. 1978.

Radke G. Zur Entwicklung der Gottesvorstellung und der Gottesverehrung in Rom. Darmstadt. 1987.

Redding R. W. The Faunal Remains // *Write H. T.* (ed.). An Early Town on the Deh Luran Plain. Excavations at Tepe Farukhabad, Memoirs of the Museum of Anthropology, University of Michigan, no. 13. Ann Arbor. 1981.

Reisman D. A “Royal” Hymn of Išbi-Er-ra to the Goddess Nisaba // FS Kramer (AOAT 25). 1976.

Renger J. Untersuchungen zum Priestertum in altbabylonischer Zeit 1. Teil // ZA 58. 1967.

Renger J. Untersuchungen zum Priestertum in altbabylonischer Zeit 2. Teil // ZA 59, 1969.

Römer W. H. Ph. Beiträge zum Lexikon des Sumerischen (4): Termini für Schiffe und Schifffahrt, Schiffsteile und Schiffszubehör — vor allem in sumerischen ‘literarischen’ Texten // *Dietrich M., Loretz O.* (ed.). Mesopotamica — Ugaritica — Biblica, FS für Kurt Bergerhof zur Vollendung seines 70. Lebensjahres am 7. Mai 1992 // AOAT 232. 1993.

Römer W. H. Ph. Die Sumerologie: Einführung in die Forschung und Bibliographie in Auswahl. 2., erw. Aufl. Münster: Ugarit-Verlag. 1999.

Sauren H. Topographie der Provinz Umma, I: Kanäle und Bewässerungsanlagen. Heidelberg. 1966.

Selz G. J. Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš, 1: Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad // FAOS 15/1. Stuttgart. 1989.

Selz G. J. Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš, 2: Altsumerische Wirtschaftsurkunden aus amerikanischen Sammlungen // FAOS 15/2. 1993.

Selz G. J. Nisaba(k): “Die Herrin der Getreidezuteilungen” // FS Sjöberg. 1989.

Selz G. J. Studies in Early Syncretism: The Development of the Pantheon in Lagaš. Examples for Inner-Sumerian Syncretism // ASJ 12. 1990.

Selz G. J. Verwaltungsurkunden in der Eremitage in St. Petersburg // ASJ 16, 1994.

Selz G. J. Zum Namen des Herrschers URU-INIM-GI-NA(-AK): ein neuer Deutungsvorschlag // N.A.B.U. 1992. No. 44.

Sigrist M. Les *sattukku* dans l’Éšumeša durant le période d’Isin et Larsa. Malibu: Bibliotheca Mesopotamica 11. 1984.

Sjöberg Å. W. Die göttliche Abstammung der sumerisch-babylonische Herrscher // OrSuec 21. 1972.

Sjöberg Å. W. Hymns to Ninurta with Prayers for Šūsin of Ur and Būrsin of Isin // FS Kramer (AOAT 25). 1976.

Sjöberg Å. W. The Sumerian Dictionary of the University Museum of the University of Pennsylvania. Philadelphia, 1984...

Sjöberg Å. W., Bergmann E. S. J. The Collection of the Sumerian Temple Hymns and G. B. Gragg, The Keš Temple Hymn // TCS 3. Locust Valley. N. Y. 1969.

Soden W., von. Akkadisches Handwörterbuch (= AHW.). Wiesbaden. 1965.

Soden W., von. Herrscher im alten Orient // Verständliche Wissenschaft 54. Berlin—Göttingen—Heidelberg. 1954.

Soden W., von. Sumer, Babylon und Hethiter bis zur Mitte des zweiten Jahrtausends v. Chr. // *G. Mann, A. Heuss* (ed.). Propyläen Weltgeschichte 1. Berlin. 1961.

Steible H. Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften, Teil I: Inschriften aus ‘Lagaš’ // FAOS 5/I. Wiesbaden. 1982.

Steible H. Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften, Teil II: Kommentar zu den Inschriften aus ‘Lagaš’, Inschriften ausserhalb von ‘Lagaš’ // FAOS 5/II. Wiesbaden. 1982.

Steiner G. Zwei Namen Eannatums oder Jahresnamen? // WO 8, 1975—76

Steinkeller P. Battering Rams and Siege Engines in Ebla // N.A.B.U. 1987.

Steinkeller P. Notes on the Irrigation System in Third Millennium Southern Babylonia // BSA 4. 1988.

Steinkeller P. The Reforms of Urukagina and Early Sumerian Term for Prison // FS Civil. 1991.

Steinkeller P. Review of Englund, R. K., Nissen, H. J., Die lexikalischen Listen der archaischen Texte aus Uruk, ATU 3, Berlin 1993 // AfO 42/43. 1995/96.

Steinkeller P. Rez. zu: Marzahn J., Altsumerische Verwaltungstexte aus Girsu/Lagaš, VS XXV, Berlin 1991 // JAOS 115. 1995.

Steinkeller P. Sale Documents of the Ur III Period // FAOS 17. Stuttgart. 1989.

Steinkeller P. Threshing Implements in Ancient Mesopotamia: Cuneiform Sources // Iraq 52. 1990.

Steinkeller P., Postgate J. N. Third-Millennium Legal and Administrative Texts in the Iraq Museum, Baghdad // MC 4. Winona Lake. 1992.

Thoumin R. Notes sur l'aménagement et la distribution des eaux à Damas et dans sa Ghouta // Bulletin d'études orientales 4. 1934.

Tresse P. L'irrigation dans Ghouta de Damas // Revue des études islamiques 3. 1929.

Ungnad A. Datenlisten // RIA 2. 1938.

Vajman A. A. Die Bezeichnung von Sklaven und Sklavinnen in der protosumerischen Schrift // BaM 20. 1989.

Westenholz A. Old Sumerian and Old Akkadian Texts in Philadelphia Chiefly from Nippur 1: Literary and Lexical Texts and the Earliest Administrative Documents from Nippur // BiMes 1. Malibu. 1975.

Widegren G. Evolutionistische Theorien auf dem Gebiet der vergleichenden Religionswissenschaft // *Lanczkowski G.* (ed.). Selbstverständnis und Wesen der Religionswissenschaft. Darmstadt. 1974.

Zehnpfund R. Babylonien in seinen wichtigsten Ruinenstätten // Der alte Orient 11/3—4. 1910.

Рекомендуемая библиография

(см. также литературу во Введении и в примечаниях)

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики. Пер. с англ. Л. С. Горбовицкой и И. М. Дунаевской. Под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М.: «Радуга», 1982.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия. Под редакцией И. М. Дьяконова. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1983.

Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. После сл. М. А. Дандамаева. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1990.

Фридрих И. История письма. Пер. с нем. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

Lamberg-Karlovsky, C. C., Sabloff, J. A. Ancient Civilizations: The Near East and Mesoamerica. Menlo Park: The Benjamin/Cummings Publishing Company, Inc., 1979.

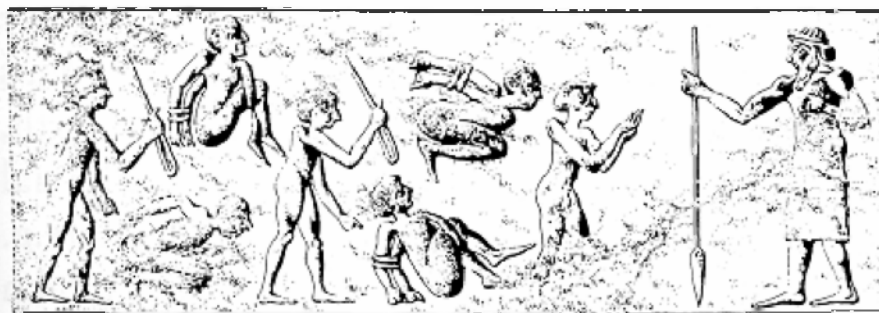
Bauer, J., Englund, R. K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1. Universitätsverlag Freiburg Schweiz; Vanderhoeck & Ruprecht Göttingen, 1998.

Postgate, J. Nicholas. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London and New York: Routledge, 1996.

Иллюстрации

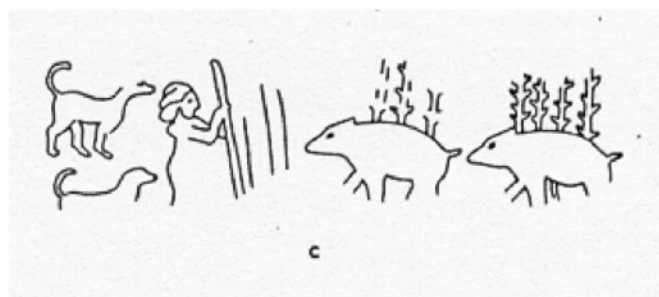
Илл. 1. Урукские токены — символы сельскохозяйственной продукции

Илл. 2. Оттиск цилиндрической печати из Урука: избивание пленных

Илл. 3. Таблетка Блау: передача земли

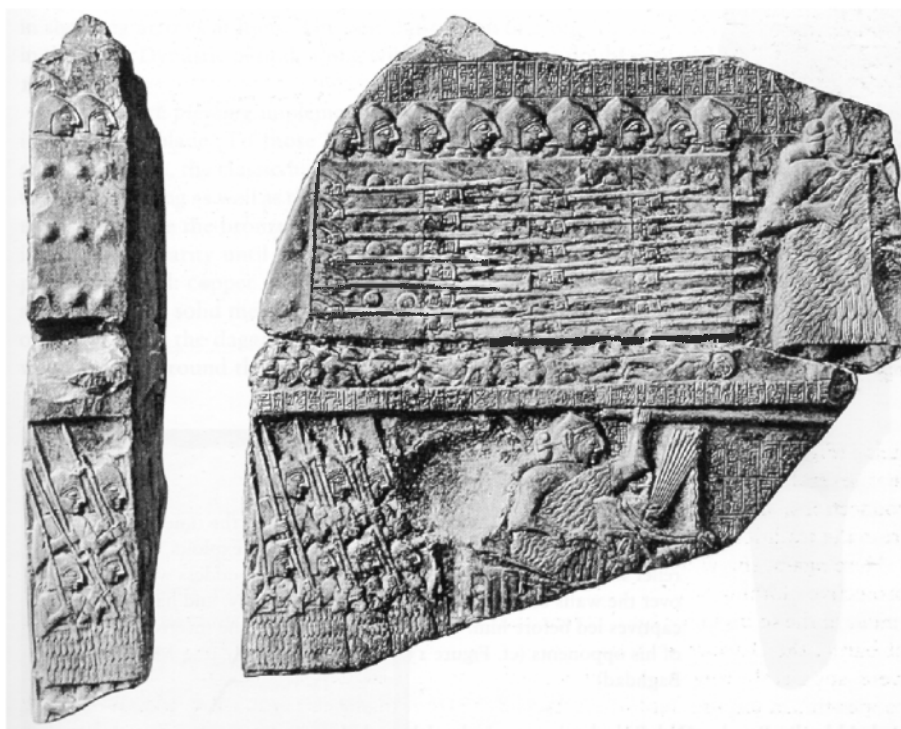
Илл. 4. Оттиск печати из Урука: правитель (?) охотится на кабанов

Илл. 5. Вотивная палица Месалима

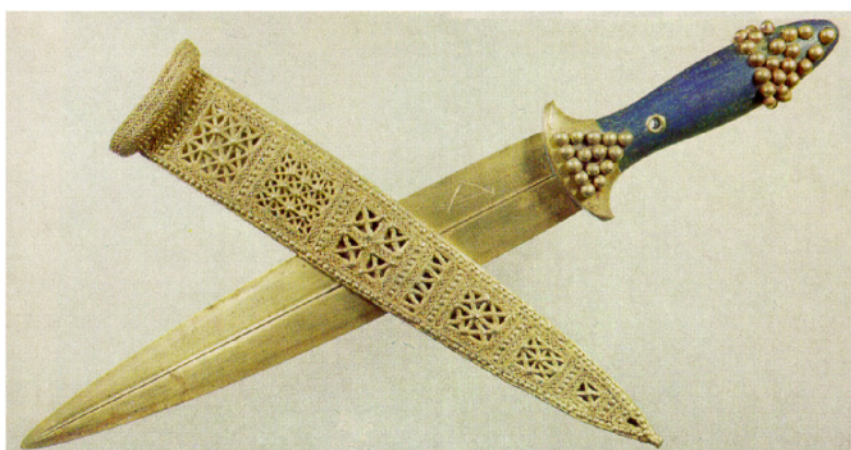
Илл. 6. Вотивный рельеф Ур-Нанше

Илл. 7. «Стела коршуное»: Занатум во главе фаланги и войска на марше

Илл. 8. Шлем Мескаламдуга

Илл. 9. Кинжал Мескаламдуга

Илл. 10. Изображение лучника из Мари

Илл. 11. Арфа из Урского погребения

Илл. 12. «Стела коршун» холм трупов

**Краткий указатель реалий: имена собственные, топонимы,
этнонимы и т. п.**

- Агга (Ага, Ака) 118
 Аккад 15–16
 аккадцы 26–29
 Акургаль 133–134
 Акшак 135
 Ан (Ану) 66–67, 165, 169,
 171–172, 193
 Анзу(д) 136, 197
 Аратта 136, 199, 211–212
 ассириология 32–34
 Ассирия 16
 Ашурмен 150
 Ашшур 16, 69
 Баба (Бау) 105, 139, 159,
 179–180, 183, 213
 Барагнамтара (Барнамтара)
 159, 219–220
 Бахрейн 19
 Бильгамеш (Гильгамеш) 105,
 116, 118, 148, 173, 211
 боги (*dingir*) 171–173, 195
 Бубу ? 164
 Вавилон 16, 116
 Вавилония 16
 вооружение 207–211
 Гатумдуг (Нгатумду[г]) 140,
 151, 178, 184
 Гильгамеш (Бильгамеш) 105,
 116, 118, 148, 173, 211
 Гирсу (Нгирсу; Телло) 68, 104,
 112–114, 181–186
 Гуаба 68, 157, 189, 191
 Гудеа 105, 114, 133, 140,
 147, 184, 219–220
 Гуэдена 122, 134
 Дер 69, 121, 155
 Джемдет-Наср 67
 Дуду 154, 158
 Евфрат 17
 жертвоприношения 202–203
 жрецы и жрицы 200–202
 Забаба 180
 землевладение 213–215
 зерновое хозяйство 85–87
 Зуэн (Суэн; Син) 138, 165,
 180, 202
 Инана (Инанна; Иштар) 66,
 116, 152, 165, 170, 192–
 193
 Ирак 17
 ирригация 89–99
ишиб («заклинатель») 165, 200
 Иштаран 69, 155
 Киш 68, 104, 118, 120–121,
 155, 180
 клинопись 51–56
 колесницы 204–207
 крупный рогатый скот 78–80
 Лагаш (аль-Хиба) 68, 102–
 103, 112–114, 120 сл., 181,
 186–188, 213
 Ларса 117, 165, 193
лугаль (*lugal*) 118–119, 194–
 195, 202
 Лугальбанда 140, 159, 198,
 219
 Лугальбанда 105, 172, 198

- Лугальзагеси 122, 163–166, 178
 Лугальшагэнгур 121
 Мари 69, 104
 ме («сути», «силы») 168–171
 Ме(н)барагеси (Эн-Менбарагеси) 118
 Месалим (Месилим) 120–121, 155, 169
 Месанепада 119–120
 Мескаламдуг 119–120
 Месопотамия 15
 молочные продукты 80–81
 Нанше 113, 117, 140, 188–190
 нешумерская лексика в шумерском 109–111
 Нимин 112, 117, 181, 188–191
 Нин-Гирсу 116, 120–121, 134, 155, 182–186
 Нинтур 174–176, 215–216
 Нинхурсаг(а) 138–139, 151
 Ништур 68, 104, 164
 Нисаба (Нидаба) 176, 178–179
 овцеводство 75–76
 осада 211–212
 охота 74
 панавилонизм 38
 письмо 48–59
 подневольные работники 82–84, 214–215
 поля 87–88
 предметы как божества 173–174, 176
 рыболовство 70–74
 Саргон Аккадский (Шаррумкен) 102, 106, 163, 166, 202, 216
 свиноводство 82–83
 семиты 27–28
 старошумерский 106–111
 телль 30, 114
 Тигр 17
 ткачество 76–78
 «токены» (*tokens*) 49–50
 Убейд, убейдская культура 47
 Умма 68, 104, 112, 122, 137–138, 155–156, 163–166, 178, 204 сл.
 Ур (Урим) 68, 104, 117, 119–120, 165
 Ур-Лумма 155–156, 205
 Ур-Нанше 102, 113, 120, 122–133, 152, 155, 198
 Уруинимгина (Урукагина) 112, 153, 159–163, 198, 217–218
 Уруб ? (*URU×GAN₂/tenū*) 114, 154
 Урук (Унуг) 63, 66–67, 104, 164–165, 171, 199
 Уту (Шамаш) 138, 152, 173, 180, 193
 Уш ? 155, 199
 Фара (Шуруппак) 102–103, 119, 215
 Царский список 60–62
 Шара 155, 180
 Шуб-ад (Пуаби) 119
 Шульги 140
 Шумер 15–16
 шумерология 34–37
 шумеры 26–29
 Э-Ана (Эанна) 63, 66
 Эанатум 102, 134–145, 225
 Элам 50–53, 69, 118
 эн (*ewen*) 66, 87, 194
 Энанатум I 116, 145–150

-
- Энанатум II 105, 156–157
Энентарзи(д) 157–159
Энинну 114, 145, 183
Энки (Эа, Эйя, *Хайя) 138,
170, 191–193
Энкиду 148
Эллиль (Эллиль, Иллиль) 134,
138, 174–175, 193
Эн-Менбаргеси (Ме(н)баргеси)
118
- Энмеркар 105, 198–199, 211
Энметена (Энтемена) 150,
205
энси (*ensi*₂) 119, 194
Энхедуана 202, 216
Эн-Шакушана 120, 164
Эреду (Эриду[г]) 47, 68, 165,
182

Оглавление

Введение	5
Часть I. География, население, языки	17
Часть II. Архаическая Месопотамия	47
Часть III. Раннединастический период	105
Заключение	233
Summary	234
Общая библиография	235
Рекомендуемая библиография	243
Иллюстрации	245
Краткий указатель реалий	257

Ковалев А. А.

К56 Месопотамия до Саргона Аккадского. Древнейшие этапы истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. 262 с.

Работа освещает ранние стадии развития цивилизации древнего Двуречья (Протописьменный и Раннединастический периоды). Автор прибегает непосредственно к материалу источников, а также к новейшим зарубежным исследованиям в данной области, учитывая при этом и достижения отечественных ассириологов и шумерологов. Помимо изложения исторических событий даются краткие очерки по проблематике, имеющей непосредственное отношение к теме работы, — развитие ассириологической науки, природные условия Месопотамии, эволюция шумерского письма.

Книга может быть использована в качестве учебного пособия в рамках курса «История Древнего Востока (история Месопотамии)»

ББК 63.3(0)31

Научное издание

Ковалев Анатолий Александрович

**Месопотамия до Саргона Аккадского
Древнейшие этапы истории**

Компьютерная верстка: *А. А. Ковалев*

ИД № 05992 от 05.10.2001

Подписано в печать 26.09.02

Гарнитура Букинист

Формат 60×90 ¹/₁₆ .

Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 16,1.

Тираж 500 экз. Заказ 263.

Издательский центр Российского
государственного гуманитарного
университета.